

Израэль Татяр

**СИНАГОГА –
РАЗГРОМЛЕННАЯ,
НО НЕПОКОРЕННАЯ**

Израэль Таяр

**СИНАГОГА – РАЗГРОМЛЕННАЯ,
НО НЕПОКОРЕННАЯ**

Израэль Таяр

**СИНАГОГА — РАЗГРОМЛЕННАЯ,
НО НЕПОКОРЕННАЯ**

Библиотека-Алия
1987 г.

Printed in Israel

Y. Tayar

Synagogue shuttered but not defeated

י. טייר

בית־הכנסת בברה"מ –

דוכא אך לא נכנע

ISBN 965-320-003-8

©

All rights reserved

ספרית־עליה

ת.ד. 7422, ירושלים

היוצאת לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניריורק

СОДЕРЖАНИЕ

Читая р. И. Таяра. <i>М. Занд</i>	5
Введение	11
Письмо 1. С дальней дороги	12

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Среди бухарских евреев (письма из Самарканда, Бухары, Душанбе, Ташкента)	19
ГЛАВА ВТОРАЯ. У горских евреев (письма из Баку, Кубы, Махачкалы, Буйнакска, Дер- бента)	44
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. В Грузии (письма из Тбилиси, Гори, Они, Вани, Кутаиси, Сухуми)	72

ЧАСТЬ II

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. По Белоруссии (письма из Минска, Борисова, Бобруйска, Гомеля Мозыря, Калинковичей, Могилева, Орши, Витебска и Полоцка)	107
ГЛАВА ПЯТАЯ. По Украине (письма из Харь- кова, Полтавы, Гадяча, Киева, Коростеня, Житомира, Бердичева, Шепетовки, Новоград- Вольнского, Славуты, Хмельницкого, Мед- жибожа, Винницы, Калиновки, Бершади, Могилев-Подольского, Одессы)	144
В итоге	210

Указатель незнакомых слов и понятий	213
---	-----

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

“Ленинградский еврейский альманах” (№9, 1986), опубликовавший отрывки из предлагаемой читателю книги И. Таяра, считает, что автор не без основания называет синагоги форпостами еврейской культуры и по их состоянию судит о духовной жизни еврейских общин.

В своем предисловии к настоящему изданию профессор М. Занд, глубоко осведомленный в положении евреев Советского Союза второй половины 20 века по личному опыту, по своим многолетним исследованиям, а также по посещениям тех окраин советской диаспоры, по которым путешествовал И. Таяр, отрицает возможность продолжения и развития еврейской религиозной и культурной жизни в Советском Союзе. Он рассматривает остатки синагог как угольки, в которых она теплится до тех пор, пока “раскроются ворота” и те, кто поддерживает эти угольки, смогут вернуться на историческую родину. Так ли это или нет – покажет будущее. Однако, несмотря на трагическую убогость остатков одного из важнейших и духовно наиболее богатых центров еврейской культуры, они, наряду с ульпанами по изучению иврита, пробуждающимся интересом к еврейской истории, культуре и литературе среди евреев как в городах с более или менее многочисленным еврейским населением, так и в захолустных уголках СССР, с непрерывной подвижнической деятельностью активистов алии оправдывают оптимистическую ноту автора и вселяют надежду на непокоримость еврейского национального самосознания. Это было неопровержимо доказано

многовековым существованием народа в диаспоре и возрождением еврейской государственности в наш век. И тогда, когда осуществится надежда на "открытие ворот", не только оставшиеся в Советском Союзе будут в той или иной степени сознавать себя евреями, но и те, кто покинет Советский Союз, не явятся русскими эмигрантами, переселившимися из одной страны в другую из предпочтения одного государственного режима другому, а евреями, стремящимися приобрести к полнокровной национальной жизни своего народа на его возрожденной родине.

ЧИТАЯ р. ИСРАЭЛЯ ТАЯРА

Рукопись этой книги добралась до Иерусалима неизвестными путями. Автор ее остался там, где он ее писал — в российском галуте. Он пожелал остаться неизвестным, и поэтому книга печатается под псевдонимом, под которым выдержки из нее опубликованы в советском еврейском самиздате (см. "Ленинградский еврейский альманах", №9, 1986).

Когда будущие историки еврейской литературы попытаются подвести итоги развития одного из своеобразнейших ее жанров — жанра "путешествий", этой книге российского еврея конца 20 века будет отведено в таком обзоре почетное место, — место, которого она, несомненно, достойна. В рамках еврейской литературы своеобразие жанра "путешествий", основа которого была фактически положена в 12 веке знаменитой книгой рабби Биньямина из Туделы, состоит в том, что главное в нем — это не описание путешествия как такового, природы и нравов новых стран, открывшихся автору, диких обычаев жителей этих земель, приключений, выпавших на долю автора в пути, и так далее, то есть всего того, что хорошо известно нам из книг такого рода в других литературах (например, из книги Марко Поло в литературе итальянской, Афанасия Никитина — в русской, Бузурга ибн Шахрияра — арабской и т. п.), — а сведения о евреях, живущих в описываемых странах, об их жизненном укладе, истории, взаимоотношениях с основным населением этих стран. Автор каждого такого сочинения, будучи сыном народа, изгнанного из своей страны и живущего среди других народов и подвластного им, непременно отво-

дит основное место в путевых очерках рассказу о жизни братьев своих в тех местах, где он побывал.

Такую же цель поставил себе автор и этой книги. Он взял на себя нелегкую, а для него, в его далеко не молодом возрасте, с войной и лагерями за плечами, нелегкую вдвойне задачу — объехать почти всю так называемую периферийную часть Советского Союза (за исключением Молдавии и Прибалтики) — Кавказ, Закавказье, Среднюю Азию, Сибирь (раздел рукописи, посвященный этой части его путешествия, до нас, к сожалению, не дошел), Украину, Белоруссию; увидеть своими глазами, что сохранилось там от еврейской религиозной жизни, и с максимальной точностью описать увиденное. Его рассказ — это рассказ человека с острым взглядом, твердой, видимо, вновь обретенной уже в зрелые годы верой и стремлением неукоснительно блюсти ее и сердцем, полным любви к своему народу. Этот рассказ прост, прям, лишен претензий на литературные красоты — и потому столь захватывающ. Книга эта — документ первостепенной важности, наиболее полный рассказ очевидца о жизни еврейской "глубинки" Советского Союза в годы после периода "большой алии" (т. е. после массовой репатриации 70-х годов).

Хотя автор и пытается завершить книгу на оптимистической ноте, мне представляется, что для еврейской религиозной жизни, как и для еврейской жизни вообще, будущего в Советском Союзе нет. Каждый, кто верует там, в российском галуте, в Твердыню Израиля, несколько раз на дню произносит молитвы, в которых просит Бога собрать изгнанников на их земле, вернуть еврейский народ в его страну. Приведу здесь лишь две из них, общие для всех вариантов еврейского ритуала (в еврейской терминологии — *несахим*): десятую бенедикцию молитвы Амида, произносимой трижды в день: "Протруби в рог великий свободу нашу и подними знамя собирания изгнанников наших и собери нас вместе с четырех краев земли. Благословен Ты, Бог, собирающий изгнанников народа своего, Израиля"; и

одну из бенедикций, произносимых по завершении хлебной трапезы: "Всемилосердный, Он сломит ярмо наше на вые нашей и поведет нас с распрямленной спиной и поднятой головой на землю нашу". По понедельникам, четвергам, субботам и праздникам верующий еврей прибавляет к этим словам и другие, из которых упомяну здесь лишь один стих из дополнительной субботней молитвы: "Да будет желание твое Бог, Господь наш и Господь отцов наших, дать нам подняться в радости на землю нашу и укоренить нас в пределе нашем", и восклицание, известное даже многим не сведущим в традициях: "В будущем году в Иерусалиме!", которым завершаются Судный день и пасхальная трапеза.

На несоответствие между этими и многими другими выражениями желания вернуться на землю предков и реальностью продолжающегося пребывания евреев в галуте обращали внимание многие еврейские мыслители и законоучители на протяжении веков. Одни — и до новейшего времени их было большинство — считали, что все эти моления относятся к эсхатологическому времени пришествия Мессии и лишь тогда они осуществятся. Однако уже в комментарии к одному из стихов Второзакония, написанном не ранее конца 4 в. н. э., т. е. в период, когда большая часть еврейского народа находилась в изгнании, мы читаем: "Проживание на Земле Израиля равно [исполнению] всех заповедей" (*мицвот*; Сифрей к Второзак. 12:29).

В 13 веке, комментируя другой стих той же главы Второзакония (12:5), один из крупнейших еврейских законоучителей Нахманид (аббр. Рамбан, Моше бен Нахман из Жероны, 1194—1270) писал: "И почему [сказано в комментируемом стихе]: "Обитать в нем [в месте, избранном Богом] взыщете?" Ибо пойдете в него из страны далекой и будете спрашивать: "Где путь к дому Господню?" — и будете говорить друг другу: "Идите и поднимемся на гору Божию, в дом Бога Иакова" [Исход 2:3; Миха 4:2], — ибо сказано [Иеремия 50:5] "О Сионе спрсят и на стезю к нему

лица их [обращены]”.

Традиция толкования Божественного предписания (*мицва*) жить на Земле Израиля как предписания, относящегося не только к эсхатологическому времени, но и к *ха-zman ха-зе* — этому времени, т. е. периоду жизни каждого поколения, не прерывалась в течение веков, хотя и оспаривалась многими религиозными авторитетами, и вместе с ней не прерывалась и традиция алии — ”восхождения” на Землю Израиля. Революция, которую совершил в еврейском самосознании сионизм, состояла не только и, быть может, не столько в секуляризации этой традиции (несмотря на первоначальное сопротивление сионизму большинства религиозных авторитетов, уже в 1902 году возникло организованное религиозно-сионистское движение как часть сионистского движения в целом), сколько в превращении ее из кредо одиночек и, в лучшем случае, небольших групп в кредо массового национально-освободительного движения еврейского народа.

Почти невозможно ответить на вопрос, какой процент религиозных евреев СССР репатриировался в Израиль в годы ”большой алии”. По-видимому, подавляющее большинство моих знакомых в возрасте до 50 лет, в той или иной степени причастных к еврейской религии, покинули в те годы СССР и прибыли в Израиль. Очевидно, нынешние прихожане синагог и участники молитвенных групп (миньянов) в СССР, описанные р. Исраэлем Таяром, — это люди, которые в большинстве своем не смогли, не успели или не решились репатриироваться в Израиль в годы ”большой алии” или пришли к вере и традиции, когда ворота исхода стали уже закрываться.

Отмечу еще один аспект нынешней еврейской жизни в СССР: все синагоги и молитвенные группы (миньяны), описанные автором, действовали с разрешения, юридического или фактического, соответствующих советских властей. Зная, что все более или менее постоянные посетители этих синагог и участники миньянов находятся под пристальным вниманием местных влас-

тей, не приходится удивляться тому, что в Советском Союзе многие годы и до "большой алии" существовало явление, которое следовало бы назвать "параллельным иудаизмом". Учеба в ВУЗе, работа в научном учреждении, продвижение по службе в промышленности ставятся под угрозу открытым исповеданием любой религии, а открытое исповедание иудаизма делает все это просто невозможным. Поэтому студент, научный сотрудник, заводской инженер предпочтут официально действующим синагоге или миньяну миньян неофициальный, а то и хавруту — группу в несколько человек, изучающих совместно Тору и Талмуд, или даже будет молиться и изучать религиозные тексты сам, в одиночку (*би-иехидут*). Большинство верующих молодых людей, прибывающих в Израиль в годы после "большой алии", — и процент их довольно значителен в том маленьком ручейке, который сочится к нам из СССР в 80-е годы, — принадлежали там именно к таким неофициальным миньянам и хаврутам. Надо надеяться, что когда снова откроются ворота алии (я полагаю, что в силу многих обстоятельств, обсуждение которых выходит за рамки вводного слова к книге, рано или поздно это совершится), все те, кто сейчас молит Бога в Гори или Шепетовке, Самарканде и Гомеле, Дербенте и Житомире, в любой точке российского галута о скорейшем возвращении нашего народа на его землю, будут в числе первых, кто с распрямленной спиной и поднятой головой вернется на нее и тем самым исполнит предписание, выполнение которого наша традиция уже полторы тысячи лет считает равным выполнению всех предписаний, предписание, ради исполнения которого всем нашим народом создана эта страна.

Михаэль Занд

Иерусалим,
15 кислева 5748 (17. 12. 1986)

ВВЕДЕНИЕ

В историческом прошлом руководство духовной жизнью еврейского народа в соответствии с предписанием Торы осуществлялось непосредственно из единого центра — Храма. С его разрушением началась тяжкая и по сей день продолжающаяся борьба за духовные ценности еврейского народа уже децентрализованно, в основном и главным образом из синагог. Их можно рассматривать как бастионы, форпосты еврейской культуры, окруженной враждебной еврейскому народу стихией.

История синагоги — это в какой-то мере часть истории еврейского народа. Состояние синагоги в различные эпохи многовековой истории — показатель духовной жизни народа. Со времени революции в России для синагоги наступили резкие перемены. Вызов был брошен революцией всем религиям, но особенно тяжело пришлось синагоге, а вместе с тем, как закономерное следствие, и духовной жизни всего еврейского народа. Борьба с религией других народов повлияла на духовную жизнь этих народов, но не привела к резкому и коренному изменению их судеб. А для еврейского народа, с его своеобразием, наступление на еврейскую религию привело к резкому разгрому и всей еврейской культуры, к падению численности евреев в Советской России, к ассимиляции. Появились реальные тенденции к полному исчезновению российского еврейства.

Процесс наступления на религию продолжается и сейчас. При этом синагогу можно рассматривать по-прежнему как укрепленный пункт, бастион, в котором продолжается духовная деятельность еврейского народа. Стремление к окончательному разгро-

му этих очагов духовной жизни народа не иссякает. Используются многие средства, в том числе широко применяется "метод троянского коня".

В приводимых заметках представлены фактические данные о еврейских синагогах и общинах в различных городах и местечках. Забегая вперед, следует сказать (и это отражено в заглавии), что состояние синагоги крайне тяжелое. В то же время есть отдельные свидетельства того, что синагога сможет найти в себе силы для новой более полнокровной жизни, хотя для такого оптимизма оснований все еще немного...

Письмо 1

С дальней дороги (письмо другу)

Дорогой друг, я выполняю свое обещание писать тебе о своих путевых впечатлениях. Но прежде чем писать о встречах с людьми, о местах, где уже побывал и которые предстоит еще посетить, и вообще о "дорожных происшествиях", мне хотелось бы коротко поведать тебе сначала о цели своей поездки. В предотъездной суматохе, к сожалению, не нашлось у нас времени, чтобы об этом поговорить. Я надеюсь, что ты меня поймешь, как говорят, с полуслова, так как очевидно, что путевые наблюдения должны быть по возможности краткими, вроде боевых донесений. И при этом ты должен быть не слишком строгим критиком литературного стиля.

Моя поездка — это спонтанное желание познакомиться с жизнью еврейских общин; оно явилось после того, как побывал я на родине моего отца, там, где были еврейские колонии, на Украине. В тех местах еще с начала прошлого столетия царское правительство создало нечто вроде резерваций для евреев, дало им целинные земли, но изолировало от мест-

ного населения — с сохранением религиозной независимости и относительной самостоятельности. В силу многих причин, которые сейчас нет возможности перечислить (о них я подробно писал в своей предыдущей работе*), эти колонии безвозвратно канули в неизвестность. Они исчезли после некоторого периода относительного процветания, не оставив почти никаких следов, не считая литературных источников, не слишком доступных для широкого читателя.

Такой, по существу, трагический итог этой общины, как и многих других, не мог не привести к самым мрачным прогнозам: разгром всех общин, полное подчинение синагоги властям. Видя трагическую судьбу этих колоний, я совершенно отчетливо представил себе интенсивную ассимиляцию, происходящую с еврейским народом, с одним из выдающихся народов всех времен, владеющим огромной духовной сокровищницей и бесценной культурой — иудаизмом. Это учение, которое по сравнению с современными социальными учениями кажется гигантом перед пигмеями, в настоящее время под напором силы чужой и враждебной оказалось в ужасающем состоянии, близком к полному истреблению, по крайней мере, на одной шестой части света. Достаточно красноречиво об этом говорят итоги переписи в СССР. Напомню тебе хотя бы следующие цифры о количестве евреев в Советском Союзе: в 1959 — 2,3 млн., в 1970 — 2,2 млн., а в 1979 — 1,8 млн. Это данные равнодушной статистики. Но, вероятно, тебе знакомы и многие факты ассимиляции евреев среди окружающих семейств и отдельных людей и по литературным произведениям. Сейчас эти отдельные примеры не вызывают никаких сомнений, подтверждены статистическими данными. Не время даже спорить, кто в этом виноват. Можно согласиться с мнением, что виноваты в этом, главным образом, все-таки сами евреи, если не считать общую ассимиляторскую

* "Судьба еврейских колоний на Украине" (1978).

тенденцию государственной политики и отдельных антисемитских действий чиновников. Но если это так, то кто, как не евреи, должны всеми силами приостановить этот губительный для них процесс самоистребления?

Тебе хорошо известно, как после революции массы еврейского народа хлынули из мест резерваций, или "черты оседлости", на просторы необъятной страны, и начался процесс смешения сравнительно небольшого, но уникального народа с другими народами, численно превосходящими его. В этой общей массе, несмотря на качественно отличные исходные "компоненты", относительно небольшие примеси еврейского народа вовсе неприметны. В массе, например, русского народа еврейская культура — язык, религия, традиции, обычаи — исчезла, а вместе с ней и народ. Но если много пишут и хлопчут об исчезновении редких зверей, птиц или растений, то почему мы должны быть равнодушными к исчезновению редчайшего, Богом избранного народа, давшего людям этические основы гуманизма, создателя непререкаемых истин современной цивилизации, даже если исчезновение неполное, даже если народ всего лишь становится, так сказать, музейной редкостью, предметом "антиквариата"?

Наиболее ярко самобытность еврейского народа выражается в его религии, религия содержит все черты национального характера и культуры. Опыт жизни совершенно однозначно показывает, что для еврейского народа отказ от религии, от иудаизма — это по существу первый и решительный шаг к отказу от еврейской сути вообще. Ибо религия, и только она, на протяжении веков сохранила народ, несмотря на чудовищные условия угнетения и порабощения. Хотя и религия не всесильна, к сожалению.

Но в окружающей нас действительности, как тебе хорошо известно, почти полностью отсутствуют даже следы былого еврейского образа жизни. Где его еще можно найти в наши дни? Думается, где-нибудь

в провинции, в отдаленных от центра местах, где еще продолжают кучно проживать евреи, где, возможно, сохранился старый уклад еврейской общины. Чтобы с ними познакомиться, я и предпринимаю свою поездку.

Итак, цель моей поездки — знакомство с жизнью евреев, с уцелевшим бытом, связанным с религиозной традицией, с религиозными отправлениями. С тем образом жизни, который оказался несломленным под натиском превосходящих сил противника. С теми, кто не принял покорно идею несопротивления и кто, помимо своего желания, оказался в положении музейной редкости и представляет собой в настоящее время антикварную ценность.

В своих письмах я попытаюсь передать непосредственные впечатления от знакомства с новыми людьми, с их судьбами и наиболее яркими событиями и происшествиями в общинах. Конечно, за короткий срок всего не узнаешь, но, как при моментальной фотографии, за доли секунды можно получить представление о виденном, так и беглые записи должны дать, как мне кажется, некоторое представление об образе религиозной жизни евреев в наши дни.

Шалом! Жму руку!

Твой друг.

Октябрь 1979 г.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Среди бухарских евреев

(письма из Самарканда, Бухары, Душанбе, Ташкента)

Письмо 2

Нетронутая старина

(из Самарканда)

Нетронутая старина бросается в глаза в облике старой части города, где меня очень гостеприимно приняли в одном из домов. Старый Самарканд не может не умилить всякого любителя старины. В узких, кривых, без тротуаров улочках, переулках и тупичках и в слепых — без окон — домах много прелести. Однако при всем умилении надо быть начеку, если по мостовой — а она рассчитана на двух ишаков — на вас лихо мчится машина. От испуга вы невольно стремитесь буквально вдавиться в каменную стену. Этот страх особенно ощутим в предрасветный час, когда человек направляется к ранней молитве...

Войдя в дверь (чаще всего двустворчатую) в сплошном заборе, вы попадаете во внутренний дворик. По его периметру — обычно застекленная веранда, а в центре — фруктовый садик и виноградник. В жаркий день здесь много тени. В таких дворах и на таких улицах живут евреи вот уже несколько столетий. В этом районе расположены синагога, *шхита*, баня (бывшая *микве*), недалеко и кладбище. Имеется *кашерная* шашлычная.

Нетронутой стариной веет и от синагоги. Непри-

метная и скромная, она несколько отличается от европейских. Тут два отделения: одно — меньшее — для европейских евреев, второе — для бухарских. В нем ежедневно два *миньяна*, человек по тридцать-сорок, а по субботам — свыше ста человек всех возрастов: старики, средний возраст, дети. Есть отделение для женщин. В центре помещения — *бима*, окруженная скамейками. В восточной стороне *Орн-койдеш* со свитками Торы. Каждый свиток сохраняется в деревянном футляре, обитом бархатом. Свиток Торы перекатывается внутри футляра. В чтении молитв имеются некоторые незначительные отличия, вызванные сефардским ритуалом. Заметно бросается в глаза чтение Псалмов. Им уделяется значительно больше времени, чем в ашкеназских синагогах. Это чтение часто прерывается *Каддишем*, который читается почти всеми присутствующими громко и четко. Люди молятся неистово и темпераментно, чего не приходилось наблюдать в московских синагогах. Умиляет дух сосредоточенности, витающий над молящимися, в особенности при чтении *Каддиша*.

Заметно отличие и в *Благословении Коханим*, которое произносится ежедневно утром, тогда как у нас — только по праздникам. Интересен обычай сбора *цдаки*. Дважды во время молитвы — в начале и в конце — обходят с кружкой всех. Кроме того, подходят за *цдакой* для нуждающихся. У входа сидят несколько старух в ожидании подаяния...

До молитвы служка преподносит каждому пиалу со сладким чаем, а после молитвы, если отмечается у кого-либо *иорцайт* — стопку водки с вяленой или жареной рыбой.

Суббота протекает особенно. К чтению Торы вызываются, как принято, *кохен*, *леви*, затем двое, у кого *иорцайт*, далее гость и другие. После окончания молитвы почти все присутствующие направляются в один из домов, где отмечается *иорцайт*. Там уже накрыты столы вдоль стен большой комнаты. Все садятся, и старик читает молитву и несколько Псал-

мов. Затем произносится *Браха* над стопкой водки. Закусывают рыбой, овощами и фруктами. На столе также и яйца, которые мне сначала кажутся несвежими: белок у них желтоватый. Потом все выяснилось. Цвет белка изменился от долгой варки. Яйца начинают варить в пятницу, до зажигания свечей, и они непрерывно греются до послемолитвенного часа в субботу. От этого и желтеют.

В кратких речах вспоминают достоинства того, из-за кого отмечали *иорцайт*. Затем люди поднимаются и идут на соседнюю улицу, где тоже поминки — в другой семье. Здесь все примерно повторяется. Как и в первом доме, те люди, для кого не хватило сразу мест, садятся за стол потом. Первая группа гостей и я с ними, проходит несколько переулков и входит в дом, где шумит свадьба. Опять просторное помещение, накрыты столы, и хозяева радушно встречают проходящих. Это продолжение свадебной церемонии. Празднование свадьбы, *хуппа*, началось в среду или в четверг. В субботу приглашаются верующие евреи из синагоги. Вот все усаживаются. Появляются жених и невеста (лицо невесты закрыто). Останавливаются посреди комнаты. Один из стариков читает молитву, и начинаются тосты. Я желаю молодым людям, чтобы их дети родились в Израиле. Некоторые из присутствующих меня не понимают и спрашивают соседей, а затем улыбаются и кивают. Вскоро нас сменяет другой *миньян*. Свадьба продолжается.

Я узнал: большинство жителей еврейских улиц соблюдают *кашрут*. Мясо, хотя и дорогое, но сравнительно доступное. Есть и *кашерная*, частная, разумеется, "шашлычная", куда можно забежать рано утром до работы. Днем она не работает.

Наличие *шойхета* облегчает и проблему *брит-милы*. Менее заметно обучение детей ивриту. Хотя в синагоге много детей и молодых людей, чувствуется, что они мало занимаются Торой. В синагоге не учат *Благоеморе*. Однако имеются несколько *талмид-хаха-*

мим, которые всю молитву знают наизусть, как и *баал-криа*. Не хватает учебников иврита. Об этом рассказали два брата-школьника, они очень хотели учить иврит, но нет учебников.

Местное кладбище в хорошем состоянии. Наряду со старыми скромными могилами с сохранившимися еврейскими надписями, имеется много новых могил с богатыми памятниками — местным певцам, художникам и другим, — на которых надписи уже русские и вместо *Маген-Давида* — пятиконечная звезда...

...Удалось побывать и на более пышной свадьбе, там собралось около трехсот человек. Оркестр играл оглушающе, звучала современная музыка. Свадьба проходила в таджикско-узбекском стиле. Ни одной еврейской песни, ни одного напева. Большинство мелодий восточные, а слова русские. Все тосты звучали по-русски, хотя жених и невеста — бухарские евреи, дети местных врачей. В узком проходе между столами появилась пританцовывающая полная женщина в восточном одеянии и с воздетыми кверху руками. В пальцах зажаты купюры — десятки, четвертные. Вероятно, намек на пожертвования. Пачки денег в руках женщины толстеют. Ее сменяет другая женщина, снова тост через мегафон. За столом оживленная беседа, доминируют еврейские темы. В центре внимания рассказ одного гостя о его визите в Америку по гостевому приглашению. Правдиво рассказывает о впечатлениях, впрочем, они не отличаются от уже ранее известного: живут в Америке хорошо, но обособленно. Коснувшись религиозной темы и желая поразить слушателей, он рассказал как, например, в Америке празднуют субботу. Возле синагоги — вереница автомобилей, женщины сидят рядом с мужчинами и прочие новшества реформистских синагог. И закончил словами: "Не так, как здесь". Воспользовавшись паузой, я спросил: "Сколько лет существует местная община?" Он подумал и ответил: "Лет шестьсот или даже восемьсот". — "Ду-

маете ли вы, что что-то останется от еврейской общины в Америке через сто лет, если она будет вводить такие резкие изменения в традиции?" Это соображение, по-видимому, оказалось для него неожиданным. Дальше он рассказывал с меньшим увлечением и вскоре перешел к другому столу...

А я разговорился с художником. Он — за выезд в Израиль и даже незамедлительный, но, так сказать, поэтапный. Пусть сначала едут молодые — его дочь с мужем и ребенком. Потом вторая дочь, а затем они, старики. Начал цитировать Пророков, что наступит день — и все арабы погибнут. Верно ли это? Есть ли в действительности где-то подобные намеки?

Почти у каждой семьи есть родственники в Израиле, и стремление к выезду общее. Но, как заявил один из местных жителей, люди не уезжают потому, что не решаются расстаться со своими домами. Каждый здешний дом стоит примерно пятьдесят-семьдесят пять тысяч рублей. Как расстаться с такими деньгами? Кому продать дом? До сих пор старались продать жилище другому еврею, с тем, чтобы сохранить еврейский район. Но сейчас, когда почти каждый еврей мечтает о выезде, возникает проблема, кому продавать дома. Среди евреев все меньше находится желающих их приобрести. А остающиеся предпочитают переселиться в новые благоустроенные кварталы. Вероятно, этот естественный процесс приведет через некоторое время к тому, что до сих пор сохранившийся еврейский квартал, уникальный очаг "нетронутой" старины, просуществует совсем недолго. Пока власти не вмешиваются ни в финансовые сделки по продаже участков, ни в дела прописки. Но уже немало случаев, когда на этих улицах селятся узбеки, русские и другие *гои*.

...Мой друг, существует мнение, что антисемитизм толкает евреев в объятия сионизма. Возможно, что это в какой-то мере и так. Зажатый неприязненным окружением антисемитов, еврей ищет прибежище в "Земле обетованной". И поэтому как мера борь-

бы с сионизмом со стороны властей существуют проекты создания "условий" для "духовного" (религиозного) процветания верующих евреев. Однако на примере самаркандской общины видно, что даже при отсутствии заметного антисемитизма и при относительном благополучии еврейской общины тяга евреев к Израилю ничуть не меньше, чем в других местах. Это наблюдение говорит о том, что не только антисемитизм породил и питает сионизм...

Побывав в этих краях, можно подумать, что, хотя разгром синагоги коснулся и общины бухарских евреев, все же по сравнению с еврейскими религиозными общинами европейской части СССР, ее можно считать относительно процветающей. Но при ближайшем рассмотрении это благополучие и нетронутая старина — только кажущиеся, а на самом деле идет интенсивный процесс распада общины, которая существует еще самое непродолжительное время и так же исчезнет, как и общины в европейской части СССР.

Октябрь 1979 г.

Письмо 3

Есть отчего тревожиться...
(из Бухары)

И в Бухаре мне везет. Довольно быстро нахожу дом, в котором меня пригласили жить как угодно долго. Дом — в старой части города, подобной самаркандской, но менее колоритной. За последние годы этот район стал подвергаться реконструкции. Как и в Самарканде, дом находится в кривом и слепом переулке, окруженный сплошным забором с калиткой. Переступив порог, попадаете в закрытый со всех сторон двор, сплошь вымощенный камнем.

Здесь сада нет никакого. По периметру — одноэтажные жилые помещения. В той части дома, где живет хозяин, две комнатки и передняя, она же и кухня: газовая плита, холодильник, водопровод. В комнатах — сплошные ковры: на полах и стенах, даже в несколько слоев. В углу — обеденный стол с несколькими книгами, в другом — телевизор. Пара стульев. Во второй комнате — кровать, шкаф, на стенах семейные фотографии.

Хозяин — местный старожил, глубокий старик около девяноста лет, с седой клинообразной бородой, невысокого роста, коренастый, слегка прихрамывает, на ногах мягкие кожаные чулки-сапоги — это дома, а на улице — в галошах. На голове кипа — в доме, на улице — шляпа. Уже несколько лет как овдовел, но не хочет покидать свой дом и переходить к дочери. Внук-старшеклассник часто навещает и даже подолгу живет у него. Здоровье старика отлично сохранилось, ясная голова, хорошая память, очками не пользуется, он богомолен.

Движения его неторопливы, спокойны, чувствуется сознание собственного достоинства и даже важность. Разговаривает, не повышая голоса. Большой любитель табака, он не спеша набирает из табакерки небольшую порцию и ловким движением забрасывает в рот, за щеку. Многие местные жители вот так лакомятся табаком, который по внешнему виду вроде бы не отличается от обычного, нам известного. Я тоже попробовал его и храбро выдержал горечь до полного растворения, правда, это не обязательно, можно выплевывать в любое время, хотя зрелище не очень приятное для окружающих...

По утрам, после омовения, мой хозяин не спеша молится, однако без *талеса* и *тфиллин*. Сейчас он уже из-за своей слабости в синагогу не ходит, хотя та не очень далеко. Старик известен как *хахам* и часто приглашается к ближайшим соседям на поминки или свадьбы. Пять лет провел в лагерях. Его избивали и требовали, чтобы он забыл Бога. Выбили

все зубы, покалечили ногу (она не сгибается), но он остался верен Богу.

При всем при этом, ни сына, ни внука молитвам (а внука даже еврейской грамоте) не обучил, что характерно для многих, поэтому я и хочу сказать о нем. На мой вопрос, почему он, такой *хахам*, а внука даже ивриту не обучил, ведь это же грех, ответил, что согласен со мной, но добавил: боится, что если узнают о богомольности внука, то будут преследовать и мальчика и родителей. На мое "Ал пахад!"* старик не реагирует и разговор переводит на другую тему. За несколько дней моего пребывания я обучил внука моего хозяина *алеф-бет*, мальчик быстро и с большим желанием усвоил азбуку и стал читать.

Старик очень любит рассказывать о прошлом города, о себе, о талмудических истинах. Он, конечно, не раввин, но сам себя представляет как *талмид-хахам*.

После революции в Бухаре было около двадцати тысяч евреев и восемнадцать синагог, каждая с тремя отделениями. Сейчас в городе одна синагога с тремя отделениями, ее посещают человек пятьдесят-сто, имеются также и несколько *миньянов*. В субботу собираются до ста пятидесяти-двухсот человек. Синагога напоминает самаркандскую. Один *миньян* ранний, буквально на рассвете, для работающих, другой — с наступлением утра. Есть отделение для европейских евреев и для женщин. Как и в Самарканде, община довольно крепкая, с давними традициями, строго соблюдается *Каддиш* и чтение Псалмов, порядок молитв — сефардский, но в то же время произношение не совсем израильское. Чтение Торы без привычного напева, *хаззан* не поет, а читает речитативом. Ежедневно *Благословение Коханим*. Заключительный *Каддиш* читают не после, а до *Алейну*. Также обходят два раза с кружкой пожертвований. Как и положено, гостю была предоставлена *алия*.

* "Ал пахад!" (ивр.) — "Не страшиться!"

Раввина в общине нет, но имеется *шойхет*, и *кашерное* мясо широко употребляется.

После *Шахарис* в субботу я был приглашен на поминки и свадьбу. Сначала группа евреев прямо из синагоги пошла в дом, где отмечался *иорцайт*. Этот дом принадлежал, по-видимому, богатому человеку. Высокое помещение с лепными украшениями в восточном стиле, надписи на иврите. Быть может, это была в прошлом синагога, превратившаяся в жилой дом? Расспрашивать некогда: все сразу же сели за стол. Началось с молитвы, а затем традиционная стопка водки, рыбная снедь и хрустящая, тонкая как бумага, лепешка, после которой не полагается *Биркат ха-мазон*.

Разговорился с местным жителем врачом. Он вышел недавно на пенсию, но работает на полставки. Всем доволен. Дочь с мужем в Израиле, у них двое детей — сабры*. На фотографиях счастливая семья. Вторая дочь и сын, окончивший мединститут, очень решительно настроены ехать в Израиль. Дочка даже ради этого покинула в Ташкенте мединститут и работает медсестрой. Но сам врач колеблется: здоровье пошаливает. Его отец — старожил города, очень набожный еврей, умер накануне отъезда в Израиль, но мать решила ехать одна. Сейчас она живет там в пансионате для стариков, специально для бухарских евреев (частном), куда попасть нелегко. Очень довольна и ждет его. Врач же, хотя и хнычет, что уж стар и жаль оставлять хороший дом, но понимает: следует уезжать.

Познакомился также с одним сапожником, работающим в будке на улице. Ему лет сорок. Брат в Израиле. Пишет, чтобы пока воздержался от поездки в Израиль. Серьезно ли это все или какие-то комбинации — непонятно. В необходимости выезда нет со-

* Сабра — плод кактуса, покрытый колючками снаружи и сладкий внутри. Так называют родившихся в Израиле детей.

мнений, но якобы нужно ждать какой-то более подходящей момент. Какой?

До сих пор были нередки случаи поездок в Америку или даже в Израиль по гостевым приглашениям, на срок до трех месяцев. Власти, вероятно, предполагали, что рассказы об "ужасах" капиталистического мира или бедствиях неустраившихся эмигрантов отобьют охоту у желающих уехать. Возможно, подобные рассказы о невзгодах и действовали на некоторых колебавшихся. Но за последнее время число поездок в гости сократилось по неизвестным причинам. Многие из желающих съездить на время теперь просят разрешение на выезд на постоянное жительство — так уверял меня в синагоге один из ветеранов войны.

Еще с одним ветераном войны встретился. Вид у него благообразный, большая холеная борода. Профессия — парикмахер, довольно бегло разговаривает на иврите. Во время войны служил в Латвии, и начальником у него был местный еврей, хорошо знавший иврит; они часто беседовали. В первую встречу показался очень любезным и доброжелательным. Но при последующих разговорах оказался более сухим и настороженным. Вообще в Бухаре евреи производят впечатление более напуганных, чем в Самарканде, и для этого есть, как мне кажется, некоторые основания.

Коренное население Бухары — выходцы из Ирана. Для них постоянно работает радио Тегерана. Все взбудоражены событиями в Иране, свержением шаха. Там, естественно, настроены антиеврейски и, по словам одного еврея, работника торговой сети, в любую минуту могут всех перебить. Не поэтому ли среди местных евреев столько говорят о выезде, о трудностях, с этим связанных, сомнениях и прочем. Почти в каждой семье есть кто-то близкий, живущий в Израиле.

Бухара отличается от Самарканды еще одной особенностью, которая наложила, по-видимому, свой

отпечаток на облик еврейской общины. Бухара — исламский религиозный центр в Советском Союзе. Здесь находится высшее учебное заведение для исламских священников. Оно расположено в огромном старинном здании XIV века в восточном стиле, бывшем и прежде *медресе*.

В разговоре дежурный студент у ворот *медресе*, куда посторонним вход, конечно же, воспрещен, уверял, что в заведении учатся только советские граждане. После окончания они распределяются только по Советскому Союзу. Однако, как мне кажется, нет оснований считать, что здесь не могут готовить и иностранцев или мулл для иных стран. Вся учеба идет на арабском языке, языке Корана. В городе много действующих минаретов (не говоря о старинных *медресе*), торговых центров и других куполообразных строений, придающих совершенно исламский облик городу. Понятно, что еврейское население должно чувствовать себя не очень уютно в таком месте. Нелегко быть евреем — это известно всем и всюду, но быть евреем, да еще религиозным, в Бухаре — для этого нужно мужество.

Есть случаи открытого антисемитизма. Это произошло в магазине. Подвыпивший узбек лет сорока пяти, довольно крупный мужчина, схватил некоего пожилого гражданина за галстук и угрожающим голосом произнес: "Ну, еврей!.." На это гражданин, естественно, разбушевался, начал вытаскивать из своего кармана какую-то красную книжечку, то ли партийную, то ли инвалидную, и что-то в ответ доказывать, сильно волнуясь. Собралась толпа любопытных, а затем появилась продавщица и вдруг стала защищать пожилого гражданина. Подвыпивший узбек, будто бы приехавший из Ташкента шофер, спокойно удалился, а разволновавшийся гражданин никак не мог успокоиться и что-то бормотал двум-трем слушателям, все прочие же разошлись с равнодушными лицами.

Второй случай произошел в доме старого еврея,

у которого я остановился. Возвратившись однажды после *Маарив*, я застал взволнованных детей старика, их по телефону вызвали соседи. Какой-то хулиган выломал калитку в стене. Предполагали, что виновен кто-то из соседей-иранцев, потому что подобное бывало и прежде. Дети хлопотали по поводу калитки и уговаривали старика отца переехать к ним, но он отказывался.

Стоит добавить, пожалуй, еще один эпизод. Дело было уже в поезде, я уезжал из города. На одной из ближайших станций вошел в соседнее отделение пассажир, сразу же обративший на себя внимание громким говором. Изрядно выпивший шофер-пенсионер, ветеран войны, "хозяин земли русской" получил за беспорочную трудовую деятельность путевку на Кавказ. Все это он поведал слушавшим и не слушавшим пассажирам, а затем почти без паузы перешел на, по видимому, хорошо знакомую и любимую антисемитскую тему. Говорил хулиган много, громко и четко, провозглашал "классические" широко известные "истины". Евреи повинны в том, что прилавки магазинов пусты, евреи прячут золото, евреи хотят захватить мировую власть, евреи трусы и, конечно, не воевали. Он, как участник войны, прекрасно об этом знает, ведь был на фронте!

Я заглянул в соседнее отделение, чтобы посмотреть на него и на молчаливых слушателей. Ввязываться "в беседу" не было никакого желания, как и прохожему, услышавшему лай собаки. Ни прогнать собаку, ни заткнуть ей пасть; ну и пусть брешет. Сосед-антисемит противен, но ведь и громкое, дребезжащее радио в вагоне не всегда можно выключить, есть любители слушать все подряд, без перерыва, хотя и передачи скучны и глупы бывают, а приходится мириться! А в том случае — тем более. Ведь он русский — "хозяин земли своей".

Не стану перечислять и другие, менее броские случаи антисемитизма. Они иллюстрируют, сколь живуч народный антисемитизм, питающийся из не-

иссякаемого зловонного источника. Эти житейские факты не слишком оригинальны, но все же объясняют некоторые особенности жизни евреев в Бухаре.

Ноябрь, 1979 г.

Письмо 4

Утешение в Боге (из Душанбе)

Из Бухары до Душанбе поездом ехать семнадцать часов. Место у меня в общем вагоне. Поездка, помимо описанного случая, оказалась примечательной и другими встречами. Многие пассажиры — воры в прошлом, отбывшие наказание и возвращающиеся из лагерей. Кроме того, много демобилизованных солдат, почти все пьяные или подвыпившие. Спать невозможно: запросто лишишься своего небольшого чемоданчика! То один, то другой подсаживались ко мне и вели бессвязный разговор. Впрочем, один человек запомнился лучше остальных. Тоже чем-то возбужден и как будто пьян, но говорил о необычном для простого человека — о любви. Первый раз мне пришлось встретить человека из народа, который так просто, по-видимому, искренне говорил о собственных любовных чувствах. Ему около сорока лет. Не скрывал, что она у него не первая, а он у нее — и подавно. Более того, ее он представлял себе соседнику чуть ли не пьяницей и проституткой. У нее много других мужчин было и могут быть еще, но он, странное дело, не ревнует. Пусть. Но она ему нужна, без нее не может себе места найти. Пробовал уехать и жить вдали от любовницы, сходил с другими женщинами, есть у него и дети. Однако не может никак ее забыть. Что это, блажь? Извращение? Сейчас едет к ней довольно далеко и после длительной разлуки, причем она пишет, чтобы не приезжал. Жен-

щина ютится с шестнадцатилетней дочерью у дальней родственницы. Там живут еще какие-то другие родичи, а он решил ехать. Деньги дала мать, сжалась, видя любовные терзания сына.

Человек совал мне ее письма, я их без особого любопытства просматривал. Я был почти готов поверить, что встретил действительно необычный для нормальных советских людей вид любовных влечений.

Другой нетрезвый тип, пристававший с разговором, был уголовный преступник, отбывающий срок. Дело, по которому он сидит, связано с крупной авиационной катастрофой. Осужденный — не то летчик, не то штурман или диспетчер в аэропорту. В числе других и ему было предъявлено обвинение, получил десять лет. После нескольких лет пребывания в лагере за "примерное поведение" начальство разрешило повидаться с родителями и с женой, но с последующим возвращением в лагерь. Оказывается, существует и такая форма отбывания наказания.

О жене тип не мог равнодушно говорить и несколько раз проговаривался: он-де обязательно ее убьет! Пусть ему добавят какой угодно срок! Пьяный бред, бессвязно выкладываемый, не вызывал особого сочувствия. Тип выглядел малопривлекательно. Стриженный наголо, скуластый, с узкими глазками, с повадками лагерного уголовника, мне, увы, хорошо знакомыми. Одет в какую-то рабочую спецовку...

Через два дня я случайно увидел этого типа в Душанбе. Попутчик клянчил у продавца порцию мороженого без денег. Продавец, конечно, не давал, но тот не отходил и продолжал канючить. Меня он, к счастью, не узнал и не подошел.

Были в вагоне и другие похожие персонажи. Случались кражи. Появлялась милиция. На одной станции милиционеры волокли мальчика лет тринадцати, возвращавшегося из лагеря, он упирался и отнекивался от очередной кражи. В общем поездка оказалась по-своему впечатляющей.

Наконец, наступило утро, и поезд остановился в Душанбе, столице Таджикистана. Я довольно быстро нашел моих знакомых, живших в центре города. Моя юная знакомая торопилась на службу, а я хотел попасть к утренней молитве в синагогу. Поэтому мы сразу же вышли и, поймав машину, поехали вместе. О синагоге женщина знала только, что та находится вблизи рынка. Я думал, что этого почти достаточно, и я найду синагогу. Договорившись о встрече вечером и высадившись у рынка, приступил к поискам.

О методе поиска синагог я расскажу тебе, дорогой друг, как-нибудь в другой раз. Сейчас только скажу: это не так просто и связано со многими курьезными обстоятельствами. Примечательно, что большинство местных жителей вообще не знает, что такое синагога и, естественно, где она помещается. Не знают о ней также и многие евреи, не только обрусевшие, но даже и, так сказать, полуассимилированные, а если и слышали что-то о синагоге, то все равно не знают даже, где она находится! Живя в городе по многу лет, ни разу ее не посещают. Это поразительный факт — произошло отчуждение от традиций и культуры. Причем даже в наше время, когда многие евреи начали осознавать, что они все же евреи и никуда от этого не уйдешь. Даже теперь то ли безотчетный страх, то ли неприязнь или равнодушие заметны по отношению к синагоге. Синагога — не только место для молитвы, но и связующее евреев звено, которое позволяет им ощущать себя народом с древними традициями и культурой, ручеек, тонкая нить, которая может связать еврея с евреем.

Выйдя из машины и направляясь вдоль рынка, я начал выискивать более или менее подходящую физиономию для расспросов. После нескольких безуспешных попыток один прохожий проявил какое-то понимание и объяснил приблизительно как пройти. Я уже знал, что и евреи не всегда осведомлены о синагоге. Но я решил все же спрашивать прохо-

жих. Какая-то женщина указала даже, где живет еврейская семья. Туда я и направился. Постучав в калитку развалюхи, вошел во двор.

— Зачем вам понадобились евреи? — спрашивает пожилая хозяйка.

Объясняю. Выходит хозяин, говорит, что синагога совсем по другую сторону рынка и сейчас уже поздно, все разошлись. Приглашает зайти в дом помолиться вместе, а затем он покажет, где синагога. Прохожу через кухоньку в гостиную. У меня все с собой. После мытья рук, облачившись в *талес* и *тфиллин*, начинаю молитву. Хозяин тоже достает *талес*. *Тфиллин* у него нет, и ни у кого нет в их *миньяне*. Они молятся только в *талесах*, которые, к счастью, есть у всех. Помолвившись и уложив все на место, я собираюсь уходить, но хозяин уговаривает сесть за стол отведать наливки, соленья и прочее. Позавтракав, почитав *Биркат ха-мазон* и распрощавшись с хозяйкой, идем в синагогу.

По дороге мой новый знакомый рассказывает о себе, о своей семье и о новостях еврейской общины. Живет в городе больше сорока лет. Приехал из-под Винницы. Долгое время занимался извозом, имел лошадь. В армии служил в хозяйственном подразделении, ветеран войны, имеет награды, сейчас на пенсии. Ждет окончания строительства дома, чтобы перебраться из развалюхи в благоустроенную квартиру. Религиозен, как я видел, и является *шамесом миньяна* европейских евреев. Кроме того, на еврейском кладбище читает молитву по усопшим. Дочь и сын с высшим образованием, имеют свои семьи. У дочери муж — еврей, а у сына жена — русская. Эта женитьба очень расстроила родителей, и они не встречаются с невесткой. Сын ничего не знает о еврействе...

В Душанбе около десяти тысяч бухарских евреев и около тысячи европейских. Единственная синагога в приличном состоянии. В ней четыре *миньяна*: три для бухарских евреев (включая женщин) и один для европейских. Бухарские евреи ежедневно утром

и вечером собираются по два *миньяна*, у европейских едва-едва один *миньян* по субботам. На праздники собирается много народа. Рядом с синагогой — *ихита*. *Шойхет* есть, и *кашерное* мясо доступно. Раввина, конечно, нет.

На *миньяне* бухарских евреев собиралось около двадцати мужчин среднего возраста. Некоторые приехали на своих машинах. *Шамес* предложил мне *талес* и *тфиллин*. В отличие от Самарканда и Бухары, многие не облачаются в *талес* и не пользуются *тфиллин*, молитву произносит вслух только *баал-тфила* у авмона. Остальные слушают, следя за чтением, и только говорят "*омейн*" и читают *Каддиш*. Такой обычай я не встречал раньше в других синагогах. Объяснение этому довольно простое. У людей нет *талесов* и *тфиллин*, и они не могут читать текст и не понимают его: они неграмотные. Кошмарный итог для некогда самого грамотного народа в мире!

И здесь обходят с кружкой для *цдаки*, но только один раз. После молитвы соблюдается также и обычай поминания усопших — *иорцайт*. Молящиеся и ближайшие родственники собираются в доме и за трапезой вспоминают усопшего.

Случайно мне удалось познакомиться с местным *талмид-хахамом*. Это высокий, худой, подвижной старик с живыми глазами, коротко остриженный. Разговор идет на иврите, языком он владеет прекрасно: до сорока лет пользовался исключительно им. Родом из бывшего Ковно, ныне Каунаса, окончил еврейскую гимназию. Вспоминал, как тогда в киосках было полно еврейских книг и газет, между собой разговаривали только на иврите. Впервые о Таджикистане узнал, когда их высадили из эшелона еще до войны. Сейчас жена и дети ничего не хотят знать о еврействе, и он ничего не может сделать. У сына все друзья *гой*. Он не скрывал, что рад случаю поговорить немного на родном языке. "У вас хоть иногда бывают встречи и кое-какая литература, у нас почти ничего нет. Только некоторые уезжающие бухарские евреи учат

немного иврит. Остальные ничего не знают и знать не хотят”. Сам работает в справочном киоске и, будучи хорошо информированным специалистом, с ходу, по памяти дает многочисленные справки и пользуется заслуженным авторитетом. Своей работой увлечен, но вместе с тем – активный член еврейской общины, европейского *миньяна*.

Расскажу еще о встрече с одной женщиной – на кладбище (оно, кстати, содержится в приличном состоянии). Ей лет пятьдесят, родилась и жила до войны в Бердичеве, в ортодоксальной еврейской семье. Горе ее неутешно – буквально на руках (она хирургическая сестра) скончалась младшая шестнадцатилетняя дочь... После операции аппендицита... Подробности я не пытался узнать, хотя известно, что в наше время такая операция не считается сложной и опасной. Но бывают нелепые ”врачебные ошибки”.

По рассказу женщины, вся ее жизнь – цепь удивительных трагических происшествий на фоне, так сказать, общественных событий. Свадьба совпала с началом войны. Оставив своих родителей, которые потом погибли, она с мужем уехала в Москву, где его родители приобрели для них домик на окраине. Вскоро муж уехал в Среднюю Азию, по ее словам, чтобы уклониться от армии, а она пыталась сохранить домик. Мужу удалось, благодаря знакомству и сожительству со служащей военкомата, уклониться от армии. Молодую жену он бросил. В поисках пропавшего мужа она покинула Москву. В итоге после войны выяснилось, что она потеряла всю свою родню, мужа и московскую квартиру. Были еще другие личные переживания, и вот последнее – смерть любимой дочери... Какая трагическая судьба. А сколько таких судеб среди российских евреев! Женщина тянется к Богу, в потемках, ощупью нашла спасительный источник, поддерживающий силы. Ежедневно ходит на кладбище, часто в синагогу. Выполняет некоторые *мицвот*, дает *цдаку* и так далее. Тянется к еврейству душой.

Хотя слабо бьется пульс еврейской жизни в Душанбе, но все же способна эта жизнь как-то помочь израненной душе...

Ноябрь-декабрь 1979 г.

Письмо 5

Кто же лучше?
(из Ташкента)

Дорогой друг, судьба благоволит ко мне. До сих пор всюду, куда я приезжал, меня принимали доброжелательно. Такой же прием оказался и в Ташкенте. Остановился в семье европейских (ашкеназских) евреев с Украины, переселенцев или, вернее, беженцев времен войны. Хозяйка — математик, бывший доцент местного института, ныне на пенсии, уволенная отнюдь не только из-за пенсионного возраста и этим явно уязвленная. Двое сыновей — бывшие вундеркинды, но еще не "остепененные" ("не те времена"). Муж (отец) оставил семью ради другой, а может быть, и выставлен из семьи. Деликатные, интимные семейные дела не решаются, как в былые времена, раввином или еврейским судом — *бет-дином*. Сейчас все кажется просто, никаких сдерживающих сил, никаких обязательств друг перед другом. В итоге семья раскалывается, моральные страдания наслаиваются, придавливают и раздавливают личность. Таков косвенный результат, казалось бы, общечеловеческих семейных отношений, отнюдь не сугубо еврейских. Но насколько была бы крепче еврейская семья, если бы в ней сохранялись этические и моральные нормы еврейского законодательства, касающиеся семьи и брака, записанные в *Шулхан Арух*. Нивелировка нравов оказалась не в интересах еврейской семьи, да и народа.

Подавленная семейной драмой и нетактичной про-

цедурой "проводов на заслуженный отдых", еще полная сил, не опустившаяся, энергичная женщина потянулась... куда? — к еврейству. Что-то привлекло из прошлого, связанное с родительским домом, с далеким детством. В преклонном возрасте мысленно начинаешь перебирать в памяти былое и, спускаясь по "несолнечной стороне горы", доходишь до смутного ощущения теплого, бесконечно щемящего чувства родительской ласки и любви. И мысль ведет дальше. И достигает глубоких, отнюдь не формальных "анкетных" вопросов: кто же я и где я? Угар увлечения профессией, наукой, искусством, различными "хобби" — всем, что в еврейской традиции именуется "идолами", рассеивается. Человек начинает ощущать внутри и вокруг себя вакуум. Инстинктивно ищет опору и поддержку и находит их в Боге, в еврействе. Это тот дух, который постоянно витает над каждым евреем. Его называют по-разному: ангелом, душой предков, "электромагнитным полем", *Шхиной*. Но смысл один — реакция на раздумья об итогах жизни. В чем смысл прожитых лет? В накоплении материальных благ? В чувственных удовольствиях? В славе и почете? И какой ценой достигнуты итоги жизни? Сходится ли "дебет" и "кредит"? Не проделал ли ты, не продал ли то, что называют совестью, за "теплый туалет"?

Вслед за задумавшейся мамой задумались и сыновья. И, задумавшись, пришли к мысли, что они — евреи. И что их личные беды не только личные. Это беды всех евреев во все времена и во всех странах. Есть у евреев ценнейшее свойство — ощущать себя частью огромного, разбросанного по всему миру еврейства, присоединять свой стон к общему стону многострадального, избранного Богом народа, наказанного Всевышним за нерадивость к обязанностям, предначертанным Им.

...Где же находится синагога? На этот раз адрес был дан более точно, чем в Душанбе, но не потому, что синагога часто посещается. Есть и вторая — бу-

харских евреев, но адрес ее неизвестен, потом я ее все же разыскал. Но сначала об ашкеназской синагоге. На фасаде ничем не примечательного в ряду других одноэтажного домика небольшая вывеска: "ГЕРО" — Ташкентская еврейская религиозная община. Небольшая комната, метров двадцать с амвоном перед *Орн-койдеш* и несколькими рядами скамеек. Посреди — наклонный помост — *бима*. За этой комнатой — вторая, немного меньше, с обеденным столом, окруженным скамейками, шкаф с книгами. В субботу собралось человек двадцать пять молящихся, в обычный день бывает *миньян* немногим больше десяти. Община молодая, инициативные люди еще не очень старые. У всех есть *талесы*, *тфиллин* и *сиддуры*. В этот день у амвона сначала молился местный *баал-тфила*, а затем зарубежный гость — раввин, которого я видел в Москве. Он же был и *баал-криа*, а после молитвы обратился к присутствующим с приветствием на идиш — говорил о значении Торы.

Другая синагога — бухарских евреев — помещалась вблизи рынка. Здесь живет *шамес* с семьей. Тут же *шхита*. Время не молитвенное, но хозяйка нам открывает двери синагоги. По сравнению с другими, синагога имеет запущенный вид. Полуподвальное помещение, мест не больше сотни, в центре *бима*, совсем маленькая. Опустив в кружку *цдаку* и поблагодарив хозяйку, мы вышли.

В связи с посещением этой синагоги у меня со спутником возникла дискуссия. Мой спутник — милый и симпатичный молодой человек, который потянулся к еврейству по труднообъяснимым причинам, хотя и достаточно общим для многих в наше время. Вопрос возник о различиях между бухарскими и ашкеназскими евреями. Незаметно для себя юноша начал излагать типичные антисемитские бредни о неполноценности бухарских евреев. В качестве обоснования приводилось то, что, дескать, они прошли весьма тяжелый путь, полный унижений и преследований, отразившийся на их характере и поведении,

сделавший их отличными от европейских евреев. Они, по его уверению, хитры, увертливы, лишены благородства и порядочности, в отличие от европейских евреев. Я впервые услышал такую характеристику бухарских евреев. Но даже если бы я их не знал лично, то и тогда никак не мог бы поверить такой характеристике. Все сказанное юношей о бухарских евреях мне напомнило характеристики европейских евреев, например, матерого антисемита графа Канкринна. Он писал, что в силу объективных исторических причин евреи приобрели качества тунеядцев, отвращающихся от созидательного крестьянского труда, склонных к мошенничеству и обману, к нечестной торговле и ростовщичеству и прочему. И все эти исторически унаследованные качества никак нельзя изменить. Евреев можно и нужно только уничтожить!

Я привел пример далеко не новых "научных идей", обосновывающих антагонизм между народами и внутри народа, "идей", ведущих к разобщенности между евреями, что очень выгодно всем неевреям-антисемитам. Даже в Израиле, несомненно, вредна такая разобщенность. Мне пришел на ум пример кажущейся разобщенности, которую пытаются использовать наши враги. Нередко далекие от еврейства люди начинают расспрашивать, какое различие между *хасидим* и *миснагдим*, о котором они знают понаслышке. Таких людей в первую очередь интересует, что разделяет евреев. Они не желают знать, что объединяет евреев, что есть общего у *хасидим* и *миснагдим*. Они принимают к мало важным различиям с плохо скрываемым желанием найти какие-нибудь данные, порочащие как *хасидов*, так и *миснагедов*. На самом деле нам хорошо известно, что эти различия становятся понятны только после глубокого и полного познания единого и нераздельного иудаизма, которому беззаветно преданы и который беспрекословно исповедуют как *хасидим*, так и *миснагдим*.

В связи с этим мне приходит на ум сравнение с

трещиной в дереве, которая очень легко помогает лесорубу разрубить даже огромных размеров бревно, если удачно всадить в эту небольшую трещинку острие топора. Я этим примером пользовался на лесоповале...

Многие трагические события в истории евреев происходили из-за того, что "принюхавшиеся" со стороны к иудаизму смогли внутренние, сравнительно незначительные разногласия довести до кошмарных последствий для евреев, например, до христианства. Только врагам евреев выгодно, чтобы сами евреи занимались необоснованными взаимными нападками, чтобы бухарские евреи нападали на ашкеназских или наоборот.

Еще с одним молодым человеком свел я знакомство. Он физик, видимо, способный и энергичный, усиленно изучает английский язык. По его словам, иврит успеет изучить в ульпане, хотя и сейчас он ему бы понадобился. Синагогу посещает, потому что его отец религиозен. Молитвы знает лишь кое-какие. Пока ход его рассуждений как физика-теоретика привел к тому, что он принял решение уехать, но на пути много преград. И прежде всего не внешних, а внутренних. Конечно, и внешних преград много, и они очень серьезные, их преодолеть нелегко, но непременное условие алии — преодоление внутренних колебаний. А их тоже немало. Примером внутреннего сопротивления, как мне думается, служит история этого молодого человека.

Окончив физический факультет университета, проработав немного, женился. Невеста знала о его пробудившемся интересе к еврейству, знала о намерении уехать в Израиль и как будто бы не только этому сочувствовала, но и готова была отправиться с ним. Но после свадьбы запела по-другому. Видите ли, ее родственники не желают и слушать разговоры о еврействе. И бедный парень попал в клещи, из которых ему все трудней и трудней выбираться. Вскоре родившийся ребенок совсем связал, и мечты стано-

вились все менее реальными. Когда я с ним говорил, он все еще излагал затаенные желания. Однако нетрудно было уловить, что эти желания не скоро будут реализованы... Вот по этим внутренним причинам некоторые отступают, разумеется, не только в Ташкенте, от своих намерений. Но нет сомнения, что любые внутренние причины не остановят еврея от осуществления своего желания. К этому выводу я пришел после одной оживленной беседы в ташкентском трамвае. Разговор начался случайно еще на остановке, а затем продолжался всю дорогу, а ехал я из района новостройки в центр. Собеседник оказался "хозяйном земли русской". Сравнительно нестарый инвалид Отечественной войны, одна нога на протезе, подвыпивший и в добродушном расположении духа. В переполненном вагоне уступили ему и мне места, и он продолжал громко и самоуверенно говорить о фронтовых делах. Выяснив где, кто, когда воевал, кто командиры, где ранен и т. д., он вдруг перешел на еврейскую тему, когда случайно выяснилось, что я еврей, чему он очень удивился. Но не в пример другому "хозяйну земли русской", пассажиру поезда "Бухара—Душанбе", о нем я писал тебе, этот инвалид не поносил огульно всех евреев и даже как-то благосклонно отзывался о лечивших его врачах в госпиталях. Но зато начал сильно напирать на темы из текущей жизни.

Громко, на весь вагон, спрашивал меня: "Почему евреи, которые так хорошо живут, уезжают? Ведь у них все есть, а они, видите ли, чем-то недовольны! Чем же они недовольны?" Тогда я в тон ему так же громко и четко, как и он, в притихшем трамвае начал задавать ему вопросы, на которые он отвечал четко и с большим достоинством. "Ты русский?" — "Да, русский". — "Ты живешь в Узбекской республике?" — "Да, здесь". — "Твой внук ходит в русскую школу?" — "Да, в русскую". — "Ты читаешь русские газеты и книги?" — "Да, русские". — "Ты посещаешь русский театр?" — "Да, русский". — "А еврей не толь-

ко здесь, в этой республике, но и во всем Советском Союзе не может учить своих детей родному еврейскому языку, читать газеты и книги на родном языке или смотреть спектакли в театре. Может быть, это одна из причин, почему они уезжают в Израиль? Все причины мне неизвестны”. После небольшой паузы попутчик пытался мне возражать, заявил: есть еврейская газета в Биробиджане, а дети сами не хотят ходить в еврейские несуществующие школы и т. д. Я почувствовал: видимо, этого товарища немного подковали в райкоме, но тон возражений уже был не такой самоуверенный, хотя по-прежнему он считал причины эти недостаточными для отъезда. Однако на этом беседа прекратилась, он доехал до своей остановки.

Разговоры в пути на еврейские темы услышать можно часто.

Через небольшое время закончился мой визит в Ташкент, где религиозная жизнь течет вяло, правда, есть естественное тяготение к ней среди части еврейского населения — пожилых и молодых. Это ощущается по многим признакам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

У горских евреев

(письма из Баку, Кубы, Махачкалы,
Буйнаксса, Дербента)

Письмо 6

Город трех общин (из Баку)

Из Ташкента поезд вез в столицу другой республики — в Баку. Возможно, по такому пути мигрировали евреи в далекие исторические времена: Багдад—Тегеран—Самарканд—Бухара—Баку.

В Баку можно наблюдать формально три, по крайней мере, отчетливо различимые по многим признакам еврейские общины, мирно сосуществующие. Две из них находятся даже в одном здании: ашкеназская и грузинская. В другом здании, на соседней улице, расположена синагога горских евреев. Бухарские евреи примыкают к одной из трех. По числу общин Баку представляет собой своеобразный фокус, в котором сконцентрированы четыре ветви иудаизма. Все скреплены единой верой в Бога, почитанием Торы и Талмуда и соблюдением всех еврейских обычаев по *Шулхан Арух* и единым языком. Основное различие этих общин — в разговорном (“материнском”) языке. Горские евреи говорят на татском, бухарские — на еврейско-таджикском, грузинские — на грузинском, а ашкеназские — на идиш. За время советской власти русский язык стал основным разговорным языком для всех евреев...

Обе синагоги стоят в центре города и имеют вполне приличный вид. В ашкеназской синагоге около двухсот мест, а молящихся ежедневно утром и вечером человек пятнадцать-двадцать, а по субботам — примерно пятьдесят. В грузинской части синагоги по утрам редко собираются молящиеся, а по вечерам ее посещают человек десять-пятнадцать, а по субботам человек тридцать. Синагога в полуподвальном помещении, но здесь достаточно светло. В восточной части *Орн-койдеш*, в центре — *бима*. В общине есть раввин (старик), *шамес*, *баал-криа*.

Меня как приезжего сразу заметили. Обычные вопросы: откуда? куда? зачем? И прочие. В субботу, по обычаю, *алия* к Торе, во второй половине дня — *шалеш-суде*, скромная трапеза в присутствии *баал-криа* и нескольких прихожан. Под вечер — *Минхе*, *Маарив* и *хавдоле*. Скромная община держится на традиции, заведенной при жизни недавно умершего раввина, память которого в синагоге и на кладбище отмечена. При нем община была более крепкой, раввин был не только большим знатоком Торы, но и неплохим организатором. Теперешний раввин, совершенно слепой старик, по-видимому, неплохой знаток иудаизма, но он инвалид, жаль его. Что будет дальше, какой раввин будет следующий? Это вопрос, беспокоящий всех, кому небезразлична судьба еврейской религиозной общины, не только в этом городе, но и в других. Единственный, кто к этому относится совершенно равнодушно, хотя и взял на себя официально заботы и опеку над религиозными общинами — это Комитет по делам религии. Впрочем, он может проблему решить совсем просто: рекомендовать на эту должность, например, русского попа, окончившего православную семинарию...

В один из будних дней после *Шахарис*, как это принято повсеместно, в день *иорцайт* одного из прихожан собрались несколько евреев почтить память. Выпили по маленькой, закусили печеньем и яблоками. Затем несколько слов произнес раввин.

Но когда уже стали расходиться и слепой раввин очутился у порога, кто-то произнес слово "физик", не знаю даже, в связи с чем. Услышав это слово, раввин остановился перед открытой дверью и произнес любопытную тираду, которая походила скорее на *аггаду*. Очень живо связал физику с Л. Ландау, родившимся в Баку. На одном из домов есть мемориальная доска в честь ученого. Раввин приписал ему величайшее открытие современности — атомную бомбу. Причем бомбу якобы предсказал не то дед, не то прадед Льва Ландау, бывший служащий азиатско-русского банка города Баку. Рассказывал раввин в очень живой и увлекательной форме. Если бы я в свое время не читал Смита и других авторов о современной физике и о создании атомного оружия, то, услышав эту *аггаду*, задался бы вопросом, какова доля достоверности в устных преданиях, в фольклоре. Все стояли вокруг и почтительно слушали увлекательное повествование, в котором капелька правды причудливо примешивалась к изрядной дозе вымысла.

До сих пор мне казалось, и я как-то писал тебе об этом, что и содержание молитв, и общий строй, и порядок их проведения, как и другие обычаи, хотя и отличаются в различных еврейских общинах, но в общем сравнительно незначительно, поскольку все основываются на *Шулхан Арух*. Здесь же, в Баку, когда я непосредственно сравнил в трех синагогах порядок проведения молитв, у меня сложилось несколько иное представление о единстве всех обычаев.

Особенности каждой общины можно наблюдать на утренних и вечерних молитвах, а также в убранстве и поведении молящихся. Переходя после окончания молитв из ашкеназской синагоги в грузинскую, а затем в синагогу горских евреев, я убедился, что различия достаточно заметны. Еврейская религия допускает известную свободу толкования при всей своей строгости. Пожалуй, это можно сравнивать с

отдельными семьями, живущими в сходных условиях, с похожей мебелью и примерно с одинаковым материальным достатком, но в каждой семье есть нечто свое, особое. Даже ребенку бросаются в глаза различия и, побывав в гостях, он хочет домой.

Нечто подобное испытывает молящийся, который, привыкнув к одному *миньяну*, усваивает его особенности, например, произношение, напевы, порядок некоторых молитв и прочее. Отступление от единого стандарта — в известных пределах — сплачивает небольшой коллектив в едином порыве к Всевышнему.

Отличие ашкеназской общины от грузинской менее заметно, чем от горской. Может быть, это связано с тем, что они часто молятся вместе, если не хватает людей для полного *миньяна*. В этом случае довольно заметно отличается произношение.

Синагога горских евреев помещалась в одноэтажном здании, боковой стороной выходящем на улицу. Вход через двор в вестибюль, оттуда вы сначала попадаете в небольшое помещение для ежедневных молитв. Более просторная часть предназначена для субботних и праздничных молитв. *Бима* отсутствует как в малом зале, так и в большом. Стоящий у амвона *баал-криа* облачен в *талес* и *тфиллин*, как и еще несколько человек, однако многие молящиеся не имеют ни *талеса*, ни *тфиллин*, и лишь некоторые следят по молитвеннику за молитвами. Остальные сидят молча, царит благоговенная тишина, изредка прерываемая "омейн". И только в той части молитвы, где произносится *Каддиш*, почти все встают и громко читают ее, многие на память, а часть — по молитвеннику или по записи по фотокопиям. Подобное я наблюдал в Душанбе, но здесь людей бывает значительно больше, человек пятьдесят-шестьдесят.

Такой порядок молитв — без *талесов* и *тфиллин* — может показаться своеобразным местным обычаем, но нет, это есть самое настоящее нарушение основных заповедей Мойше Рабейну. А объяснение тому самое

простое и печальное: у верующих просто нет ни *талесов*, ни *тфиллин*. Это подтвердил, беседуя со мной, один из прихожан, который представился (и я в этом убедился) *хахамом*. Я поговорил с ним недолго на иврите. Невысокого роста, коренастый, с большой окладистой черной бородой, с живыми блестящими глазами, на вид немногим более шестидесяти лет. Настоятельно просил прислать хотя бы подержанные *талесы* и *тфиллин*. О себе сказал, что родился и учился в начальной еврейской школе в Красной Слободе, поселке горских евреев возле города Куба, куда рекомендовал заглянуть.

В трех бакинских синагогах мне не удалось заметить никаких занятий *Гемарой*. Может быть, иногда занятия и проводятся, но во всяком случае, не регулярно. Весьма прискорбный факт. Слова *Гемары* не звучат в этих стенах, и лишь слова молитв слышатся, пока еще произносимые правильно и с большим чувством.

Такое состояние, однако, крайне неустойчиво и долго продолжаться не может. Религиозность, основанная лишь на порыве чувств, на, так сказать, слепой вере, подобна влюбленному, у которого, кроме восторженных чувств, нет никаких реальных возможностей доказать свою любовь. И это кончается трагически. Как заметил один из моих знакомых, горский религиозный еврей, учитель средней школы, ашкеназские евреи более религиозны потому, что более сведущи в иудаизме. Хотя число посещающих синагогу среди горских евреев значительно больше, чем среди ашкеназских, но незнание языка и смысла молитв незаметно переводит благоговейную тишину в пассивность. Глубина проникновения таких верующих в духовную сущность религии не может измеряться или компенсироваться количеством людей, посещающих синагогу.

Я далек от мысли в чем-то упрекать горских евреев, приписывая им какие-то пороки, порожденные историческими причинами, как делал мой знакомый

из Ташкента. Мне хотелось бы, чтобы они к своему слепому восприятию Бога прибавили знание языка, осмысленное понимание законов и традиций. В первую очередь, чтобы они обучили молодых людей языку. Однако таких молодых людей за все время пребывания удалось наблюдать только два-три раза. Практически молодежь пока еще не посещает ни одну из трех синагог.

...Еврейское кладбище — отдельное — в хорошем состоянии. Много дорогих памятников. Среди них обращает на себя внимание памятник недавно умершему раввину, о нем упоминалось выше. Также заметен памятник на могиле женщины из рода основателя *хасидизма* — Баал-Шем-Това.

Общее впечатление от еврейских общин в Баку таково, что они смогли уберечь от полного разгрома три синагоги, в которых бьется пульс религиозной жизни. Всякий желающий может посетить их. Но нет у них раввина, нет *кашерного* мяса, нет учебы, нет молодежи.

Смогут ли они и дальше отстаивать свои традиции?

Письмо 7

Бывший "маленький Иерусалим" (из Кубы)

В город Кубу удобно добираться рейсовым автобусом. Он довозит до оживленного рынка: яблоки, груши, виноград и другие фрукты и сладости — почти восточный базар.

Но где же синагога, как ее найти? Когда-то евреев легко можно было отличить от *гоев* по одежде, а сейчас только случайно можно "напороться" на еврея. Но мне, как всегда, повезло. Рыночный продавец подробно объяснил, как добраться до синагоги. Синагога — в поселке Красная Слобода. Туда надо ехать местным автобусом.

Сначала я устроился в гостинице, а затем, перейдя снова через реку, попал в поселок. Как потом выяснил, тут когда-то был центр горских евреев. Имелось несколько синагог, *бет-мидрашей*, *иешив*. Это был, как заявил с гордостью местный житель, "маленький Иерусалим". И сейчас сохранилось несколько зданий синагог и учебных заведений среди одно- и двухэтажных строений поселка.

Не без труда найдя действующую синагогу в кирпичном, снаружи обшарпанном доме, я застал там несколько человек, копошившихся вокруг дымящейся печки-"буржуйки". Стояла прохладная осенняя погода, и собравшиеся пытались согреть довольно обширную переднюю часть синагоги, стараясь подогнать одну к другой трубы, через щели которых валил едкий дым. Кончилось тем, что вытащили из печки дымящиеся головешки и разобрали не стыкующиеся между собой грубы разных диаметров. Кое-кто уселся за стол, и один из мужчин, позже отрекомендовавшийся раввином, начал читать главу *Шулхан Арух*.

Здесь были *хедер-шени*, и *Орн-койдеш*, и амвон. Скамейки расставлены вдоль стенок. Чисто подметено, стены блестят свежей краской. При входе облепленную грязью обувь снимали и оставляли в передней.

Глава из *Шулхан Арух* относилась к поведению овдовевшей женщины и к отношению к ней. По-видимому, это было продолжение их занятий. На столе лежали несколько *сиддурим* и *Хуммаш*. Раввин вел беседу по-татски. Все слушали с вниманием. Когда собрался *миньян*, раввин встал к амвону, и началась полуденная молитва *Минхе*, а затем вечерняя *Маарив*. После молитвы некоторые ушли, а другие остались.

Уже давно на меня посматривали с любопытством. Завязалась недолгая беседа, несколько фраз на иврите нас сблизили. Выйдя из синагоги, мы пошли вдоль улицы, сначала несколько человек, а затем мы остались вдвоем с раввином. В конце улицы, когда наши

дороги должны были разойтись, раввин начал настойчиво приглашать к себе, уверяя, что у него все *кашерное*. Мы свернули в переулок и в темноте, поднимаясь в гору и меся грязь, добрались до его дома.

Поднявшись на второй этаж, мы оказались на застекленном балконе, где по общепринятому здесь обычаю оставили обувь на пороге и, помыв руки, вошли в комнату. На полу на ковре сидело несколько женщин и детей. Они встали и поздоровались с нами. В комнате справа от входа стояла плита, а слева — стол и два стула. На них мы и уселись.

Еще по дороге раввин рассказал местные новости. Он здесь недавно и еще не совсем освоился с людьми. Из любопытного документа, который он показал, придя домой, — протокола общего собрания верующих евреев поселка Красная Слобода — следовало, что сто двадцать собравшихся поддержали выступление одного из молящихся о том, что один из прежних двух раввинов их не удовлетворял. Поэтому постановили просить быть старшим раввином моего хозяина. Второй раввин остался в прежней должности. Истинная подоплека события не совсем ясна, но чувствовалась рука Управления по делам религии. Может быть, слишком большой процент уехавших в Израиль заставил руками верующих сделать эту замену. По уверениям местных жителей, за последние годы из поселка уехало около шести тысяч человек. Это почти половина всего населения! Уехали, надо думать, наиболее решительные и энергичные. Остальные по разным причинам задержались.

Раввин обратил мое внимание на то, что здесь молятся достаточно пассивно, на что я заметил, что это результат незнания языка и отсутствия *сиддурим*. Он согласился, но сослался на существующий закон, запрещающий учить язык в синагоге. И они обязаны подчиняться. Раввин привел изречение, по которому евреи должны следовать предписаниям властей. Я не

стал агитировать против постановления. Это и бессмысленно и небезопасно. Но я ему возразил, что нельзя запретить отцу учить своих детей или деду — внуков. Он ответил мне, что он не местный житель и не может вмешиваться в частную жизнь прихожан.

Мы просидели долгий вечер, распили бутылку, а затем он вызвался проводить меня через весь совершенно утонувший в темноте поселок до гостиницы, пригласив на завтра в синагогу к утренней молитве.

Номер, где я жил, был на двоих. Узкая и длинная комната. Кровати стояли почти вплоты. В жизни мне приходилось часто ночевать в обществе посторонних: в гостиницах, общежитиях, казармах, и поэтому я не очень реагирую на соседей. Но на этот раз сосед мой — житель горного аула, лезгин, привезший на базар колхозный картофель, чем-то показался мне неприятным. Он вселил в меня настроение. Может быть, чрезмерно настойчивым приглашением пойти в ресторан, от чего я упорно отказывался. В конце концов лезгин ушел, а я улегся спать. Когда сосед вернулся, то, естественно, разбудил меня, и я долго не мог уснуть.

Дождавшись рассвета, я прошелся по центру поселка. Оказывается, в нем сохранились кое-какие следы былого величия. Некогда в городе Куба располагалась столица некоего ханского государства, но о нем я мало что знал.

Я появился в Красной Слободе еще до открытия синагоги. Первый же встретившийся житель, узнав, что я приезжий, потащил меня в открывшуюся чайную. Своеобразное заведение, достойное всяческого уважения. В чистеньком уютном помещении можно выпить бесконечное число стаканов великолепно заваренного чая из самовара за очень скромную плату. В России и на Украине такие заведения весьма редки и не столь популярны, а на Кавказе пользуются большим успехом.

Когда я вошел в чайную, утро еще не началось,

а там уже сидело несколько посетителей, пивших горячий чай. Чаевники с интересом отнеслись ко мне. Каждый старался угостить чаем за свой счет. Эти люди стремились узнать у меня нечто новое, ведь как-никак — "человек из Москвы"! И опять я столкнулся с ветеранами войны. Несмотря на то, что в заведении не практикуется выпивка, все же нашелся один, уже в этот ранний час изрядно пьяный. Он пытался заводить подстрекательские разговоры. Начал с того, что предостерег меня от беседы с каким-то посетителем, сообщив, что тот "коммунист" и "член партии" и с ним надо быть осторожным. Когда я ответил, что, наоборот, я рад этому и мне нечего его опасаться, ведь он еврей, тогда "коммунист" заявил, что я должен презирать подвыпившего за то, что он трус и дезертир и во время войны за крупную взятку сумел отсидеться в тылу, скрываясь где-то в горах, даже не понюхав пороха. Между ними завязалась перебранка.

Тем временем один человек завел разговор о выезде в Израиль, заявив с горечью: "Как можно ехать туда, если пишут: повремените".

Эта частная переписка серьезно отражается на настроении колеблющихся. В доверительных личных письмах часто пишут совсем не то, что известно по официальным данным. А советские люди, знающие вообще цену официальным сообщениям, особенно прислушиваются к частной информации о положении в Израиле.

Неугомонный пьяница, уловив новую тему в разговоре, вдруг заявил, что он презирает Израиль и никогда туда не поедет. Далее сообщил, что его родной брат в Израиле в тюрьме по обвинению не то в воровстве, не то в грабеже. Возможно, что это так и есть. Никто не удивился и даже не улыбнулся. Пьяный откуда-то достал бутылку водки и начал приставать ко мне с угощением. Разумеется, я отказывался и ушел в синагогу, оставив для чтения кое-что из бывших у меня случайно книг и журналов.

На этот раз в синагоге собралось немного больше людей, чем накануне. К амвону подошел молиться второй раввин, в *талесе*, старше по возрасту, чем вчерашний. Кроме меня и еще одного молящегося, никто не облачался в *талес* и не накладывал *тфиллин*. Так же, как и в других общинах, молящиеся произносили только некоторые из молитв, но зато почти все громко и четко читали *Каддиш*.

Закончив молитву, я собрался уходить, но меня остановил один из прихожан и пригласил посетить его дом по случаю *иорцайт*. Оказалось, почти все люди из синагоги во главе с раввином направлялись к нему. В поселке вымощена булыжником лишь главная улица, в боковых переулках грязь, нет и канализации. Поэтому принято обувь оставлять у входа. Вошедшие, а их было значительно больше одного *миньяна*, уселись на полу. Мне предложили единственный стул, но я отказался и уселся, поджав ноги. С непривычки сидеть в такой позе не очень удобно...

Началось с молитвы, ее произнес раввин. Затем хозяин прочитал *Каддиш*. Появилась чаша, ее передавали от одного к другому для ритуального омовения рук. После благословения на хлеб началась трапеза — обильная еда с водкой. Закончилась трапеза молитвой *Биркат ха-мазон*. В промежутках между блюдами говорили о заслугах усопшего. Потом пошли и вольные разговоры. Мне показалось уместным сказать о тяжелом впечатлении от того, что в бывшем центре горских верующих евреев большинство молящихся не могут даже прочитать молитву, хотя известно, что некогда евреи были одним из самых грамотных народов в мире. На это возразил раввин, указав, что есть распоряжение, запрещающее обучение языку. Однако я вновь высказал мысль, что каждому родителю нельзя запретить учить своего ребенка и, если бы каждый обучал, то грамотных оказалось бы значительно больше. Выступление свое я снова закончил фразой, что некогда самый грамот-

ный народ в мире, получивший через Моисея от Бога свою Тору, сейчас оказался самым неграмотным.

Потом гости попрощались с хозяевами и почти все пошли в другой дом по такому же поводу. Здесь было почти то же самое, что и в первом доме. Так как имелся полный *миньян*, то хозяин прочитал *Каддиш*. Этот обычай, наверное, наиболее укоренившийся и связан с трапезой и жертвоприношениями в библейские времена. Среди ашкеназских евреев этот обычай выражен более скромно и ограничивается бутылкой водки и легкой закуской.

Всем *миньяном* мы покинули дом и направились к центру. Рядом со мной очутился один из жителей, я его заприметил еще в синагоге. Он во время молитвы облачился в *талес*. И внешностью отличался от остальных — походил на российского колхозника. Как выяснилось из разговора, он действительно был до недавнего времени колхозником в Воронежской области, в деревне Покровское, известной тем, что там обитают обрусевшие евреи. История деревни тебе, вероятно, известна. Я только напомню, что колхозники исповедуют иудаизм, признают себя евреями и стремятся в Израиль. Какая-то часть из них уехала, но большая часть безуспешно стремится к этому, пытаясь преодолеть значительные трудности.

Мой знакомый, ветеран войны, офицер приехал к своим новым родственникам. Его сестра вышла замуж за местного жителя. Брак был заключен по религиозным законам — еврей с еврейкой. Здесь, в бывшем "маленьком Иерусалиме" еврейский дух все же более ощутим, чем в заброшенной деревне Воронежской области. Этот приезжий уже даже немало говорил на иврите и очень ревностно относился к молитвенной службе в синагоге.

В центре поселка недалеко от автобусной остановки я встретил пожилых местных жителей, они вели неторопливую беседу. Некоторые — инвалиды и ветераны войны. У каждого какое-то личное горе.

У одного — умер недавно в молодом возрасте сын. Другой перенес тяжелую операцию...

Многие отлично говорят на иврите. Безусловно чувствуется, что еще сохранились былые традиции. При традиционном прощании: "Ла-шана ха-баа би-Иерушалаим"* — слабая улыбка, и вспыхивают на мгновение глаза: "Им ирце ха-Шем!"**.

Тяжело осознавать свое бессилие.

Все так же душа на востоке, тело на западе...

Ноябрь 1980 г.

Письмо 8

Евреи или таты? (из Махачкалы)

Дорогой друг!

Из одной республики я попал в столицу другой республики, рангом поменьше — столицу автономной республики Дагестан — Махачкалу. В этой стране уживаются свыше тридцати национальностей, среди них и евреи. Как уверяют, все эти народы умудряются не смешиваться между собой и не ассимилироваться. Впрочем, к евреям последнее не относится, поскольку их официально нет (?!). Я посмотрел несколько учебников и других книг, выставленных на стенде местной библиотеки, посвященных 60-летию республики, и не нашел даже слова "еврей". Имеются таты, исповедующие иудаизм, а евреев нет. Но известно, что еврейские поселения существуют в здешнем крае с незапамятных времен. А здешние евреи известны как горские, у них разговорный язык

* "Ла-шана ха-баа би-Иерушалаим" (ивр.). — "В будущем году в Иерусалиме" (из молитвы в Иом-Киппур и Пасхальной хагады).

** "Им ирце ха-Шем!" (ивр.). — "Если пожелает Господь!"

татов. В этом я убедился, лично побывав в Красной Слободе. Однако спорить на эту тему с официальными историками и практически, и теоретически бесполезно.

Кроме горских евреев, в городе есть европейские (ашкеназские) евреи, заброшенные на Кавказ бурями последней войны. Среди них — также выходцы из Польши.

Сначала несколько слов о моих знакомых, выходцах с Украины. Эвакуировались совсем молодыми, здесь поженились, народили детей. Сейчас уже внуки пошли. По советским стандартам живут хорошо: отдельная квартира с удобствами, лакированная мебель, пушистые ковры, книги, пенсия достаточная, вероятно, есть и накопления на сберкнижке. Занимая в прошлом среднюю командную должность на крупном местном предприятии, мой новый знакомый приобрел множество связей, полезных и по сей день. С их помощью он очень ловко "ловит" дефицитные продукты. После завтрака день начинается с обхода магазинов. Всюду полуприятельские отношения с продавцами и завмагами. В итоге "человеческих контактов" удастся кое-что заполучить для себя и детей. Любимая сентенция: "Разве мы плохо живем? Ведь у нас, как видите, все есть!" И тут же начинает перечислять все добытое за последнее время: "Есть у нас мясо, колбаса, куры, масло и т. д. Обещали подбросить и то, и другое. Так что, — заканчивает он, — совсем неплохо живем". В таких занятиях-развлечениях проходит день, насыщенный и целеустремленный, скучать не приходится.

Когда зашла речь о еврействе и, в частности, о синагоге, то выяснилось, что, хотя он до этого с нескрываемой гордостью называл себя евреем (благо скрыть это тяжело — имеется запись в паспорте и к старости внешность стала "подводить"), за все почти сорок лет жизни в Махачкале ни разу не переступил порог синагоги и даже не знает о ее существовании. С кладбищем, правда, к сожалению, и ему пришлось

познакомиться. Такой тип советского еврея, впрочем, мне был хорошо знаком, и я нисколько не удивился. В начале разговора легкое замешательство, небольшая пауза, подозрительный взгляд: кто его собеседник и к чему подобный вопрос, следует ли продолжать разговор или надо удалиться. Ведь все, о чем спрашивают, уже давно позабыто, погребено. Но вот страх сменился доверием, мой знакомый вспомнил о старой еврейке-соседке, которая может все рассказать. Соседка сообщила адрес, но далеко не точный, и пришлось предпринять поиски, пока синагога была найдена.

Синагога в обычном одноэтажном доме, в глубине двора за железными воротами, среди подобных же строений. Здесь же во дворе — *шхита* для резки птицы. Резку делают, как и всюду, по квитанциям об уплате.

В синагоге шел ремонт, расписывались потолки. Молитвы читали в небольшом захламленном из-за ремонта зале. *Миньян* состоял в основном из стариков — ашкеназских и горских. В тех случаях, когда не хватало одного-двух человек, *шамес* призывал своих великовозрастных детей, и *миньян* собирался регулярно утром и вечером. Разумеется, и по субботам, и по праздникам. Во время молитвы многие пользовались *талесами* и *тфиллин*, но некоторые обходились без них и ограничивались лишь молитвой *Каддиш*, как наблюдается и в других синагогах в этих краях.

Местный раввин с окладистой черной бородой, далеко еще не старый человек. Он же и *шойхет* и *баал-криа* — *хахам*. У амвона молитву читает монотонным речитативом, без принятого у нас напева. *Блат-геморе* не читают. Позже я узнал, что эту единственную синагогу недавно перевели из старого капитального здания в центре города на окраину, в район рынка. Перевели под большим нажимом горсовета. Какое-то время, как уверял меня один прихожанин, участник войны, евреи сопротивлялись,

но потом, найдя новое помещение более или менее подходящим, сдались и согласились на переезд, оставив роскошное помещение старой синагоги...

Однажды после утренней молитвы *Шахарис* желающим предложили посетить семью скорбящих. Нанятый автобус доставил нас от синагоги к дому, где на лестнице уже толпилось много мужчин, ожидавших выхода из квартиры женщин. Вот вышло два-три десятка женщин, а их место заняли мужчины, устроились за столом. Из женщин с мужчинами остались только сестры и дочери поминаемой, весьма почитаемой жительницы, славившейся своей благотворительностью. Сначала раввин прочитал молитву и положенные Псалмы, и после ритуального омовения рук появилась на столе водка и обильная еда. Этот обычай наиболее стойко держится в здешних краях — об этом я уже писал тебе ранее — и пока никак не преследуется.

Иное отношение властей к соблюдению других еврейских обычаев, таких, как свадьба (*хупна*) и обрезание (*брит-мила*). На основании существующих законов местные власти требуют, чтобы религиозные обряды исполнялись лишь в синагоге. Но разве можно рассчитывать только на синагогу? Конечно, нет. В особенности, в непогоду или в мороз. Рассказали мне об одном имевшем место в этом городе случае. Умер ребенок. Совсем не из-за обрезания, а от простуды или по другой причине, но ребенку ранее сделали обрезание. Раввина привлекли к суду и осудили на три года. Требование проводить обрезание только в синагоге привело к тому, что официальный раввин не совершает его в домах, а родители не решаются выполнять этот обряд в синагогах. В конце концов, положение сложилось такое, что обряд совершается по домам, но уже не официальным раввином и *шойхетом*, а кем-то, взявшим на себя эту обязанность (*мицеву*) с риском, конечно. Я узнал об этом от раввина. Раввин собирался добиваться у местных властей отмены нелепого запрета. Но хва-

тит ли у него сил и решимости добиться успеха? Скорей всего, он сам начнет выполнять обряд на дому, нарушая запрет властей и, конечно, тоже рискуя.

То же можно сказать и о свадьбах. Обычная синагога не приспособлена для них. Только в ленинградской синагоге я видел надпись над дверью: "Зал для свадеб". Во всех остальных обстановка не подходит для такого религиозного торжества. Не говоря уже об отсутствии бланков для *клуббы*, посуды и проч. Таким образом и этот обычай грубо и беспардонно запрещается властью имущими.

Оба примера иллюстрируют одно из завоеваний Октябрьской революции: отделение церкви от государства. Произошло не отделение религии от государства, а подчинение религии государству и лишение религиозных евреев возможности выполнять те обряды, которые по заветам праотцев и авторитетов они должны выполнять для сплочения и выживания в изгнании. Запрещая евреям выполнять коренные обычаи, власти обрекают их на ускоренную ассимиляцию, не признаваясь в этом вслух...

...Кладбище здешнее находится в относительно приличном состоянии, хотя его теснят со всех сторон, и оно полностью не огорожено. Особо богатых памятников немного, и совсем старых памятников нет. Вероятно, потому что происходит повторное захоронение спустя два десятка лет. Наиболее ранние захоронения относятся к двадцатым годам. Наверное, тогда и появилось кладбище. Из надгробных надписей следует, что горские евреи — обычные евреи, и представлять их татами, исповедующими иудаизм, это обычная фальсификация истории, к которой прибегают партийные историки в угоду сверху данным установкам.

...Раввин производит впечатление энергичного и деятельного человека. И, может быть, поэтому небольшая община показалась мне достаточно крепкой и самостоятельной. Хотя число посещающих невелико и трудно ожидать роста числа активных прихо-

жан, но само существование синагоги, наличие *кашерного* мяса, выполнение какого-то количества обрядов (свадеб, обрезаний), повсеместное соблюдение *иорцайт* и обрядовых захоронений приводят к выводу, что в здешней еврейской общине существует религиозная жизнь.

Декабрь 1980 г.

Письмо 9

Учить родному языку (из Буйнакскса)

Случай забросил меня в Буйнакск — город, расположенный примерно в часе езды от Махачкалы. В былые времена небольшой городок был столицей Дагестана. Совсем недавно здесь произошло сильное землетрясение. Местные жители не могут его забыть и с большим волнением рассказывают про буйный разгул стихии.

Синагогу очень легко найти, она находится в центре города, рядом с банями. Бани были когда-то *микве*. Здание синагоги заметно отличается от окружающих — оно с куполом. Внушительных размеров, со сводчатой аркой над железными воротами. Зданию, скорее всего, несколько сот лет и, к счастью, оно не пострадало от землетрясения, будет и дальше привлекать внимание оригинальным архитектурным стилем. Из-за бедности и гонений евреи часто не строили богатых синагог, но невозможно остаться равнодушным, видя здание действующей или бывшей синагоги. Невольно возникает интерес к *миньяну* — коллективу молящихся, к очагу религиозной жизни, к центру еврейской культуры, к особенностям традиций, заполняющих религиозную жизнь общины.

Внутри, за железными воротами — мощный дворик и несколько ветвистых деревьев; опавшие листья

подметаает служба. Чисто, и здание в хорошем состоянии. Местный *хахам* — раввин, он же и *шойхет* и *баал-криа*, среднего роста еще не старый человек с окладистой бородой. Знания по иудаизму получил еще в детстве, в двадцатые годы, когда жил в Красной Слободе. Благодаря тому, что проработал в цензурном отделе, который, очевидно, связан с КГБ, не забыл иврит. Вот такой парадокс... При выходе на пенсию он получил предложение занять должность раввина. Для этого пришлось пройти небольшую подготовку при Московской хоральной синагоге. Закончив курс, принял предложение и занял должность *хахама* здешней синагоги. Его семья живет еще в Баку, а он — пока один, в комнате рядом с синагогой. Кто-то из его детей находится в Израиле.

Вначале кажется диким, что бывший сотрудник КГБ стал раввином! Но нередко бывает в жизни, что действительность сильнее фантазии. На этом примере, по крайней мере, прослеживается метод "подбора кадров" для еврейских религиозных общин и видно, как претворяется в жизнь одно из завоеваний революции — отделение церкви от государства.

К вечерней молитве собрался *миньян* полностью. Все — горские евреи, хотя в городе есть и ашкеназские. Возраст молящихся средний, от тридцати до пятидесяти лет. Молитву ведет у амвона *хахам*, присутствующие молча следят и только изредка произносят "амен" и отдельные молитвы, но все читают поминальный *Каддиш*. Читают его наизусть только два-три человека, остальные прочитывают текст по складам с листа, исписанного... русскими буквами! Каждый раз, когда я это наблюдаю, меня поражает та пропасть, в которой очутился еврейский народ. Как можно с этим мириться? Об этом я спросил раввина. Тот молча пожал плечами и развел руками: "Что поделаешь? Ведь есть закон, запрещающий нам учить еврейскому языку в синагоге, а школ нет". — "Но дома они могли бы учить, если бы захотели?" — "Да, конечно! Но дома они не учат его, видимо, не

хотят или заняты. Да и кому учить?” — “Что же делать?” — “А чему вы удивляетесь? — это он у меня спросил. — Ведь все отвечает замыслу Ленина, — он стал меня просвещать. — Именно он придумал, что если не учить детей, то когда старики, знавшие язык, помрут, естественным образом умрет с ними и еврейская религия. Не смогут люди молча слушать непонятные слова и следовать непонятым обычаям. Постепенно начнут все больше и больше отступать от синагоги и полностью оторвутся от религии”.

Неужели это на самом деле — ленинский план, которому следует партия? Признаюсь, я слабо разбираюсь в теории антирелигиозной политики КПСС, но на практике что-то подобное мы наблюдаем. Иначе, чем объяснить то нелепое положение, при котором в еврейских религиозных общинах многие из прихожан не могут прочитать даже элементарную молитву, например, “на хлеб насущный”?

Но остается в силе разрешение обучать языку в семье. Это вполне легально и дозволено властями. И этим нужно воспользоваться. К такому выводу я пришел еще и еще раз.

Когда кончилась вечерняя молитва, несколько человек обступило меня. Сразу замечен новый и немного непохожий на них приезжий. Откуда? Куда? Какие новости? В заключение беседы я напомнил, что для них, горских евреев, для тех, кто не собирается ехать в Израиль — необходимо учить родной язык дома всеми возможными способами. Пусть учит дед внука или сын — отца, брат — брата. Только так можно выйти из кошмара, в котором очутился наш народ.

Не очень убежден, что мои слова как-то могли повлиять на слушателей. Что могут означать несколько фраз, излагающих пусть и правдивые мысли, для людей, обработанных мощными современными средствами агитации и пропаганды? И вообще советские граждане находятся в состоянии настороженности и подозрительности друг к другу. Царит неискрен-

ность и, более того, боязнь провокаций. Каждому мерещится либо агентура "империализма", либо агентура КГБ. И та и другая одинаково нагоняют страх на обывателя, нужно всего остерегаться.

Знамение же времени в том, что меня никто не перебивал и никто мне не возражал. Никто никуда не потащил и не пригрозил. Казалось, какая-то связь, едва уловимая, возникла между мной, приехавшим издалека, и доселе незнакомыми евреями. Силу влияния моих слов трудно оценить. Не стоит тешить себя надеждой, что оно сколько-нибудь значительно. Скорей всего эффект его минимален... Я не мог помочь тяжелобольному отчасти по его вине. Кто нас, евреев, спасет?

Но поразмыслив, я понял, что так следует поступать всегда в сходных условиях. Я понял: и минимальный эффект соизмерим или даже превосходит средства официальной пропаганды, ибо на нашей стороне Бог и правда!

На утренней молитве собралось довольно много молодежи. У кого-то из прихожан был *иорцайт*, и поэтому сошлись и съехались родственники. Один прибыл из Дербента, другой — даже из Москвы. После молитвы *Шахарис* поехали на кладбище.

Оно здесь отдельное и прилегает к мусульманскому. Пока площадь велика, и нет проблемы захоронения евреев по обряду. Среди памятников горским евреям встречаются и надгробья ашкеназских. Ашкеназы поселились в этих краях в результате бегства от немцев — с Украины и из Белоруссии. Кладбище в удовлетворительном состоянии, если не считать частично обвалившегося забора. Имеется мастер-каменотес, изготавливающий надгробья.

Стоит, пожалуй, упомянуть о двух встречах. Мать с детьми, недавно осиротевшими, мечтает о выезде в Израиль, но практически бессильна что-либо сделать для осуществления мечты, особенно после смерти мужа.

Другая встреча с бывшим польским евреем. В его

сердце теплится воспоминание о детских годах в еврейской семье. У него русская семья — жена русская. Он повел разговор о смелости людей, говорящих о Боге и призывающих к Богу. Меня пытался представить как какого-то героя. В ответ я ему сказал, что никакой смелости не требуется. Это доступно каждому, и нет никакого героизма, не следует преувеличивать трудности. Конечно, для человека, у которого русская семья, все не так просто... Но эту проблему он должен разрешить сам. Ясно — задача не из легких...

...Общее впечатление от еврейской общины в этом сравнительно небольшом городе в горах Кавказа, куда стеклись евреи из окрестных маленьких горных селений, таково, что и тут не замерла религиозная жизнь. Но будущее маленькой общины, принимая во внимание даже и ценность еврейской религии, далеко не ясное.

Нет притока новых сил. Отсутствует движение к более глубокой духовности. Все напоминает тихую заводь, еще не гниющую, но без притока грозящую исчезнуть окончательно...

Декабрь 1980 г.

Письмо 10

Изымание "излишков" (из Дербента)

Пишу тебе, друг мой, из последнего пункта продолжительной поездки. Город Дербент известен значительно больше других городов на Каспийском побережье своей еврейской общиной. По сравнению с другими городами здесь уровень религиозной жизни выше. Активность прихожан заметна в немалом числе посещающих синагогу, ежедневно утром и вечером совершаются молитвы.

Сама синагога — неприметна снаружи, но внутри имеет две залы. Одна — мест на пятьсот, с расписанными потолками, устланная коврами, предназначенная для молитв по праздникам. Во второй зале, где мест около сотни, молитвы происходят ежедневно.

В общине два раввина и еще один учится в *иешиве*. В этом же дворе и *шхита* для резки кур. В городе сравнительно доступно *кашерное* мясо. В основном все прихожане — горские евреи, разговаривающие по-русски. Почти у всех молящихся на плечах *талесы* и *тфиллин*, у многих *сиддурим*.

Молитвенная служба проходит оживленно и начинается не с *Хойду*, как у нас, а с *Брохес ха-боккер*. Но есть и пассивные слушатели, которые не пользуются ни *талесами*, ни *тфиллин*. Такие прихожане, помимо праздников, приходят в синагогу в дни *иорцайт*. Как правило, они не знают *лошн-койдеш*, то есть иврит, и читают поминальную молитву в записи русскими буквами и, конечно, не всегда знают содержание текста молитвы.

Меня встретили очень благожелательно и, как в Самарканде, угостили утром до молитвы крепким горячим чаем по заведенному обычаю. Одно время тут проживал ашкеназский раввин, пользовавшийся большим авторитетом. Но почему-то он не задержался надолго. В его время учили *Блат-геморе*. Сейчас община рада была бы пригласить такого раввина, но где найти его?

Весьма распространен обычай отмечать память усопших родителей — *иорцайт*. Как и в других городах, поминовение, помимо молитвы, сопровождается обильной трапезой для родных и знакомых. Обычно принято после утренней молитвы собираться на дому. Сначала читают Псалмы и другие молитвы. Затем скорбящий произносит *Каддиш*. После "официальной части" начинается трапеза, во время нее вспоминаются добрые дела почившего.

Пользуясь положением гостя, я, по своему обыкновению, беру слово. Говорю о достоинствах мест-

ной общины, о благоприятном впечатлении от синагоги, призываю опять-таки учить родной язык. Мое выступление выслушивается обычно молча. Но однажды один из служек синагоги, пригласивший меня на очередные поминки, заметил: "У нас не принята политика". На что я ему ответил, что речь идет не о политике, а о катастрофическом положении народа, утратившего грамоту! Какая политика? Народное бедствие! Сделал ли служка замечание не по своей инициативе? Или просто хотел выгородить себя в глазах присутствующих местных "боссов" — не знаю...

Поразило и расстроило сообщение, что при обмене паспортов в графе "национальность" записывают многим вместо "еврей" или "горский еврей" — "тат". Делается это заранее, без опроса, без согласия и даже при несогласии владельца паспорта. Иногда применяется угроза, вроде: "иди, иди, а то хуже будет". В провинциальной глуши вступать в конфликт с властью не каждый способен. И люди уходят с таким паспортом, успокаивая себя, как заявил один местный житель, тем, что "в душе я остался все же евреем". Однако это — слабое утешение. Правда, тем, кто настойчив и не соглашается, меняют паспорт и вписывают национальность: "еврей". Но надо смотреть правде в глаза: какое-то число евреев властям удастся оторвать от своего народа.

Производит эту операцию местное начальство по собственному рвению или согласно установкам выше — сказать трудно. Скорей всего, согласно установкам. Дело еще и в том, что здесь известны случаи, когда работники паспортных отделов соблазнились взятками за то, чтобы в графу национальности вместо "еврей" вписать: "тат". Об этом просили ассимиляторы для своей карьеры. Хотели преодолеть национальный барьер, главным образом, при поступлении в высшее учебное заведение.

Незнание иврита заставляет прихожан настойчиво просить *хахамов* переводить тексты молитв, Псалмов и Тору. Однако инструкция, спущенная сверху,

запрещает переводить. Перевод расценивается как пропаганда! Поэтому местные *хахамы* проявляют большую смелость, когда недельную *парашу* из Торы стараются разъяснить на местном наречии.

У многих есть старенькие молитвенники, но их не хватает. Один из местных жителей, бывший учитель, отец двух школьников, который недавно начал посещать регулярно синагогу, просил меня прислать любой *сиддур*. В этой синагоге *нуссах* близок к сефардскому, но не тождествен ему. *Сиддури* не издавались очень давно, и все истрепались. Вряд ли сможет община издать новый *сиддур*, слишком много препятствий.

О масштабах еврейской общины можно судить не только по числу посещающих синагогу. Мне довелось присутствовать на похоронах почтенного прихожанина. Собралось несколько сот человек. Люди сопровождали гроб через весь город до самого кладбища и там присутствовали при погребении по всей традиции; участвовал и раввин.

Кстати, кладбище отдельное и в хорошем состоянии.

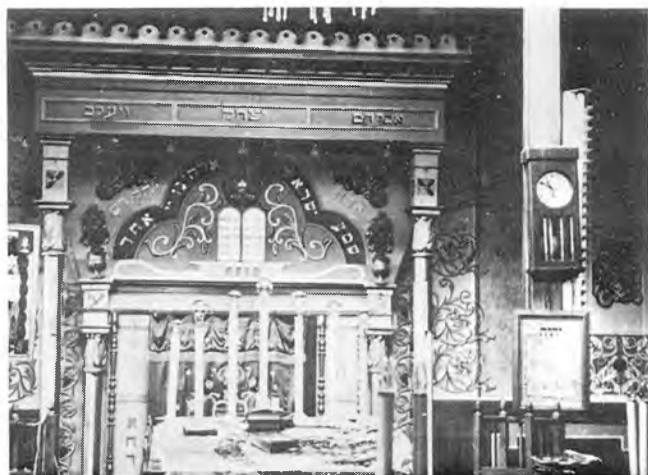
С кладбища на нескольких автобусах вернулись к дому покойного, и началась процедура мытья рук. Из-за множества людей мне не пришлось пройти в дом. Но то, что я наблюдал, говорит об известной монолитности общины.

Я уже приводил тебе некоторые примеры, иллюстрирующие одно из завоеваний революции — отделение церкви от государства — на практике. Это касалось "подбора кадров" религиозных руководителей еврейских общин. Здесь мне удалось познакомиться еще с одной стороной руководства еврейскими общинами государственными органами. Речь идет о контроле за финансовой деятельностью. Во время моего пребывания шла финансовая ревизия, которая привела к бурной ссоре среди прихожан. Предметом спора были расходы на поездку в столицу республики Махачкалу за бельевым материалом для

Молитва в синагоге в г. Дербент

Интерьер синагоги в г. Дербент

Действующая синагога в г. Буйнакск, Дагестан. Октябрь 1980 г.

Еврейское кладбище в г. Буйнакск, Дагестан

Действующая синагога ашкеназских и грузинских евреев в г. Баку, Азербайджан. Ноябрь 1980 г.

Действующая синагога горских евреев в г. Баку

*Помещение бывшей миквы в г. Дербент, Кавказ.
Ноябрь 1980 г.*

*Здание бывшей синагоги в г. Дербент, Дагестан. Но-
ябрь 1980 г.*

Действующая синагога в Махачкала, Дагестан. Октябрь 1980 г.

Действующая синагога в г. Куба–Красная Слобода. Ноябрь 1980 г.

Здания бывших синагог в г. Куба

Действующая синагога в г. Славута, Украина. Декабрь 1981 г.

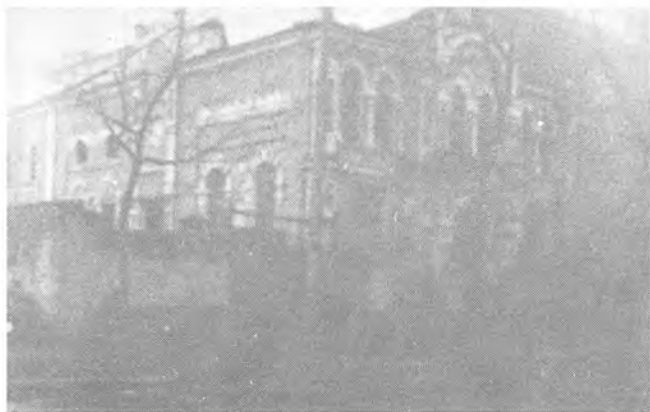
Могила Исраэля бен Элизера Баал Шем-Това (1700–1760), основоположника хасидизма, на старом еврейском кладбище в пос. Меджибож, Украина. Декабрь 1981 г.

Здание бывшей синагоги (на заднем плане) в г. Новоград-Волынский, Украина. Май 1982 г.

Дом в г. Новоград-Волынский, где ежедневно собираются на молитву евреи. Май 1982 г.

Действующая синагога в г. Киев, Украина. Декабрь 1981 г.

Мемориал "Бабий Яр", г. Киев, Украина. Декабрь 1981 г.

Дом в г. Харьков, Украина, где евреи собираются для молитвы. Декабрь 1981 г.

Здание бывшей синагоги на Пушкинской улице, г. Харьков, Украина

Надгробие на братской могиле, установленное еврейской общиной г. Славута, Украина

Здание бывшей синагоги, в настоящее время – помещение спортивного клуба в г. Хмельницкий (быв. Проскуров), Украина. Ноябрь 1981 г.

Дом в г. Хмельницкий, где по субботам собирается миньян

Могила-склеп цаддика, основателя движения Хабад Шнеура Залмана из Ляд "Алтер ребе" (1745–1813), г. Гадяч, Украина

Дом в г. Коростень, Украина, где утром и вечером собирался миньян. Декабрь 1981 г.

Могила цаддика Леви Ицхака бен Меира из Бердичева (1740–1810) в г. Бердичев

Действующая синагога в г. Бердичев, Украина. Декабрь 1981 г.

Здание бывшей синагоги в г. Бердичев

*Здание бывшей синагоги в г. Шепетовка, Украина.
В настоящее время – спортивный клуб. Май 1982 г.*

*Дом в г. Шепетовка, где по праздникам собираются
молящиеся*

Действующая синагога в г. Житомир, Украина. Декабрь 1981 г.

Здание бывшей синагоги в г. Житомир, где размещается Дом политического просвещения

тахрихим. Ревизионная комиссия не утвердила расходы на поездку туда в такси, считая, что туда можно ехать и поездом, и автобусом. Расходы на поездку обратно с купленным материалом комиссия утвердила. Споры были весьма бурными, и почему-то в них принимало участие, как мне показалось, слишком много прихожан. Чувствовался накал страстей. Возможно, спор по поводу сравнительно маловажного факта выражал какие-то другие подспудные интересы враждующих между собой группировок или искусственно подогревался кем-то со стороны. Но раввин в дебатах не принимал участия и, видимо, не мог успокоить прихожан. А между тем, и это самое любопытное, в это самое время органы власти обложили общину дополнительным налогом в 2000 рублей, равным сумме планового налога за весь год. Без всяких объяснений. Вот так производят изъятие "излишков" и регулировку финансовой деятельности общины. Общине не дают возможности "накопить" и по своему усмотрению расходовать средства, **законным** образом поступившие в кассу. Изымают "излишки" **незаконным** образом. Вся финансовая деятельность в общине проходит под наблюдением соответствующих государственных органов. Органы зорко следят за поступлениями и расходами.

Когда-то в сравнительно небольшом городе было много синагог. На той же улице, где сейчас стоит действующая синагога, мне указали несколько зданий. На одном сохранилась надпись на иврите, из нее следует, что тут была *микве*. Сейчас она закрыта по санитарным соображениям и нуждается в ремонте. Требуются затраты на оборудование. И этот факт — нефункционирующая *микве* — вряд ли является следствием небрежного упущения общины. Скорей всего изъятие денежных средств — подлинная причина отсутствия религиозного обряда — омовения. Ущемление особо отражается на религиозных женщинах. Вообще число *микве* значительно уступает количеству синагог. *Микве* требует значительных затрат на

эксплуатацию. Если бы государство столь бесцеремонно не залезало в общинный карман, средства нашлись бы и для этого весьма важного ритуального обряда.

В Дербенте мне пришлось снова столкнуться с взаимоотношениями между европейскими (ашкеназскими) евреями и горскими. В беседе с одним человеком, горским евреем, я услышал довольно лестный отзыв об ашкеназских евреях. Он считает их более развитыми во всех отношениях, включая и религиозную зрелость, и отдает им известную дань признательности. Как пример, приводит ученость раввина, который какое-то время работал здесь. Зрелость и ревность раввина в соблюдении *мицвот* имели большое влияние на прихожан.

Другой прихожанин, тоже горский еврей, его поддерживал, рассказав о встрече с одним *хасидом* в заброшенном уральском городе во время войны. *Хасид*, не щадя себя, соблюдал *кашрут*, когда, казалось бы, из-за царившего голода невозможно было соблюдать его. Хотя сейчас и среди горских евреев немало людей с высшим образованием, все же они признают тот факт, что ашкеназские евреи более продвинуты в так называемых интеллигентных профессиях.

Но не все единодушны в признании авторитета и роли ашкеназских евреев. Возвращался я однажды с человеком религиозным, участником войны с трапезы, где он после чтения Псалмов приложился к рюмке, уж не помню, в связи с чем; он вдруг заговорил о затаенной обиде на одного европейского еврея. Тот в тяжелых условиях военного времени проявил равнодушие и высокомерие к нему, горскому еврею. Мне трудно брать под защиту всех подряд наших братьев. Я-то знаю, как звереют люди в нечеловеческих условиях во время войны. И только тот, у кого подлинное еврейское воспитание и над кем витает дух наших праотцев, способен сохранить благородство и гуманизм, соответствующие такому воспитанию. Но разве все таковы? Есть еще, к сожалению, подонки, не по ним должно судить об остальных.

В беседе с ташкентским юношей мне пришлось защищать честь и достоинство бухарских евреев от нападков ашкеназского. Теперь – наоборот. Противоречия между евреями разных общин – это факт, который, однако, не следует преувеличивать. Нередко враги еврейского народа пользуются этим и пытаются провоцировать и раздувать противоречия, доводя их до больших масштабов. Любимое занятие наших врагов – играть на незначительных разногласиях и несхожести общин. Конечно, еврейский народ монолитен в верности учению, в основных традициях и обязанностях. Но могут быть и различия, как различались двенадцать колен Израилевых в былые времена.

Декабрь 1980 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В Грузии

(письма из Тбилиси, Гори, Они, Вани,
Кутаиси, Сухуми)

Письмо 11

Процветающая община. Такова ли она? (из Тбилиси)

Ранее я писал тебе, что в бытность мою в Баку посетил синагогу грузинских евреев, соседствующую бок о бок с синагогой европейских евреев. Возникло желание более подробно с ней познакомиться, но из-за кратковременности пребывания я не смог этого сделать. Я слышал о грузинской общине как о процветающей и своеобразной.

Сейчас доказано на основании исторических данных (см., например, статью в журнале "Сион" за 1978 год), что поселения грузинских евреев на Кавказе весьма давнего происхождения, относятся чуть ли не ко временам разрушения Первого храма. Часть евреев после восстановления Первого храма вернулась в Израиль, но другие остались на Кавказе. К оставшейся части присоединились беженцы после разрушения Второго храма. Ассимиляция ранее не слишком задевала кавказскую общину, живущую в горах. В обычаях грузинских евреев, как и в обычаях коренных жителей Израиля, можно найти определенные общие черты, возможно, утерянные в *галуте*. Это — предмет специальных исследований, которые, вероятно, про-

водятся. Идентичность обычаев, например, европейских евреев и грузинских, свидетельствует, что евреи бережно и тщательно сохраняли обычаи, завещанные нашими праотцами, несмотря на *галут*. Сохранили в условиях более жестких, чем были у евреев в Грузии.

По официальным данным (см. журнал "Наука и религия" № 8, 1980 г.), в Грузии находятся двадцать две синагоги из общего числа девяносто одна синагога во всем Советском Союзе. Из статьи видно, что общее число грузинских, бухарских и горских евреев составляет сто тысяч (по уверениям местного жителя, в Грузии в настоящее время есть сорок пять-пятьдесят тысяч, примерно столько же уехало в Израиль за последние годы). Из этих данных следует, что почти 30 процентов всех синагог приходится на 3 процента еврейского населения. Таким образом, как утверждает автор статьи, в Тбилиси посещают синагогу в десять раз больше людей, чем в Куйбышеве.

В Тбилиси синагога находится недалеко от центра, в высоком здании за железной оградой, у ворот — сторож. Два молитвенных зала: на первом этаже и на втором. На втором этаже в зале, прекрасно освещенном люстрами, с разрисованными потолком и стенами, с цветными орнаментами, с *бимой* в центре, молитвы происходят по субботам и праздничным дням. На первом этаже молитвы совершаются ежедневно утром и вечером; около ста молящихся. Во дворе маленькое помещение для тех, кто молится совсем рано, до ухода на работу. В подворье — благоустроенная *шхита* для резки птицы и пекарня для маццы. В этом году маццу выпекают из муки, приносимой прихожанами. Заранее не удалось купить муку для всей общины. Уже испекли около ста тонн маццы для жителей не только города Тбилиси, но и прилегающих селений. Все помещение содержится в хорошем состоянии.

Многие среди грузинских евреев соблюдают *кашрут*. Об этом можно судить по обилию птицы,

которую приносят для резки *шойхету*. Есть и говядина, но менее доступная из-за высокой цены.

Известно, что синагога — вообще центр не только религиозной жизни. Ну, а в наши дни другого места для встреч верующих и вовсе нет. Поэтому в синагоге во время интервалов между молитвами прихожане беседуют на различные темы. После полуденной молитвы — *Минхе*, в ожидании вечерней молитвы *Маарив* часть людей оживленно беседует на улице перед синагогой. Говорят на грузинском языке, и постороннему не понять, но впечатление такое, что темы серьезные. В многочисленной толпе повстречался и знакомый, он рассказал о местной жизни: есть одна синагога европейских евреев. Туда я и направился.

Хотя она находится тоже в центре города, но имеет и снаружи, и внутри довольно запущенный и неприглядный вид. Вечерами и по субботам собирается *миньян*, но "на самом пределе": в Тбилиси живет всего несколько европейских религиозных семейств. Их выручают грузинские братья-евреи, кое-кто из них стал постоянным прихожанином именно этой синагоги. Но и тут имеется актив из числа крепких ашкеназских стариков. Есть, конечно, внутренние заботы. В бытность мою в Тбилиси неожиданно возникло затруднительное положение. Умер почтенный прихожанин, у него хранился общественный фонд. Вдова пыталась удержать в свою пользу какую-то часть из этого фонда. Не знаю, как это разрешилось, но затруднение взволновало людей...

Я не хочу сказать, что речь идет о преднамеренной нечестности овдовевшей женщины, по-видимому, тоже религиозной. Конфликт возник из-за сложности финансовой отчетности, из-за "двойной" бухгалтерии, навязанной религиозным общинам. Случай, подобные происшедшему в Дербенте, о котором я писал тебе (финансовые власти заставили общину внести крупную сумму без всяких законных оснований), известны. Это заставляет религиозных людей вводить скрытый учет скромных пожертвований и их расходования,

не ставя в известность официальные органы. Ведь последним наплевать на нужды общин, они в любое время могут запустить руку в еврейский карман.

Такова моя оценка данного происшествия. Слава Богу, оно не нанесло удара по принципу взаимной честности и не привело к "кризису доверия". В этой связи хочу привести любопытный факт. Когда я вошел в синагогу, вечерняя молитва уже шла, и люди приступили к *Шмоне эсре*, тихо и сосредоточенно ее читая. Я вынул свой *сиддур* и начал молиться. Я их не "догнал", но когда окончил молитву, еще не все разошлись. Посыпались обычные вопросы: кто, откуда, куда? А я, в свою очередь, услышал кое-что из местных событий, в частности, опять обсуждали вышеописанный эпизод с вдовой...

Вдруг один человек отзывает меня в сторону и просит передать в Москву его приятелю сравнительно большую сумму. (Ты ведь знаешь, что в поездках я избегаю всяких денежных "гешефтов", тем более, с незнакомыми людьми. Да и того москвича знаю очень поверхностно, хотя не сомневаюсь в его честности.) Признаться, я слегка опешил и стал отнекиваться. В качестве одной из причин отказа упомянул и историю с вдовой. Я ему сказал: "Как вы можете доверять деньги незнакомому, если даже с хорошо известными людьми происходят порой недоразумения? Я человек честный, но как я докажу, что выполнил вашу просьбу? Вдруг ваш знакомый забудет написать вам о получении денег? Либо письмо затеряется? И вы подумаете, будто я деньги присвоил! Мне это вовсе ни к чему". Он ответил, что, хотя мы действительно не знакомы, но еврею, пришедшему в синагогу с *сиддуром* для молитвы, можно вполне доверять, и не требуется больше никаких дополнительных рекомендаций. А случай с вдовой, мол, тут не при чем. В конце концов, мы договорились: когда я вручу деньги москвичу, то и москвич и я напишем в Тбилиси, я отправлю заказное письмо, о получении его тбилисец меня уведомит.

И, все же случилось так, что я задержался в дороге дольше, чем предполагал. Кроме того, ушло несколько дней на розыски адреса москвича. Это послужило основанием, как потом писал мне тбилисец, усомниться в доверии ко мне... К счастью, на короткое время!

Не нужно быть пророком, чтобы предсказать судьбу этой синагоги в ближайшем будущем. Ведь молодежи нет. Европейские евреи — в основном, случайные жители. Новых приезжих нет. До сих пор ашкеназы упорно не хотели слияния с грузинской общиной и даже сейчас не очень сливаются с ней, выискивая и подчеркивая всякие различия. Слиянию препятствуют разговорные языки: грузинский язык европейские евреи не освоили, а грузинские евреи не знают идиш. Есть и другие черты, отличающие эти две большие семьи еврейского народа. Обе относятся друг к другу уважительно, миролюбиво и готовы помочь друг другу в нужный момент. Но вместе с тем ни то, ни другое сообщество не желает отступать от установлений, освященных вековыми традициями. С одной стороны, грузинские евреи уважают европейских, за которыми, как они признают, стояла некогда внушительная школа талмудистов, породившая, например, *хасидов*. С другой стороны, европейские евреи должны признать превосходство в выживаемости и цепкости грузинских евреев, ведь те сумели сохранить, может быть, в упрощенном виде, основные традиции иудаизма, верность Торе. И даже в наши трудные дни показывают пример стойкости и солидарности.

В финансовом отношении синагога грузинских евреев, по-видимому, находится не в плачевном положении. Широко принят обычай сборов за *алию** и в кружку пожертвований. Нигде не видно столь большого числа нищих у синагоги... Среди них больше

* Обычай устраивать "аукцион" на вызов к чтению отрывка из Торы (алия) существует и по сей день.

всего старых женщин, но стояло и несколько молодых мужчин, немного странных на вид, думаю — психически больных... Имевшейся мелочи не хватило на всех, я немного растерялся: где бы разменять крупную купюру? Один из прихожан, заметив мое затруднение, подсказал отдать ее просящему милостыню. А они уже сами разменяют и разделят. Скопление нуждающихся свидетельствует о щедрости прихожан и о соблюдении ими одного из основных требований иудаизма — *цдаки*.

...Я видел, что, в отличие от горских евреев, почти все молятся в *талесах* и *тфиллин*. Но читает молитвы *хаззан* так же, как, например, в Дербенте, без пауз и напевов, которые характерны для чтения в наших синагогах.

Однажды вечером меня пригласили в дом к местному *хахаму*, европейскому еврею из Белоруссии, ветерану войны, случайно попавшему в Тбилиси и тут осевшему. Невозможно было слушать без волнения рассказ о гибели всей семьи: отца, матери, сестер и младших братьев. Сам он, как говорят, чудом уцелел, но остался инвалидом. Выросший в религиозной семье, он всю жизнь оставался верным иудаизму и даже был *хасидом*. Перебрав несколько профессий, в конце концов, остановился на роли одного из тех, на ком держится синагога — на роли знатока традиций и стража неуклонного их выполнения! Чем и снискал уважение как грузинских, так и европейских евреев.

...Общее впечатление складывалось такое, что я посетил процветающую общину. Но так ли это? Почему же выехало отсюда около 50 процентов еврейского населения, и еще много семейств продолжает добиваться выезда? Надо посмотреть, сказал я себе, что творится в других городах "солнечной", как упорно ее называют в газетах, Грузии.

Февраль 1981 г.

Почему все же уезжают? (из Гори)

Случайный знакомый в Тбилиси посоветовал заглянуть в город Гори с его небольшой общиной. Когда-то здесь было свыше четырехсот семейств, сейчас — около двухсот. Половина еврейского населения репатриировалась в Израиль. Расспросив всего несколько прохожих, я узнал правильное направление и после непродолжительного поиска нашел синагогу. Она помещалась в обычном с виду доме, в глубине двора, за железными воротами. Для ежедневных молитв используется верхний этаж, где около ста мест. В центре — *бима*, у восточной стены — *Орн-койдеш*. Дом приземистый, с небольшими окнами.

Встретил меня сторож, богомольный еврей, сказавший, что *миньян* бывает ежедневно утром и вечером.

Здесь же проживает *хахам* — *шойхет*. *Хахам* — не грузинский еврей, а горский, воспитанник Красной Слободы в Кубе, лет ему около семидесяти. Незнание грузинского языка отчуждает его от прихожан, они, конечно, говорят по-грузински. С ними он вынужден говорить на русском. Кроме того, различия, пусть и небольшие, в обычае между грузинскими и горскими евреями заставляют старых прихожан относиться настороженно к чтению молитв горским *хахамом*: старики придирчиво следят за скрупулезным соблюдением обычаев и порядка молитв. Иногда небольшие расхождения становятся даже предметом дискуссий. Все это порождает некоторый диссонанс во взаимоотношениях между *хахамом* и верующими.

Об этом поведал *габбай*, весьма почтенный и эрудированный человек. У него в Эрец дочь с зятем и детьми — известные общественные деятели среди

репатриантов из Грузии. *Габбай* просил меня (?) подыскать им другого *хахама*.

Эта просьба объясняется и некоторыми личными качествами *хахама*, и его поведением. Полный, с виду добродушный, с большой окладистой бородой мужчина, владеющий ивритом едва-едва. Он оставил семью в Баку и живет один в квартире рядом с *хедер-шени*. До начала молитвы из его квартиры доносились веселые мотивы не то по радио, не то с пластинки. Звуки немного резали слух собиравшихся прихожан. Конечно, ничего предосудительного в том нет. Каждый волен отдыхать и развлекаться на досуге как хочет. Но такая деталь не может не затронуть религиозные чувства верующих. Ведь среди них могли оказаться и те, у кого в этот день, например, *иорцайт!*.. Сам *хахам*, по-видимому, этого не понимал. Вероятно, такие мелочи, а может быть, и более солидные погрешности в поведении, не способствовали авторитету *хахама*.

Может быть, поэтому *габбай* общины и попросил меня найти другого *хахама*. Вскользь упомянул о больших доходах, обеспеченных *хахаму*. Главное, чтобы человек оказался на своем месте. Но где найти *хахама*? Я объездил уже немало мест и нигде не слышал и намека на то, чтобы готовили таких людей (исключая Москву). Да что и говорить, даже дети не учат еврейской азбуки!

Конечно, есть поговорка: "свято место пусто не бывает". Идет, так сказать, "кустарное" обучение. Находятся люди, которые почти самостоятельно осваивают премудрость *шойхета*, добиваются сдачи экзаменов экстерном и заполняют вакантные места. Однако, очевидно, качество такой подготовки оставляет желать лучшего.

...Гори — город довольно примечательный. Ведь это родина Сталина. Отголоски "культы личности" видны и по сей день. В гостинице в вестибюле стоит огромный бюст и висит портрет размером от пола до потолка. В центре сравнительно небольшого горо-

да среди домов, построенных с явными архитектурными "излишествами" и претензиями на монументальность (так называемый "сталинский стиль"), высится огромный памятник бывшему "отцу всех народов". Говорят, памятник горийцы чуть ли не грудью отстояли от разрушения.

Недалеко от монумента — домик, где родился Сталин. Домик спрятан под солидным, на колоннах, навесом.

Рядом — большое здание музея. Местные жители — наивно-националистические поклонники своего земляка. (Если бы он был калмыком, вряд ли грузины его обожали бы!) Они не ведают о сталинских так называемых "перегибах" — о реках слез и крови, которые связываются у многих с его именем, о бессмысленных и безжалостных расправах с сотнями тысяч невинных, в том числе с евреями и грузинами... У части советского народа возродилась патриархальная тяга к культу сильной личности. Поэтому сталинские места стали больше посещать люди, отдыхающие на кавказских курортах. Для местных жителей это неплохой бизнес. Они материально живут хорошо. Это чувствовалось и в синагоге, где отмечался *иорцайт*.

После вечерней молитвы все уселись за стол во главе с *хахамом* и *габбаем*. Было много фруктов, вин и всяких пирогов. Возникла оживленная беседа, прерываемая речами.

Когда расходились, один из прихожан пригласил к себе домой, предупредив, что у него *кашер*. После *нетилат ядаим* хозяйка подала мясной обед. Хозяин рассказал: у него дочь с детьми и мужем живут в Эрец. Показал несколько фотографий этой семьи. Улыбающиеся взрослые и красивые, милые детки. Однако в письмах нет такого благодушия, как на фотографиях. Я вспомнил сапожника из Бухары, которому брат писал повременить с выездом до лучших времен. Тогда мне показалось, что люди как-то ловчат. Но и сюда некоторые пишут о трудностях,

которые встречаются при устройстве с жильем, с работой. И это настораживает. Останавливает еще и то, что большинство имеют солидные сбережения, которые трудно вывезти. Из некоторых доверительных бесед следует, что одна из проблем — как реализовать здешние роскошные дома, иногда двухэтажные и с удобствами. Ведь жаль их бросать или отдавать за бесценок. Кавказская ситуация схожа с той, что недавно сложилась у евреев в Иране. Чем она кончилась для них — все знают... Но сила инерции, жадности, глупости и нерешительности — ох, как велика! Преодолевают ее с трудом. Можно сравнить с тем, как человек идет навстречу сильному снежному бурану. Выносливые идут, преодолевают стихию, другие останавливаются, переживают, стараясь отдышаться, набраться сил, но часть сваливается и пропадает в мрачной круговерти... Говорят, в этих местах власти не отказывали в выезде по причине секретности, не прибегали к подобным придиркам. Как правило, месяц-полтора — и еврей получал визу. Почти в каждой семье есть родные или близкие в Израиле, и приглашения для переезда имеются на руках у многих. Но что делать с накопленными средствами?

(С тех пор, как я побывал на Кавказе, власти практически закрыли репатриацию. Воспоминания о тех днях звучат чудесной сказкой.)

Недалеко от Гори лежит другой небольшой городок — Цхиндали. И здесь когда-то существовала довольно большая для Кавказа еврейская община. Проживало около шестисот семейств. Осталась только четверть — сто сорок семейств.

На свои средства евреи выстроили новую синагогу. Снаружи она еще не отделана и поэтому имеет неопрятный вид. Никаких признаков, что это синагога, снаружи не видно. О щите Давида — *Маген-Давид* — и говорить не приходится: шестиконечная звезда — эмблема сионизма! Советская пропаганда воспитывает ненависть к ней. Однако местные жители хорошо осведомлены о синагоге, мне не представляло труда

разыскать ее, как бывало в других городах, например, в Душанбе.

Синагога оказалась закрытой в это время дня, но по соседству живущая женщина сообщила, где живет *шамес*. Я отправился по указанному адресу и нашел *шамеса* в убогом полуподвальном помещении. *Шамес* почти не говорит по-русски, но у него, к счастью, гостила семья дочери. Из слов зятя, который после службы в армии выжидал срок для подачи заявления на выезд, я почерпнул кое-какие сведения об общине. Примерно три четверти еврейского населения уже выехало. Остальная часть по разным причинам задержалась. Здание синагоги начали отстраивать уже давно, когда массового выезда не было. Здесь существовала когда-то сильная община, отличавшаяся *хахамами* и строгим соблюдением обрядов. Выпекалась *мацца-шмура* для многих городов. Поэтому строго соблюдали все требования к выращиванию и хранению зерен, а также к помолу и хранению муки.

..*Шамес* охотно соглашается проводить в синагогу. Опустив *цдаку*, я осмотрел и сфотографировал синагогу. К сожалению, *шамес* не только не говорит по-русски, но даже плохо понимает этот язык. Весьма почитаемый и широко известный *хахам* и *габбай* живут далеко от синагоги, и их повидать было невозможно. По будням синагога закрыта, так как *миньян* не удастся собрать. *Маццу* теперь уже не пекут в таких больших количествах, а покупают в Тбилиси или Кутаиси или пекут немного на дому.

Внутри синагога производит хорошее впечатление. Проектировали и строили ее с расчетом на растущее число прихожан в будущем, как это принято обычно при планировании. Но проектировщики явно просчитались, не приняв во внимание алию. Большое количество уехавших и продолжающаяся и сейчас, пусть замедленная, эмиграция, превратили сравнительно большое здание, но не отделанное, без всяких украшений в нелепо возвышающееся среди окружающих маленьких домиков строение...

Впрочем, о чем беспокоиться? Городские власти позаимствуют опыт других городов, таких, как, например, Махачкала, и отберут для своих нужд и это здание, когда найдут нужным. Здание-то сохранится, а вот содержимое: свитки Торы, книги, подсвечники, занавесы, *мезузы*, инвентарь всякий — вряд ли! Официально все это — государственное имущество, которым, однако, горсовет не интересуется. Пройдет некоторое время, и все истлеет где-нибудь на складе. Такова перспектива многих синагог в маленьких городах Кавказа. Возникла проблема для верующих: как сохранить святые реликвии? Но попробуй проявить инициативу, попробуй сохранить хотя бы книги из синагогальных библиотек! Не оберешься скандала! Где найти энтузиастов и транспорт, как договориться с местными властями? Властям легче "сактировать", мол, все ваше еврейское имущество пропало, чем сохранять вещи как религиозные или исторические ценности.

Мне рассказывали о попытке ревнителей еврейства сбечь книги из синагоги городка, жители которого почти все уехали. Нетрудно представить преграды, на которые эти энтузиасты натолкнулись. Речь шла о нескольких сотнях томов. Конечно, часть из них подлежала погребению, как это принято для ветхих книг по еврейской традиции, но часть можно бы использовать как книжный фонд. Но где их разместить? Требуется помещение, более или менее приспособленное, транспорт для перевозки, грузчики и деньги. Предоставляю тебе самому обдумать ситуацию...

Это был частный случай. А если речь идет о нескольких городах и поселках? Наверняка все еврейские вещи бесследно пропадут при полном равнодушии или злорадстве чиновников. И при бессилии верующих евреев...

Не уезжают ли религиозные евреи из кавказских городов, потому что нет раввинов, нет возможности выполнять обряды под руководством авторитетов?

Пойдет ли власть на то, чтобы сохранить оставшуюся еврейскую общину в Грузии? Вряд ли. Для этого слишком многое нужно сделать. Кто этим займется? И кому это нужно? Процесс упадка общины, как мне кажется, будет продолжаться до полного ее исчезновения.

К этому печальному выводу не мог я не прийти, мой друг...

Февраль 1981 г.

Письмо 13

Еще один "маленький Иерусалим" (из Они)

Перевалив через заснеженный в это время года перевал, я очутился в чудном местечке, окруженном со всех сторон горами, в городке Они. Местные жители с гордостью называют его "маленький Иерусалим". Городок действительно небольшой, но похож ли он на Иерусалим? Навряд ли. Однако по числу проживающих в нем евреев, по их сплоченности городок выделяется из других городов Грузии. Во-первых, самое красивое здание в городе — синагога. Во-вторых, число посещающих ее значительно превышает число посещающих другие синагоги.

В городок я попал в пятницу под вечер и увидел, как быстро заполнялась прихожанами синагога. Едва успел познакомиться с *хахамом* и *габбаем*, а уже началась вечерняя молитва. Сразу можно было заметить (и потом это подтвердилось), что *кавоне* здесь значительно больше, чем в других синагогах. Особенно это проявилось на следующий день на утренней молитве. При знакомстве с *хахамом* (ему на вид лет пятьдесят) выяснилось, что он закончил московскую *иешиву* при раввине Левине. Об этом говорилось не случайно, а с намерением подчеркнуть свое

не слишком высокое мнение о теперешнем состоянии московской *цешивы*. *Хахам* — местный житель и ладит с прихожанами. Молится с большим чувством, как и многие присутствующие.

Несмотря на это, на следующий день произошел довольно крупный разговор между ним и прихожанами относительно стоимости маццы, ее собирались установить выше прошлогодней. Повышение цены вызвало большое недовольство у части прихожан. Разгорелись страсти, ссора потрясала стены синагоги. Но это произошло на следующий день.

Приводя этот случай, я хотел показать, что при всем уважении к своему *хахаму*, когда дело касалось принципиальных вопросов, бескомпромиссные евреи готовы были растерзать друг друга. Подобный же скандал при мне разыгрался по другому поводу в Дербенте, о нем я писал тебе. Можно представить, какие были споры в далекие древние времена между фарисеями и саддукеями по более принципиальным вопросам! Припоминается одно известное полотно, на котором изображена сцена какой-то дискуссии между бородатыми евреями в *талесах*. Похоже, евреи готовились перейти в рукопашную...

После окончания вечерней молитвы *габбай* пригласил меня на субботний ужин. Внешне *габбай* напоминал солидного бургера с фламандских полотен — достаточно упитанный, с брюшком, важный, неторопливый, немногословный, примерно за шестьдесят. У него собственный дом в центре города. Семья большая: шесть детей, семнадцать внуков и внучек. Не все дети живут с ним. Старший сын занимает верхний этаж. Второй сын недавно отделился и завел семью. У дочерей также свои семьи. Кроме того, с ним проживают престарелая мать и сестра.

Как положено в пятницу вечером, накануне субботы на столе — зажженные свечи, под салфеткой — халлы. Хозяйка приветливо встречает нас. После пения "*Шалом алейхем*" и "*Эшет хаил*" — *Киддуш* над вином и халлами, *нетилат ядаим* — все строго

по традиции. После ужина к бабушке забежали внуки, которые вежливо и почтительно поздоровались и с гостем. В доме чувствовалось патриархальное воспитание. Внуки продемонстрировали умение бегло читать молитвы из *сиддура*. После трапезы и *Биркат ха-мазон* хозяин вышел провожать меня до гостиницы.

Назавтра, в субботу в синагоге оказалось еще больше народу, чем накануне. Здесь принят обычай: вошедший не только прикасается к *мезузе*, как и всюду, но также проходит к *Орн-койдеш* и прикасается или даже целует расшитую бархатную занавеску. Возле занавески на стульях лежали две подушки в белых наволочках — знак происходящей свадьбы.

При выходе из синагоги женщины осыпали мужчин конфетами и сахаром. И это означало уведомление о свадьбе и приглашение на нее.

При предварительном торге за честь быть вызванным к Торе, который здесь соблюдается, а затем при чтении Торы были вызваны жених и родители невесты и жениха. Как приезжий гость и я был удостоен вызова к Торе. Окончив молитву без всяких пропусков и в спокойном темпе, но без привычных напевов (ее вел *хахам*), *габбай* снова подошел ко мне и пригласил на обед, а затем во второй половине дня — на свадьбу.

Обед у *габбая* прошел торжественно. За столом сидели его престарелая мать и сестра. Хозяин рассказал кое-что о городке, роль которого немного напоминает роль Красной Слободы среди горских евреев. Евреи здесь чувствуют себя более уверенно, и их религиозные чувства не слишком ущемлены. Однако разлагающее влияние ассимиляции сказывается здесь не меньше, чем в других городах. Это особенно ощущалось на свадьбе.

Современные свадьбы поражают своим размахом. Я однажды побывал на такой свадьбе в Самарканде, я писал тебе. И на этой свадьбе, в Они, присутствовало около двухсот пятидесяти человек. Сто-

лы расставлены в разных комнатах. Обилие приглашенных в маленьком городке не удивительно. Все друг друга знают и, как правило, живут дружно, и вполне естественно, что все должны быть приглашены, а приглашенные не могут отказываться. Часть гостей собралась в синагоге и оттуда колонной пошла в дом, где происходила свадьба. По дороге "демонстрантов" осыпали конфетами и сахаром.

Хупна, вероятно, была в четверг. Потом я узнал, что в пятницу тоже веселились наиболее близкие и молодежь.

Стол, как говорят, ломился от различных мясных и рыбных блюд. Виноградные вина и водка — в изобилии. Начались многочисленные и продолжительные тосты. Среди пировавших именно в этой комнате, как потом выяснилось, собралась "элита": начальники и их заместители каких-то местных учреждений, например, строительных, торговых, коммунально-бытовых и т. п. Среди присутствующих находились, разумеется, и грузины. Тосты звучали на грузинском языке, и почти ничто не выдавало, что здесь женится еврейская пара. После нескольких тостов в честь жениха, невесты, их родителей и близких родственников и мне разрешили сказать слово. Желая акцентировать внимание на том, что это еврейская свадьба, я произнес тост именно в этом ключе. Но он не вызвал ни воодушевления, ни порицания. Мой тост был примерно таков. "Мне посчастливилось присутствовать здесь у вас, в этом чудном уголке Кавказа, где все так хорошо сочетается: и горы, и река, и, в особенности, люди — такие милые и гостеприимные. Но одно не вписывается в эту гармонию, а именно, что мы — евреи — говорим на разных языках, для нас неродных, и вынуждены понимать друг друга на чужом языке. Мне хотелось бы пожелать молодоженам, чтобы они в будущем жили в таком же чудном уголке земного шара, в Эрец-Исраэль, и чтобы мы, евреи, могли понимать друг друга, разговаривая на своем родном языке".

Уже было выпито немало и, казалось бы, сдерживающие центры должны были ослабнуть, но реакцию на этот тост я не уловил. Пир продолжался в нарастающем темпе. Посыпались речи, среди которых, как мне показалось, был все-таки отклик на мое выступление. Прозвучал тост о вековой дружбе грузинского и еврейского народов. Он побудил меня, учитывая еще и мой злой характер, и выпитые рюмки, внести некоторое разъяснение. Я задал сначала вопрос: сколько в Грузинской республике грузинских школ, газет, книг? И, не дожидаясь ответа, сказал, что их очень много и это очень хорошо. Но сколько в Грузии еврейских школ, газет и книг? И снова, не дожидаясь ответа, сказал, что во всей республике нет ни одной школы, ни одной газеты и ни одной книги! Спрашивается, о какой дружбе грузинского и еврейского народов идет речь, если у одного народа есть все, а у другого нет ничего? Разве это дружба? Конечно, спасибо за то, что грузины не преследуют и не уничтожают евреев, но разве только этим измеряется дружба народов?

Дружба между грузинским и еврейским народами — частая тема, и некоторых она как бы ослепляет. Какое, мол, счастье — грузины относятся к нам не так плохо, как другие! Действительно, исторический факт — в Грузии не провоцировались еврейские погромы, и уже одно это говорит о многом. Сохранилось в более нетронутом виде сообщество евреев, с незапамятных времен живущих на Кавказе. Однако иудаизм не получил глубокого развития среди этой общины, как в Польше или на Украине, или в Галиции. Конечно, и среди грузинских евреев есть знаменитые *хахамы*, но все же не столь прославленные, как среди, скажем, прибалтийских. Однако, благодаря отсутствию оголтелого антисемитизма, в Грузии сохранилось относительно большее количество евреев, соблюдающих *мицвот*: субботу, *кашрут*, обрезание, праздники. И это побудило их в подходящий момент выехать в Эрец-Исраэль. Пожалуй, в процентном отноше-

нии община по репатриации заняла первое место среди общин Советского Союза. Знаменательный факт.

...Свадебный пир заканчивался, гости разобрались на группы, продолжая здравицы. Все расставались в самом лучшем расположении духа, по-приятельски, надеясь, что хорошо понимают друг друга.

Обильное угощение, как известно, волей-неволей настраивает на благодушный лад.

Февраль 1981 г.

Письмо 14

Круговорот отсидки.

Поджог или...

(из Вани)

Дорогой друг!

В следующем чудном городке Вани еще недавно проживало много евреев. Здесь сохранилась просторная, хорошо содержащаяся синагога. Довольно много прихожан посещают ее дважды в день, в том числе и подростки. Они задавали мне много вопросов, провозжая в гостиницу.

Отсюда много евреев выехало, но еще осталась значительная часть. Одна из причин состоит в том, что семья намерена выехать после того, как дочь окончит высшее учебное заведение. Таких семей несколько.

Но это не единственная причина задержки с выездом. Заметная часть грузинских евреев задержалась с выездом из-за... отсидки в тюрьмах и лагерях! В Вани это особенно заметно. У многих людей родственники находятся в заключении. Оставшиеся на свободе, естественно, ждут их освобождения, не желая покидать в беде. Однако, вертясь в заколдованном круге сделок и всяких "гешефтов", родственники сами попадают под суд, не успев дожидаться выхода

на свободу заключенных. В свою очередь, уже отбывшие наказание теперь снова связаны ожиданием выхода на свободу осужденных, и получается своеобразный круговорот. Это было бы смешно, если бы не было столь печально. В заколдованный круг попало не большинство, но обилие "сидельцев" достаточно заметно в городке.

Следует учесть, что, по принятому здесь мнению, правосудие обрушивается на грузинских евреев всей тяжестью, намного превышающей обычную меру наказаний. Это не всегда можно доказать, но при коллективных нарушениях законов, сказывается "дружба" народов. Львиную долю наказания получают именно грузинские евреи, ибо судьи, как правило, грузины и стараются выгораживать своих братьев, признавая евреев инициаторами коллективных преступлений. На евреев обрушивается вся сила карательных мер против спекуляций и любого подрыва экономики социалистического сектора. "Дружба" двух кавказских народов, о которой здесь так любят говорить, в этом случае проявляется, так сказать, в полной мере. Внешне грузинские евреи мало отличаются от грузин, но судей и заседателей не проведешь, они легко различают "чужого"... Если при этом еще примешивается протекция или взятка от соплеменников, то понятно, что ждет еврея.

Но было бы неверно обвинять в существовании круговорота только суд и законы. Конечно, повинны, в первую очередь, сами пострадавшие. Ведь рискованная деятельность кипит ради наживы, которая никому не нужна. Кое-кто из местных жителей пытался оправдать риск тем, что зарплата значительно ниже прожиточного уровня, и как на нее прожить? Однако, если люди поставили себе цель выехать в Израиль, а эта цель несомненно владеет умами грузинских евреев, то никакие авантюры и никакой риск не оправданы. При махинациях страдают дети, жены, старики. К такому выводу приходят после тяжких испытаний и спустя много бессмысленно прошедших

лет. К сожалению, такие случаи не всегда служат примером и предостережением для многих других.

...Большое горе царило в Вани. Трагически погибла в автомобильной катастрофе в Израиле супружеская пара, бывшие местные жители, оставившие четверых детей сиротами. Произошло это в результате лихаческой езды, вероятно, изрядно подвыпившего мужа, после шумного празднования *бар-мицвы* у знакомых. На большой скорости он умудрился врезаться в столб так, что, как передают, машина чуть ли не раскололась по длине надвое. Отец погибшей в безутешном горе. Обросший, с тоской и отчаянием в глазах, с мольбой обращается к Богу. Он недавно вышел из заключения и мечтал уехать к дочери и внукам. Где найти слова для утешения! Утром, днем и вечером, как положено, он говорит *Каддиш*, благо регулярный *миньян* позволяет.

На следующий день после *Шахарис* один прихожанин пригласил меня на завтрак. Он один из тех, кто попал в описанный выше круговорот: недавно вышел из лагеря, но в лагерь попал его родственник. Сейчас он лихорадочно ищет пути вызволения родича. Основания к этому кое-какие имеются, но требуется много сил и средств. Судя по всему, хозяин настроен решительно и готов выручить попавшего в беду, но мне также сдается, что даже при благоприятном исходе, вряд ли они образумятся и перестанут искушать судьбу. Для этого им надо бы больше приблизиться к Торе, к Богу, но этого не наблюдается. Сын этого человека увлекается машиной и много ею занимается, да плюс еще — "бизнес". Времени для Торы не хватает. Впрочем, нет и соответствующих учителей.

Уровень религиозной жизни в Вани поддерживается соблюдением основных обычаев: субботы, *кашрута*, посещением синагоги. Немало, но и недостаточно, чтобы предотвратить евреев от рискованного "бизнеса". Подлинного еврейского образа жизни, включающего необходимый элемент изучения Торы, ни

здесь, ни в других местах мне не удалось наблюдать. И как следствие — неизбежная деградация еврейской общины...

По дороге в Кутаиси заехал в еще один небольшой город Грузии — Кулаши. Когда-то здесь проживало около трехсот еврейских семей, а сейчас — около восьмидесяти. В процентном отношении выехало в Израиль отсюда, возможно, больше, чем из других посещенных мною городов. Целые улицы опустели. Вскорости дома заселили грузины. Национальный состав города изменился. Не потому ли произошло событие, потрясшее город: сгорела синагога. От большого двухэтажного каменного здания сохранились лишь стены.

Предполагают, что пожар произошел из-за поджога. Но надежных доказательств этой версии нет.

На втором этаже синагоги когда-то помещался *хедер* и *мидраш*. По остаткам мебели, дорогих штор можно судить, что до пожара синагога содержалась с любовью. К счастью, свитки Торы и часть книг удалось спасти.

В этом же дворе стоит другое здание синагоги, деревянное, мест на триста, в нем сейчас и проводится служба. Там меня встретил местный *хахам*, сорока-восьмилетний человек, тоже готовящийся к выезду в Израиль. Из *Шулхан Арух* он прочитал и прокомментировал абзац о взаимоотношениях между евреями. Поведал мне, что сгоревшее здание синагоги собираются восстанавливать, для этого завезли уже бревна на перекрытия. По-видимому, община собирается существовать длительное время.

Не ты ли мне доказывал как-то, что даже при самых благоприятных обстоятельствах евреи полностью никогда не покинут *галут*? Хорошо это или плохо? Мне кажется, что оставшаяся в *галуте* часть евреев будет напоминать боевое охранение. Оно обречено, как правило, на истребление или пленение. Я это сам несколько раз испытывал: основная часть отступала, а наш пулеметный расчет оставался в этом самом бо-

евом охранении... Мерзейшее положение, доложу я тебе... В ответ на мой вопрос о причине пожара *хахам* развел руками. От властей трудно получить вразумительный ответ. Причину пожара всегда нелегко установить, для этого требуется тщательное расследование, всегда легко и удобно сослаться на "электропроводку" или "окурки". Иди, докажи обратное! Тем более, когда речь идет о таком учреждении, как синагога. Хотя здание относится к государственной собственности, но его охрана гораздо слабее охраны любого другого государственного учреждения или предприятия.

Синагоги вообще легко уязвимы. Любой безумец или преступник может совершить акт вандализма, почти так же, как и на еврейском кладбище, где разрушают надгробия.

Поэтому все остается на совести местных жителей, и любое злодеяние отражает отношение, пусть хоть части жителей, к религии. К счастью, пожары синагоги — довольно редкое явление. Весьма возможно, что в данном случае имела место чистая случайность, а не злонамеренный акт. Однако же расследовать обстоятельства пожара и информировать о них население следовало бы более тщательно и подробно. Иначе нанизывается цепь предположений и догадок, которые тревожат неравнодушных к этому событию людей.

Февраль-март 1981 г.

Письмо 14

Отстояли синагогу (из Кутаиси)

Кутаиси довольно большой город, вероятно, второй по величине в Грузии, с населением около двухсот тысяч человек. Соответственно и евреев порядка

двух тысяч семейств. У Кутаиси богатое историческое прошлое. Тут три действующие синагоги находятся в центральной части города. По количеству синагог город, как мне кажется, занимает первое место в Советском Союзе! Ведь даже в Москве всего две синагоги, так же, как в Тбилиси. А в Ленинграде — одна. Если судить даже по числу синагог, можно представить, что еврейская община отличается религиозностью.

Незыблемость синагог, сохранность и отличное состояние — всецело результат усилий и стойкости общины. Об этом я читал даже в печати. Но сейчас я мог узнать из первоисточников о событиях тех уже столь отдаленных времен, когда еврейское население отстояло синагогу от конфискации и закрытия.

Как мне рассказывали, в тот день, когда местная власть собралась закрыть синагогу, вокруг нее собралась толпа, главным образом из женщин. Вот подъехала машина председателя горсовета. Толпа начала кричать. Полетели камни. После некоторого замешательства начальству пришлось убраться.

Конечно, трудно поверить, что только в результате отпора толпы не была закрыта синагога. Видимо, еще что-то повлияло, ибо хорошо известно, что власть может принять самые жесткие меры, если сочтет нужным выполнить свое постановление. Факт сохранения здания синагоги передается "из поколения в поколение". И это — отличная характеристика общины и прекрасный, достойный подражания пример для других.

Однако два помещения, ранее примыкавшие к одной из синагог, все же отобрали. В одном помещении теперь детская библиотека, а в другом какая-то контора. Но основные строения синагог сохранились и являют даже для неверующих образец величественной и благородной красоты. Монументальные колонны снаружи и отделка внутри выделяют эти здания в городе. Архитектура, как и синагог в Тбилиси, Они, Вани, значительно отличается от архитектуры синагог горских и бухарских общин. Кутаис-

ские богаче и изящнее. Видна связь между архитектурой синагоги и ролью общины в районе. В особенности в Самарканде: на фоне пышной восточной архитектуры — скромные, неприметные синагоги.

В Кутаиси довольно крепкая религиозная община, судя по тому, как усиленно она заботится о синагогах. В каждой из них имеется *хахам*, который утром и вечером совершает молитву при наличии двадцати-тридцати прихожан, не говоря уже о субботе и праздниках — в эти дни собираются сотни верующих. Многие соблюдают *кашрут*. Община сумела достать муку и уже испекла несколько тонн маццы.

Мне пришлось опять-таки столкнуться с большой потребностью в предметах культа: *талесах* и *тфиллин*. Острая нужда взвинтила цены, эти вещи стали предметом спекуляции. Впрочем, это слово не совсем уместно. Производства этих вещей в Советском Союзе нет. Появляются они только случайным образом и редко продаются официально в небольших количествах в центральных синагогах. В настоящее время, когда на эти вещи возник большой спрос, образовался дефицит, который частично покрывается кустарным промыслом религиозных евреев. А такой промысел всегда ценился высоко, и поэтому цены велики. Когда идет речь о покупке, например, *тфиллин* для мальчика на *бар-мицву* или *талеса* для жениха, то какой отец или дед остановится перед ценой? Правда, высокие цены на предметы культа будут поощрять кустарей делать их, тем более, что такую работу — по еврейской традиции — должны выполнять люди, зарекомендовавшие себя соблюдением всех *мицвот*. Высокие цены на эти предметы — хороший показатель, и к ним неприменим термин "спекуляция".

По этому вопросу вспоминается разговор с соседом. Он искренне, с большим возмущением отзывается о неблаговидном поведении некоторых религиозных стариков и старух: те за какую-то мзду уступили ему очередь при покупке маццы. Сей советский гражданин, почти никогда не посещающий синагогу,

”интеллектуал”, живущий в большом достатке, вдруг решил приобрести мацу, но столкнулся с большой очередью. Не желая, естественно, стоять, как все, в очереди, воспользовался предложением какой-то пенсионерки, еще на рассвете занявшей очередь за мацой. За свой труд старуха пожелала компенсацию. ”Интеллектуал” рассказывал с возмущением о спекулянтах и недобросовестных религиозных евреях, которые порочат религию и т. п. Мне пришлось долго растолковывать, что его понятия о спекуляции и религиозности смещены. Во-первых, усилия пенсионерки требуют оплаты, во-вторых, и это самое главное, говоря о религии, он и понятия не имеет об одном из основных устоев еврейской религии, об обязанности отчислять из своего бюджета на пожертвования в пользу общины. Этот советский гражданин вносит в бездонный карман государства для всяких фондов, вроде ”фонда мира”, деньги, но за свою жизнь никогда не пожертвовал копейки в пользу той же старухи или какого-нибудь старика. И после этого еще осуждает старуху, которой посчастливилось к своей скромной пенсии добавить несколько рублей и украсить праздничный обед. Смещение понятий — характерная черта у многих, соприкасающихся с ценностями, ранее им не знакомыми...

Возвращаясь к стоимости предметов культа, нужно сказать, что в их дефиците и, следовательно, в непомерной цене основная вина Комитета по делам религии. Комитет препятствует официальной доставке из-за границы молитвенников, Торы и других предметов культа. Прямая вина лежит и на КГБ, конфискующем у туристов личные подарки верующим евреям. Государственные учреждения — прямые виновники столь высоких цен на предметы культа. Еще один пример того, насколько ”церковь отделена от государства” и как выглядит на самом деле свобода вероисповедания, записанная в Конституции СССР...

Среди моих знакомых оказался очень религиозный грузинский еврей, инженер. Несмотря на высо-

кооплачиваемую работу по специальности, решил посвятить себя религиозной деятельности, стать *хахамом*. В его возрасте поступить в *иешиву* в Москве не было реальных возможностей, у него уже семья и несколько детей. Поступление в учебное заведение обуславливается, кстати, такими условиями, о которых следует особо и подробно говорить в другой раз. И человек решил подготовиться к званию самостоятельно, тем более, что он много лет углубленно изучал иудаистскую литературу. Но поскольку должность *хахама* официальная и, в частности, для занятия места *шойхета* необходима соответствующая "бумага" — *смиха*, выданная московской *иешивой*, то для ее получения нужно сдать экстерном. Вооружившись книгами, инженер был полон желания овладеть новой специальностью *шойхета* — резника. Он уже умел читать Тору, то есть был уже *баал-криа*, а также *баал-тфила*. Вот еще пример, как проходит подготовка "кадров" для синагог, когда *иешива* не справляется с выпуском специалистов. Нет сомнения, что материальное положение у *хахама* лучше, чем у инженера, и поэтому мой знакомый будет вдвойне вознагражден: во-первых, работа его морально устраивает и, во-вторых, он не будет материально ущемлен...

Из Кутаиси выехало 30–40 процентов евреев. Оставшиеся стремятся сохранить себя как религиозную общину, и в этой общине протекает заметная деятельность. Значительно хуже обстоит дело с религиозной жизнью в небольших селениях, окружающих город. В селениях остались считанные семейства, которые не могут содержать синагогу и соблюдать минимальные коллективные обряды. У них нет, как правило, *хахамов*, могущих вести ежедневный *миньян* и по субботам читать Тору. Такие селения, не слишком отдаленные друг от друга, по субботам и по праздникам собираются на *миньян*, и к ним приезжает *хахам* из Кутаиси. Он проводит в селении вечер пятницы и весь субботний день до *хавдалы*. Периодически в селения приезжает и *шойхет*. Даже в таких отдален-

ных местах, где проживают всего несколько семейств, евреи слушают молитвы и соблюдают *кашрут*.

Но есть и такие села, где никого не осталось от живших здесь еврейских семейств. Я вспомнил, с какой грустью реагировал на бывшее еврейское поселение в колонии Роскошной, на родине моего отца, когда застал вместо поселка голую степь с единственным строением посреди распаханного поля — бывшей синагогой. Но я не ощущал горести, проезжая через грузинские села, где когда-то жили евреи. Они покинули Грузию добровольно, ради векового стремления народа к возрождению и расцвету. Это не то же самое, что быть изгнанным насильственно. Жаль только, нигде не остается никаких памятных следов о труде, который вложили люди в кавказские края. В Египте пирамиды напоминают о рабском труде евреев, которым они заплатили за освобождение. Возможно, историки будут обнаруживать и в Грузии что-то, что указывает на труд живших здесь некогда евреев. Однако в конечном счете это менее важно, чем то, что унесут с собой евреи из стран *галута*. Приобретенные обычаи и культурные навыки могут оказать сильное влияние в процессе возрождения единого еврейского народа.

Март 1981 г.

Письмо 16

Судьбы людские (из Сухуми)

Пребывание в Грузии я заканчиваю в Сухуми. До сих пор я знал его только как курортный город. На этот раз я познакомился с его еврейской религиозной общиной. Судя по тому, что одна из служащих на вокзале в ранний утренний час подробно объяснила, где находится синагога, а таксист без всяких распросов довез меня к ней, синагога достаточно извест-

на в городе. Она помещается в центре и производит удовлетворительное впечатление, хотя полы и нуждаются в ремонте. Во дворе находятся *микве* и *шхита*. В подворье имеются три основные помещения для молитвы: большое — мест на триста-четырееста с балконом для женщин — синагога грузинских евреев, небольшой — *хедер-шени*, мест на пятьдесят-восемьдесят и мест на сто-сто пятьдесят для ашкеназских евреев. Ежедневный *миньян* проводится во втором помещении, где собираются утром и вечером человек пятнадцать-двадцать. В большой синагоге молитвы происходят только по субботам и праздникам. В ашкеназской синагоге собирается *миньян* только по субботам и праздникам, число прихожан — пятнадцать-двадцать пять вместе с некоторыми грузинскими евреями. В последнее время число ашкеназских семейств сократилось до двадцати, вместо двухсот в былые годы. Семейств грузинских евреев значительно больше, когда-то было их около тысячи, а сейчас осталось сто двадцать. Однако по субботам большая синагога заполняется, посещаемость приличная, оставшиеся евреи тянутся к синагоге.

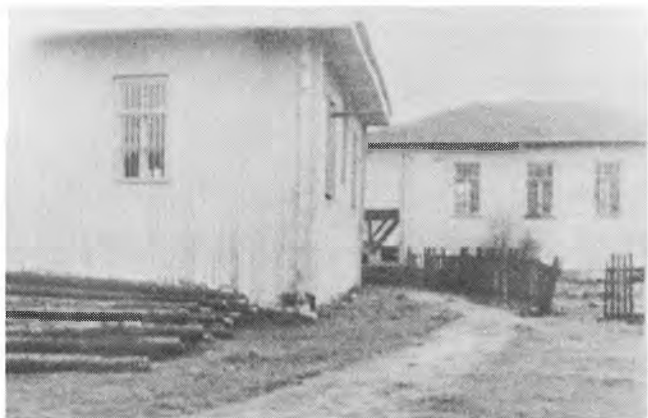
После *Шахарис* я устроился в гостинице, а вечером пришел снова в синагогу. После окончания вечерней молитвы в малом помещении многие были приглашены в находящуюся рядом комнату для *сеуды* после семидневного траура по умершему в Израиле родственнику одного из прихожан. Завтра *Эстер-тонес*, а сегодня разрешена обильная еда. В память умершего много выступлений, его многие тут знали. Затем несколько речей по другим поводам. Мне пришлось кое-что рассказать о себе, чтобы удовлетворить любопытство, понятное при виде незнакомого человека. Я говорил на иврите: о мире и об "*ам Исраэль*". Община, несмотря на то, что тает — крепкая. *Хахам* — большой знаток молитв, многие из них знает наизусть, и, вероятно, все псалмы. В беседе со мной подчеркнул, что окончил *иешиву* при раввине Левине, так же, как и *хахам* в Они, они приблизительно одних лет.

Он так же хотел подчеркнуть, что с теперешней *иешивой* не имеет ничего общего. Неважная репутация у теперешнего раввина, уж очень невысокого мнения о нем верующие. Вероятно, не без основания.

В течение нескольких дней, проведенных в Сухуми, мне удалось познакомиться с несколькими местными жителями: у каждого особая судьба. На следующий день после молитвы ко мне подошел ашкеназский еврей, инвалид войны, житель курортного местечка под Сухуми, где нет синагоги. Он преклонного возраста, но очень бодр и готов рассказывать о себе массу подробностей, благо нашел терпеливого слушателя. Внешне не похож на еврея, да и фамилия, имя и отчество русифицированы. Родился в Ростове и всю жизнь кочевал по городам Северного Кавказа, работая кузнецом. Семьи не завел, родственников растерял и дожил до одинокой старости.

Повествуя о жизни, сводит рассказ к нынешним "жилищным условиям", к тому, что его преследуют русские соседи, покушающиеся на его комнату и очень ждущие его смерти. Или даже замышляющие всякие козни против него. Рассказ походил на бред больного человека... Вспомнился другой знакомый из Москвы, тоже инвалид войны, бывший журналист. Как и кузнец, все свои беседы обязательно сводил к преследованию со стороны близких, соседей, милиции и проч. При более подробных расспросах выяснились столь путаные доказательства существования преследований, что на ум приходила мысль о душевной болезни одиноких старых евреев. Бедные люди! В какой жестокий мир забросила их злая судьба!

Единственная тема, воодушевляющая моего знакомого — Израиль! Он большой поклонник Израиля, "болеет за Израиль", регулярно слушает тайком от соседей радиопередачи, иногда до поздней ночи. (Не тут ли повод к вражде со стороны соседей?) Знает все последние новости. На вопрос, почему же он не едет туда, коротко бросает: "Не хочу быть иждивенцем там". Я не разделил его опасений, и он придумал

Действующая синагога в пос. Кулаши, Грузия. Февраль 1981 г.

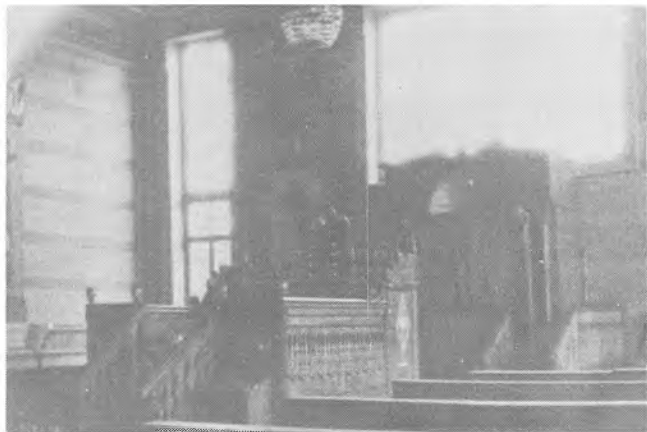
Шохет (резник) у входа в синагогу в пос. Кулаши. Февраль 1981 г.

Сгоревшая в 1980 г. синагога в пос. Кулаши

*Синагога грузинских евреев в г. Сухуми, Грузия.
Март 1981 г.*

Интерьер синагоги в г. Они

Действующая синагога в г. Цхинвали, Грузия. Февраль 1981 г.

Действующая синагога в г. Вани, Грузия

Семья грузинских евреев в г. Вани, Грузия. Февраль 1981 г.

⌘
*Действующая синагога в г. Кутаиси, Грузия. Февраль
1981 г.*
⌘

Интерьер синагоги в г. Кутаиси

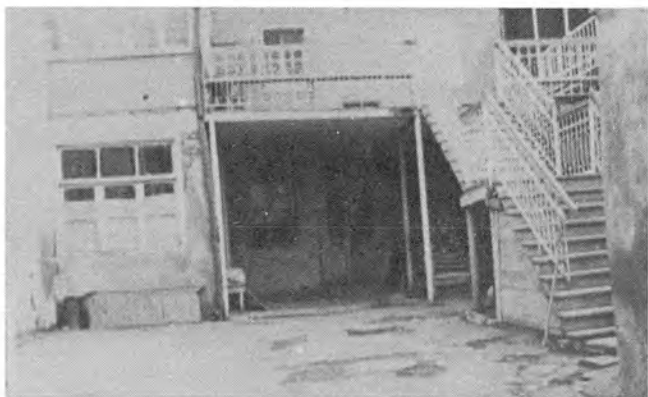
Действующая синагога в г. Они, Грузия. Февраль 1981 г.

Помещение для ритуального убоя скота и домашней птицы. Г. Сухуми, Грузия. Март 1981 г.

Действующая синагога в г. Сухуми, Грузия. Март 1981 г.

Действующая синагога в г. Гори, Грузия. Февраль 1981 г.

В синагоге г. Гори отмечают иорцайт. Февраль 1981 г.

Разрушенное еврейское кладбище на Кавказе

Улица, ведущая к синагоге в г. Гори. 1981 г.

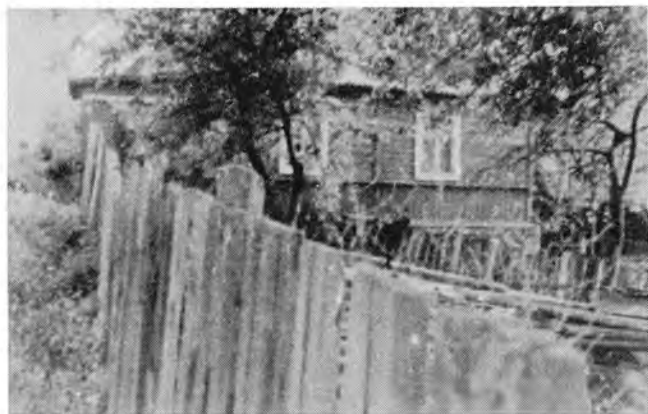
Здание бывшей синагоги в г. Борисов

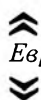
Дом в г. Борисов, где собирается миньян

Дом в г. Бобруйск, Белоруссия, где ежедневно утром и вечером собирается миньян. Май 1981 г.

Частный дом в г. Витебск, Белоруссия, где ежедневно утром и вечером собирается миньян. Май 1981 г.

Еврейское кладбище в г. Витебск

⌘
*Полуразрушенное здание в г. Могилев, Белоруссия,
где иногда собирается миньян. Май 1981 г.*
⌘

⌞
Портреты евреев Героев Советского Союза, выставленные в Аллее героев, в центре г. Могилев, Белоруссия.
⌟

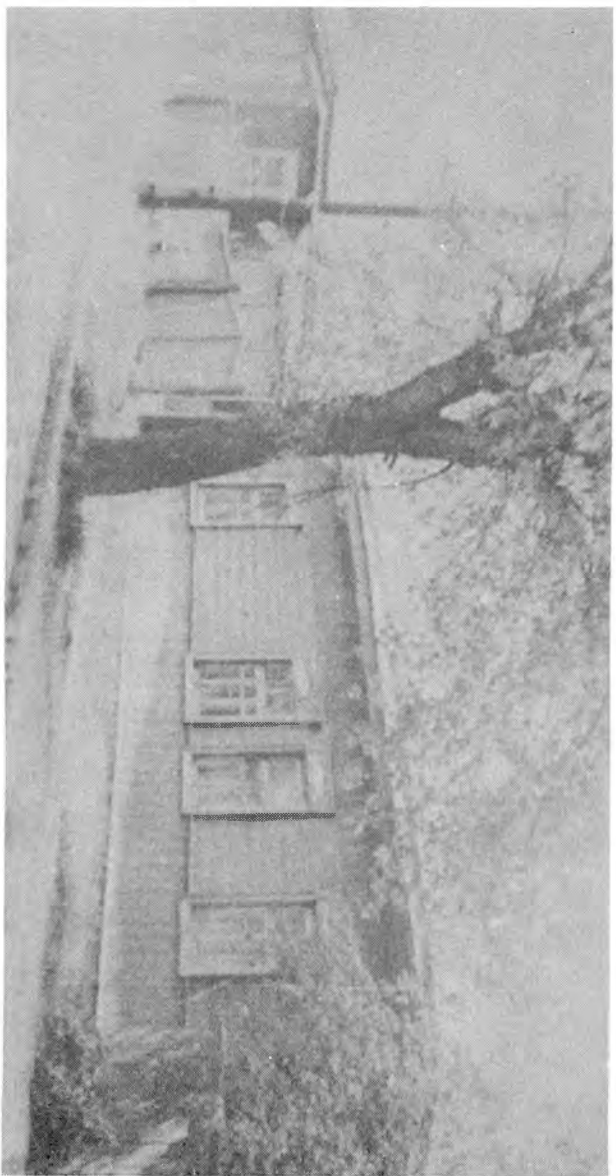

Дом в г. Калинковичи, Белоруссия, где ежедневно собирается миньян

*Дом в г. Гомель, Белоруссия, где собирается миньян.
Май 1981 г.*

Дом в с. Мозырь, Белоруссия, где собирается миньян. Май 1981 г.

еще довод. Когда-то он работал кузнецом на тракторном заводе и был отмечен наградой за хорошие показатели в труде. Теперь это может послужить препятствием к выезду. Подобные доводы для молодых кажутся несерьезными, но для беспомощных стариков, которые неспособны к сопротивлению жизненным невзгодам, они как успокаивающий бальзам. Удивило в этом человеке и то, что, будучи почти ассимилированным евреем, проведя жизнь вдали от еврейского уклада и даже не испытав, благодаря обрусевшей внешности, отрезвляющего действия антисемитизма, он, как блудный сын, вернулся к еврейскому очагу, к религии предков.

Другим моим знакомым оказался грузинский еврей, средних лет красивый мужчина, хорошо одетый и, видимо, ухоженный, но вместе с тем страдающий. Овдовев, сошелся с русской, а она ничего не желает знать о еврействе и, тем более, об Израиле. Особенно агрессивно против него настроена новая теща, старуха со Смоленщины. Хотя детей нет, он все еще колеблется между проснувшейся тягой к еврейству и привязанностью к русской, чужой ему по духу женщине. Ситуация не новая, но для того, кто ее переживает, болезненная. В доверительной беседе он признался, что в прошлом часто шел на риск в "деловых операциях", натываясь на строгие и беспощадные карающие законы, но накопил изрядные средства. Сейчас же понял: не в этом суть жизни. Нет душевного покоя. Трудно предугадать, что возьмет верх в этом человеке. Сможет ли он разорвать связь с женщиной, привлекающей его, найдет ли в себе силы пройти трудный путь и вернуться в лоно своих предков? Пока что он регулярно посещает синагогу и приобщается к еврейскому образу жизни.

Сходную семейную драму поведал мне еще один прихожанин. Его жена — ашкеназская еврейка, но она против выезда в Израиль. Он настоял на формальном разводе, чтобы подать заявление о выезде. Но с ней остаются дети. Как быть? К переживаниям

добавилось следующее. С целью помочь одной девушке выехать в Израиль он пытался оформить с ней брак. В таком маленьком городе попытка вызвала пересуды. Его жена, взяв детей, уехала к своим родным в Ростов. Мужчина оказался без семьи, без ухода... Синагогу он посещает регулярно и стремится остаться евреем, уповая на Бога, Бог поможет сохранить семью и достигнуть цели — переехать в Израиль.

...В один из вечеров я был приглашен в религиозную семью молодым человеком, недавно женившимся, соблюдающим еврейские традиции. Он живет вместе с родителями, в семье десять детей. Трое из них в Израиле, и все очень религиозные. Отец почти не разговаривает по-русски и даже плохо понимает, хотя всю жизнь прожил в бойком курортном месте. Пример того, как религия оказалась надежной защитой для этой семьи от ассимиляции. Младшие дети — школьники, весьма привержены к вере родителей, знают иврит, молятся. В доме порядок, соответствующий еврейским традициям. И даже молодая невестка, хотя пришла в дом из не очень религиозного окружения, чувствует себя полноправным членом этой семьи.

На следующий день меня пригласил наиболее популярный человек в общине. Он невысокого роста, энергичный, средних лет, весьма деловой и "всесильный". Все он знает, все он может устроить и все понимает с полуслова. Очень религиозен, но вместе с тем весьма практичен. Приятная жена, хорошая хозяйка, решительно настроена выехать в Израиль. Но хозяин производит впечатление человека, который еще не нахватал всех денег, и, как бабочку огонь, так и его влекут "деловые операции", которые могут кончиться, упаси Боже, печально... В их семье произошла печальная, чуть ли не трагическая история с сыном. Высокий, красивый молодой человек психически тяжело заболел после травмы головы, которую нанес ему сокурсник в общежитии. Драка произошла на почве антисемитизма, когда этот юноша

учился в институте под Тулой. После травмы головы юноша, скрывая несчастье от родителей, не вылежал и не вылечился до конца. Вскоро начал страдать головными болями, и болезнь приняла более серьезный характер. Сейчас это психически больной человек, ему грозит постоянная инвалидность. Лечебные средства пока не дают положительных результатов. Только уповая на Бога, семья надеется, что сын излечится. И после этого они уже наверняка выедут в Эрец-Исраэль.

По традиции на Пурим хозяйка испекла много разных пирогов. За столом местный *хахам* стал критически высказываться об Израиле. Для меня это было неожиданно и в то же время объяснимо, так как он не из тех, кто намерен выехать в Израиль. И более того, *хахам* сторонник сохранения своей общины на веки вечные. Таких евреев можно найти повсюду, их не меньше, чем сионистов, то есть евреев, которые видят решение только в выезде в Израиль.

...На Пурим в ашкеназской синагоге после чтения *Мегиллат-Эстер* одним старым прихожанином, с весьма правильным напевом, состоялась традиционная *сеуда*. За большим столом уселся почти весь *миньян*, среди гостей — несколько ветеранов войны, дети. Женщины поставили пироги, *хоменташ*, рыбу, соленые овощи, водку. Было произнесено много тостов, и чувствовалось, что многим очень приятно находиться в родной среде. Даже одна из женщин, которая до застолья жаловалась, что ей не дают пособие как одинокой и упрекала руководство общины в скупости, пришла в благодушное настроение и стала приветлива. Руководство общины дало понять, что не оставит в беде никого из нуждающихся. Я думал: вот евреев остается все меньше и меньше, но им не изменяют традиционные чувства сплоченности и взаимной выручки.

О грузинской общине складывается впечатление, по сравнению с другими, как о наиболее компактной исключительно благодаря религии. Она сумела со-

храниться и достигнуть высокого процента выезда в Израиль. Есть между этими явлениями прямая связь. Это трудно оспаривать. Даже оставшиеся евреи способны какое-то время сопротивляться натиску асси-миляции, держась за религию и традиционный образ жизни. Как долго продлится это сопротивление — сказать трудно...

Конечно, для этой общины большое значение имела удаленность от безжалостной поступи войны, уничтожившей или разметавшей по стране еврейство Украины и Белоруссии. Община в Грузии резко выделяется среди других ортодоксальностью.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

По Белоруссии

(Письма из Минска, Борисова, Бобруйска,
Гомеля, Мозыря, Калинковичей, Могилева,
Орши, Витебска и Полоцка)

Письмо 17

Дальнейшее расследование прекращено (из Минска)

Дорогой друг!

В этих краях мне не удавалось побывать ранее, но, конечно, я много читал о городах и местечках Белоруссии и слышал о них от многих друзей и приятелей — уроженцев этих мест. Мне представлялось, что образ еврейской жизни этой общины во многом был связан с былой их жизнью в Польше, от которой они отделились после ее раздела. Конечно, в последнее столетие и в особенности после революции жизнь евреев в этих краях сильно отличается от жизни в былой Польше. Ассимиляторская политика царского правительства, известная по знаменитым "Положениям" Р. Е. Державина, наложила свой необратимый отпечаток на еврейский образ жизни. Все же известно было, что еврейская община в этих местах почти вплоть до войны была монолитной, и религиозная жизнь мало подвергалась изменениям по сравнению с другими общинами. Во всяком случае, евреев из Белоруссии можно было всегда считать наиболее авторитетными в соблюдении религиозных тра-

дий. Очевидно также, что ураган войны, пронесшийся над западной частью СССР, не мог не сказаться на жизни общины. Следовало ожидать больших перемен. И, тем не менее, казалось, что в более отдаленных местах можно найти кое-что из бывшего. Хотя предчувствие и подсказывало, что возможно большое разочарование.

...В гостинице место обещали только к вечеру, а было раннее утро.

Первые поиски синагоги оказались безрезультатными, и поэтому надо было найти место для утренней молитвы *Шахарис*. В таком современном городе, как Минск, не так легко найти укромное местечко. Бродя по городу, я наткнулся на местный парк культуры и отдыха имени Горького. Он, правда, уступает московскому, но все же нашелся уголок, где можно было облачиться в *талес* и *тфиллин* и прочесть *Шахарис*. Спасибо парку культуры...

Затем я перекусил и начал соображать, как разыскать синагогу.

Я обратил внимание, что недалеко от меня продавщица мороженого, открывшая торговлю, наблюдала за моей трапезой. Я решил начать поиски с расспросов этой женщины, которая к тому же похожа на еврейку. Гуляющих в это время не видно. Купив мороженое и разговорившись, я узнал, что синагога в городе существует, но адрес собеседнице неизвестен.

— Здесь много евреев гуляет, у них можно спросить, — сказала женщина. — Вот как раз идет пара, спросите у них. Ваши вещи оставьте у меня, они не пропадут.

На мой неожиданный вопрос пожилая женщина сначала испуганно ответила, что не знает, где синагога. Но мужчина оборвал ее и сказал, что знает только трамвайную остановку, где нужно выходить, а улицу и номер дома — нет. Поблагодарив за это и оставив вещи у продавщицы мороженого, я отправился искать синагогу. Сойдя на нужной остановке, обратился к одному на вид интеллигентному еврею. Он ответил,

что никогда не слышал о существовании в городе синагоги. Но последующие расспросы у местных жителей наконец привели меня к синагоге. Двухэтажное деревянное здание, стоящее в глубине, за деревянным же забором. Утренняя служба уже закончилась, и навстречу мне попался один из "двадцатки", который пригласил меня к вечерней молитве.

Синагога в этом здании помещается всего лишь около года. Дом приобрела община и переоборудовала его. Пока отделали нижний этаж. В нем зал мест на сто с небольшим барьером для женщин. Ничего лишнего: *Орн-койдеш*, *бима*, скамьи. На этом же этаже еще несколько служебных комнат. Наверху — жилое помещение.

Вечером состоялся *миньян* в количестве пятнадцати человек, все пенсионного возраста. Здесь, как и в Ленинграде, Каддиш говорят почти все, так как предварительно присутствующим раздаются записки с именами усопших. Этот обычай мне нравится, но он не всюду соблюдается. Ведь по *Шулхан Арух Каддиш* должен говорить только сын. Присутствующим нетрудно было заметить незнакомого. Как всегда вопросы: откуда, куда, зачем? Как у вас? Где остановился на ночлег, к кому приехал и т. п. Подозрительность сменилась доверием. Подозрительность здесь вполне уместна. Совсем недавно похищены все пять свитков Торы какими-то "грузинами". Следователь, ведший дело, прекратил его на том основании, что в протоколе о краже указали: свитки старые, в ветхом состоянии. Известно, что всякое ненаказанное преступление поощряет преступников. Тот факт, что похищение свитков ни разу не было раскрыто и наказано, мог только поощрять грабителей.

Особенно насторожили настойчивые расспросы следователя, где молящиеся достали другие свитки вместо похищенных, чтобы продолжать молитвенные службы. У пострадавших сложилось впечатление, что официальный представитель власти в какой-то степени заинтересован, чтобы все свитки исчезли.

Возможно, что этот интерес продиктован личными антирелигиозными убеждениями, но совершенно ясно, что в результате такого "расследования" верующие находятся постоянно в тревоге за сохранность свитков Торы, и людей не покидает подозрительность к всякому пришельцу.

На следующий день к утренней молитве собралось примерно столько же прихожан, как и накануне. После молитвы не все спешили разойтись, некоторые завели беседу о разного рода воспоминаниях. Один поведал о детских годах, о приезде в Минск до Первой мировой войны царя Николая II. Он уверял, что помнит, как навстречу царю вышло православное духовенство, а также и раввин со свитками Торы. Всех поразил тот факт, что государь и все его семейство целовали свитки Торы, как и вся свита. Этот эпизод произвел неизгладимое впечатление на евреев в то время и стал предметом обсуждения на многие годы. Один из присутствующих объяснил, что Тора — это так называемый Ветхий завет, а он признается и почитается всеми христианами.

Непринужденная беседа продолжалась довольно долго и шла на идиш. Некоторые люди в это время разбирали обрывки старых свитков с целью их восстановления. Зашел разговор и о бывших синагогах в городе. Здания некоторых из них сохранились. Например, оказалось, что Русский драматический театр — в одном из таких зданий. С фасада к нему пристроена колоннада с орнаментированным фронтоном, но если заглянуть сбоку, то легко заметить по заделанным проемам овальных окон и по другим деталям, что все это очень напоминает синагогу.

В Минске есть *шойхет*, который, однако, себя не очень рекламирует, вероятно, до оборудования *шхиты*.

На окраине у памятника жертвам фашизма вошло в традицию собираться в День Победы. Собиралось много сотен людей, произносящих траурные речи. Но в последние годы всякие выступления и митин-

ги строжайше запрещены по каким-то тайным сообщениям. Люди молча отдают дань памяти погибшим родным и близким под зорким наблюдением властей...

Мне предстояло узнать, где еще имеются синагоги в ближайших городах. Это оказалось не так просто из-за подозрительности местных жителей. Многие, впрочем, и не знают, что творится даже в ближайших городах и местечках. Но те, кто знает, стараются скрыть из-за боязни. Все же я получил кое-какие сведения, могущие облегчить поиски в другом городе.

Когда я был в минской синагоге, один из уезжающих в Израиль принес в дар общине расшитую скатерть. Вероятно, такие приношения нередки, и они дополняют бюджет общины. Основные источники дохода — денежные пожертвования прихожан. Расходы все же немалые: налоги и охрана синагоги требуют значительных средств.

Большой и отстроенный город в настоящее время приобрел весьма скромную синагогу, вместо роскошной в центре. Но все же в этом скромном очаге верующие евреи могут отправлять свои традиционные обязанности вполне легально, не теряя при этом бдительности и следя за тем, чтобы не пропали свитки Торы.

Май 1981 г.

Письмо 18

“Откажитесь от молельни”
(из Борисова)

Борисов — спутник Минска, бывший еврейский городок, к которому пристроился большой город — Новый Борисов с населением в сто тысяч жителей. В Борисове около тысячи трехсот евреев. Когда-то

в этом маленьком городе было несколько синагог. Здания некоторых из них сохранились. В одном — Дворец пионеров, в другом — автобаза, третье реставрируется. Сейчас нет официальной синагоги. "Незаконный" *миньян* собирается только по субботам и праздникам в каком-то маленьком частном доме на окраине. В этом году собравшихся для праздничной молитвы разогнала милиция, обвинив хозяина в незаконной сдаче помещения под молитвенный дом. Однако зарегистрировать этот *миньян* официально власти отказались по той причине, что его посещает мало людей. Власти рекомендовали смириться с положением и отказаться от молений.

Один из прихожан, *габбай*, несколько раз вызывался властями по поводу *миньяна*. Недавно его оштрафовали на пятьдесят рублей, вычтя эту сумму из пенсии.

Несколько лет тому назад у здешней общины украли два свитка Торы из квартиры, где проводился *миньян*. История похищения примерно такова. Какие-то "грузины" облюбовали соседнее помещение и попросились временно там поселиться. Ничего не подозревавшие хозяева согласились и собирались их официально прописать через милицию. Пока шло оформление, "гости" подобрали ключи к помещению, где хранились свитки, и украли их. О краже даже не заявили в милицию: бесполезно.

Большой интерес проявляют религиозные евреи к ежегодному календарю, который издает московская синагога. Для официально оформленной синагоги получить календарь просто: их высылают из Москвы наложенным платежом по требованию правления местной синагоги. Значительно трудней получить календарь "незаконным" *миньянам*. Однако кое-как все же устраиваются, и у многих эти календари имеются.

Помимо исполнения религиозных обрядов, часть стариков, ветеранов войны занята мемориалом, который воздвигнут на месте массовой казни евреев

городка. Он воздвигнут за счет общины и за деньги охраняется. Я попал в день посещения мемориала. Памятник и прилегающий к нему участок могил находились в относительно приличном состоянии. Однако при нашем посещении были обнаружены следы осквернения: раскопан грунт, поломана ограда. Бывшие со мной люди пытались выяснить у сторожа в чем дело, но ничего конкретного не узнали. Обычно регулярные сборы у этого сооружения проводятся в день *Тише б'ов*, но иногда и в День Победы. Около двадцати легковых машин подъезжало к памятнику, и приехавшие молча проходили мимо него и вдоль невысокой насыпи. На памятнике, установленном еврейской общиной, нет однако надписи на еврейском языке и нет даже упоминания, что это место массовой казни евреев. Надпись гласит, что это "жертвы фашизма — советские граждане". Очень редко можно найти надпись на идиш или русском, где бы упоминалось слово "евреи", хотя жертвами массовых казней были главным образом евреи. С какой целью это замалчивается? Трудно сказать, так как официально никакого объяснения не дается. Но эффект очевиден, хотя бы на одном примере. Это происходило в Риге на месте захоронения около ста тысяч людей, большинство из которых были евреями. Как и всюду, о них в мемориальной надписи нет ни слова. Я захотел выяснить у молодой пары — юноши и девушки — насколько они осведомлены о жертвах, понесенных евреями. Я спросил, знают ли они, что здесь покоятся жертвы фашизма, главным образом евреи. Они удивились и даже усомнились в этом, ссылаясь на то, что в надписи не упоминается об этом, они ничего похожего и не слышали. Молодежь смутно представляет себе, какие жертвы понесли евреи во время Гитлера.

После посещения мемориала часть людей поехала на еврейское кладбище, которое пока еще отдельное. Оно сохраняется в приличном состоянии, много дорогих надгробий. Но почти ни на одном нет надпи-

сей по-еврейски и шестиконечных звезд (*Маген-Давид*). Только на могиле жены местного *габбая* есть *Маген-Давид*. На мой вопрос, почему так старательно люди избегают этой традиции, некоторые только криво улыбаются, другие отвечали вопросом: "А что это дает?" Третьи заявляли, что это запрещено. Но я думаю, что это не совсем так, думаю, что это результат все того же страха, который не покидает людей, в особенности в этих местах. Тому есть немало оснований. Один местный житель рассказал мне, что в далекие "славные" сталинские времена он подвергся преследованию и отделался лагерной жизнью около года, будучи осужденным на десять лет. Счастливый случай ему помог — умер "вождь всех народов". До осуждения его преследовали ревизиями по месту работы с нескрываемой целью уличить в служебном преступлении. Наконец, после одной из ревизий, им удалось состряпать обвинение в каком-то злоупотреблении, и он был приговорен. Таких репрессий против евреев в те годы было немало, люди отсиживали по нескольку лет. Еще и сейчас эти "судебные ошибки", а точнее, массовый террор, сказываются на поведении и психике жителей, парализуя их способность к малейшему сопротивлению против произвола властей.

Возвращаемся с кладбища на машине. За рулем папа, рядом дедушка, со мной рядом — юноша. По дороге он жалуется на родителей, что они не учат его ивриту, он не может молиться. Почему не учат? Молчит отец, молчит дед — ветеран войны, религиозный человек, один из руководителей *миньяна*. Я утешаю юношу, обещаю помочь и на память дарю значок — *Маген-Давид*. Так неожиданно, казалось бы, в совсем безнадежном месте, вдруг пробивается тоненький росток. Бог даст, и молодая поросль расцветет. Еще не все потеряно. Нужно надеяться!

В доме, где я остановился, сын хозяйки, студент гуманитарного факультета столичного вуза, бросил учебу и решил добиваться выезда в Израиль. Есте-

ственно, ему пришлось столкнуться с бесконечными трудностями. Я застал его в начале этого пути, когда такое решение оказалось неожиданным для матери, энергичной женщины, недавно овдовевшей. Для нее, мечтавшей о благополучной карьере сына, такой поступок был неожиданным и неприемлемым. Тем более, что второй сын — "нормальный", окончил физический факультет и работает в одном из институтов. Но с течением времени и при зрелом размышлении женщина начала кое-что понимать и по-своему оправдывать или во всяком случае смиряться с поступком "ненормального" сына, который сложными путями решал еврейский вопрос в личном плане. Это — еще один пример пробуждения сознания в бывшем еврейском городке, поглощенном новым городом и близко расположенной столицей республики.

Побывав уже в еврейских общинах на юге Советского Союза и сравнивая с ними, нетрудно заметить, что в более стесненных условиях находится еврейская община в Белоруссии. Разве до этого мне приходилось слушать о налетах милиции, о кражах свитков, о штрафах за религиозные отправления? Ничего подобного не было.

Май 1981 г.

Письмо 19

И здесь похищены свитки (из Бобруйска)

В Белоруссии широко развита сеть междугородних автобусных сообщений. Автовокзалы, как правило, расположены рядом с железнодорожными вокзалами, и это очень удобно для выбора маршрута и пересадок. Так как я уже имел адрес синагоги в Бобруйске, то решил изменить первоначальный маршрут на Мо-

гилев. В моей поездке значительно легче устроиться с ночлегом в гостинице, чем найти адрес синагоги, молитвенного дома или *миньяна*. Чтобы их отыскать, приходится прибегать всякий раз к всевозможным способам и действовать "по вдохновению", в зависимости от обстоятельств. Но имея адрес, я ехал уверенно и спокойно, любуясь природой.

Однако по приезде в Бобруйск я столкнулся с неожиданными затруднениями и с гостиницей, и с синагогой! Я отправился на поиски. Я познакомился с довольно энергичным стариком, которому, по его словам, оставалось всего десять месяцев до восьмидесяти лет. Вначале беседа протекала мирно и в обычном стиле: кто, откуда, зачем и т. д. Но потом, по видимому, из-за какого-то неосторожного слова, а возможно, и моего плохого выговора на идиш, старик вдруг заволновался и начал допытываться, кто дал мне его адрес, как выглядит этот человек? А так как я не мог точно указать, кто был тот прихожанин, давший мне адрес, и как он выглядел, подозрения все больше усиливались. Он начал мне приводить, как бы в доказательство своей правоты, факты обманов. Совсем недавно, например, у них появились "грузины", которые их обворовали, украв два свитка Торы. Эти "грузины" прибыли под вечер, выдав себя за религиозных евреев. Во время вечерней молитвы стали накладывать *тфиллин*, что сразу же бросилось в глаза прихожанам местной синагоги. Когда же им сделали замечание, что вечером, дескать, не положено пользоваться *тфиллин*, то они довольно бойко ответили, что их раввин якобы разъяснил: если по каким-либо обстоятельствам еврею не удалось наложить *тфиллин* в утренние часы, то это разрешается сделать во время вечерней молитвы. Несмотря на то, что существует *Шулхан Арух*, иногда бывают отклонения от него, чаще всего по незнанию, что приводит ко всякого рода "реформизму" и к отрыву от ортодоксальности. На сей раз ответ "грузин" не вызвал дискуссии, но когда в ту же ночь исчезли два свитка Торы вме-

сте с грабителями, стало ясно, кто были эти "реформаторы". Это уже третий случай в трех городах здешних краев. Наверно, достаточно, чтобы представить себе существование некоей неуловимой шайки грабителей, специализирующихся на похищении Торы. Если это так, то их продолжительная и успешная деятельность говорит не в пользу уголовного розыска, организации, снискавшей славу (литературную) борьбой с преступностью.

В связи с этой кражей понятным становится то недоверие, которое испытывал знакомый ко мне. Пришлось использовать максимум красноречия, предъявить документы и привести всяческие доводы, чтобы в какой-то мере внушить доверие к себе. Наконец, он немного успокоился, велел прийти вечером, но предупредил, чтобы я ни с кем не разговаривал, иначе, как он меня уверил, люди, узнав, что я интересуюсь синагогой, с перепугу перестанут посещать ее. Пообещав не вести никаких бесед, я попрощался до вечера. Провожая меня, он подробно объяснил, как добраться до синагоги и ориентироваться в городе.

Прием, оказанный в гостинице, меня обескуражил, в особенности, после того, как меня так хорошо приняли в Минске, да и в других городах. Обычно ветеранов войны принимают гостеприимно. Но здесь встретили далеко не дружелюбно. Началось с резкого отказа предоставить мне номер, затем пристрастный допрос: куда, зачем и прочее. Администратора — малосимпатичную даму — ничем нельзя было разжалобить, она ведь тоже ветеран, партизан и т. д. В конце концов, велела приходить вечером, впрочем, без всяких обещаний и надежд. Пошел бродить по городу, ругая эту особу. Есть разные формы отказа. Большей частью они обусловлены действительно переполнением гостиниц. Но всегда при отказе чувствуется — по его форме — насколько он обоснован или формален. Есть ли желание услужить и чем-то помочь и выручить, подсказать. И совсем возмущает,

когда отказ связан с... анкетными данными! Как всякий бюрократ, эта администраторша, возможно, связывала свое решение с личными впечатлениями от приезжего: "свой" ли он или "чужой", а может, и с денежным интересом. Впрочем, могут быть и такие личности, которым попросту доставляет удовольствие наслаждаться видом "жертвы" собственного самоуправления, смотреть, как "жертва" корчится в бессилии, волнуется, негодует, изворачивается, выходит из себя. Гостиничная начальница производила впечатление "выдвиженки", вполне уверенной в себе. Как я потом узнал от ее помощницы, она проводила партийное собрание, и я понял, что не ошибся: дама — типичный партийный бюрократ.

Но под вечер все обошлось благополучно. Я получил в ее отсутствие койку и смог немного отдохнуть перед тем, как идти к вечерней молитве.

Подойдя к дому моего знакомого старика немного раньше времени и убедившись в том, что калитка заперта, я решил подождать сбора *миньяна*. (Ведь молящихся легко отличить от прочих прохожих. Обычно это не спеша идущие старики, часто опирающиеся на палку, бородатые, небрежно одетые, отнюдь не в модных нарядах.) Спустя довольно продолжительное время в конце улицы показался один из явных прихожан, небольшого роста старик с палочкой, он подошел к калитке, но убедившись, что заперто, не спеша скрылся за первым поворотом. Следом за ним вскорости появился второй старик и скрылся в том же направлении. Я заподозрил, что имеется второй вход в дом старика и решил пойти туда. Однако старик пошел после поворота в противоположную сторону, и я понял: никакого второго входа в дом моего знакомого нет. Тогда я решил стучать в калитку, а затем в окна. Наконец, меня впустили во двор, и старик просил обождать несколько минут. Тут я понял, что *миньян* состоится не в этом доме, и нам нужно будет куда-то последовать.

По дороге мой знакомый сообщил, что у них про-

живает старый раввин, которому девяносто восемь лет. Он не всегда посещает *миньян*, но несмотря на преклонные годы, сохранил ясность ума. К сожалению, мне с ним не пришлось познакомиться.

Шойхета своего нет, но он часто наезжает из другого города.

Миньян находился в обычном одноэтажном доме. В одной из комнат — амвон с подсвечниками, шкаф со свитками Торы, несколько скамеек. У входа — ракумоуник с полотенцем. Дом — официально молитвенный. В городе имеются еще два-три *миньяна*. Придя, мы застали почти весь *миньян* в сборе. В основном это старики, среди которых есть еще работающие. Молодежи не видно... Как и всюду, начались расспросы: откуда, куда и т. п. Разговор касался местных тем. Никакого испуга или подозрительности я не заметил у людей. Среди них оказались и два местных врача.

Назавтра также состоялся *миньян*, он здесь регулярен утром и вечером. Как гость я был приглашен к Торе. Многие говорят *Каддиш*. После молитвы, по своему обыкновению, я хотел опустить в кружку *цдаку*, но кружки не оказалось. Тогда я решил передать *цдаку* через старика *габбая*. Здесь, в отличие от бухарских общин, с кружкой по утрам не обходят молящихся, и ее не видно вообще. Когда же я захотел отдать свою *цдаку*, старик засуетился, достал ключи, открыл ящик и, взяв тетрадь, записал, от кого *цдака*, заявив, что деньги за *алию* они не берут, а от *цдаки* отказываться не положено.

Большинство молящихся разошлось по своим делам. Возвращаясь с одним из прихожан, мы разговорились относительно перспектив *миньяна*, ведь молодежи нет. Но, оказывается, некоторые молодые люди изучают язык, однако *миньян* не посещают. Вероятно это те, кто собирается репатриироваться в Израиль. Но таких немного среди желающих уехать. А вообще желающих уехать немало. И многие наверняка стремятся попасть не в Израиль. Почти точно можно ут-

верждать, что корни "неширы" кроются в недостатке религиозного воспитания...

При прощании я почувствовал, что доверие старика ко мне окрепло, ведь я ничего недозволенного не делал, никаких "крамольных" разговоров не вел, ни к чему "подозрительному" не призывал. Мой приезд — не более чем акт дружбы и братства, обычай, существующий спокон веков, но утерянный за последнее время.

Май 1981 г.

Письмо 20

Молитва укрепляет душевные силы (из Гомеля)

Хотя в Гомеле у меня тоже имелся адрес знакомого, но после приема, оказанного в Бобруйске, я ехал не так беззаботно, ведь всякое может случиться! Но на этот раз с гостиницей дело уладилось быстро, я тотчас поехал разыскивать знакомого, чтобы узнать адрес синагоги. Был канун субботы, и мне следовало торопиться.

Адресат мой оказался в новом районе, ничем не отличавшемся от подобных в других городах, все тот же надоевший тип "Новых Черемушек" Москвы. К сожалению, хозяина не оказалось дома, и никто из соседей не мог сказать, когда он вернется, а его служба где-то далеко.

Пришлось начать поиски своими силами. Узнав у соседей, что рядом в подъезде живет пожилая еврейка, я направился к ней и был весьма удовлетворен, получив от нее (хотя и неточный) адрес синагоги. Не обошлось без того, что я изрядно поплутал, пока, наконец, набрел на синагогу, узнав о ней у двух евреек, сидевших напротив бревенчатой избы на тихой немощеной улочке. Женщины прожили на этой ули-

це всю свою жизнь, не считая лет эвакуации. Одна из них и родилась здесь. Синагогу посещают регулярно. От них я узнал некоторые подробности о синагоге. Здесь уже несколько лет происходят ежедневные службы. Домик принадлежал старой вдове, она недавно скончалась. Ее наследница, живущая в другом доме, пока не тревожит общину. Но такое спокойствие не будет продолжительным. Это я понял из деловой беседы председателя общины с одной парой, предлагающей какой-то другой дом. Община хочет приобрести более стабильное помещение, нежели теперешнее.

В городе есть еще несколько *миньянов*, но все они, как и этот, неофициальные. Однако власти их пока не трогают. До поры до времени...

Через непродолжительное время собрался *миньян* — человек двадцать. Похоже, что все прихожане довольно часто посещают молельню, она содержится в чистоте и охраняется постоянно живущим тут сторожем.

В домике несколько небольших комнат. Из прихожей попадаете в комнату, которую тут называют "женской" синагогой, а затем в самую большую комнату. В ней *Орн-койдеш*, алтарь, узкий продолговатый стол и скамейки. К ней примыкает еще одна комната, где стоят только скамейки. Из женской половины дверь ведет в комнату сторожа. В передней — рукомойник и полотенце. Вот и все убранство.

Назавтра, в субботу, собралось еще больше людей. Особенно много женщин, больше десяти. Нигде в других синагогах (включая Москву), кроме Самарканда, так много женщин в молитвенных домах я не видел. Здесь, к тому же с молитвенниками, они сидели в передней комнате. В двух других было очень тесно от собравшихся мужчин в возрасте пятидесяти-шестидесяти лет. Был один мужчина лет сорока, который, по-видимому, случайно забрел, так как пришел даже без головного убора и сидел у входа, покрыв голову чем-то, что нашлось здесь случайно. Детей и юношей не видно.

Еще накануне я познакомился с некоторыми прихожанами и удовлетворил их естественное любопытство, связанное с появлением нового прихожанина. Как и положено в подобных случаях, меня вызвали к Торе. Среди местных жителей оказалось несколько глубоко верующих и ревностно исполняющих традиции. Эти люди вдохновляют весь *миньян* на молитвы, облегчающие душу и укрепляющие дух. Как правило, всегда должен быть, по крайней мере, один человек, вокруг которого группируется *миньян*, один строгий ревнитель и знаток традиций.

Мне припомнился слышанный диалог между двумя прихожанами в московской синагоге. Один из ревностных евреев настойчиво добивался выполнения какого-то обычая, возможно, не столь уж обязательного. Другой заметил по поводу этого требования, что не так уж важно в наше время выполнять не столь обязательные требования. Может, достаточно выполнять основные требования и традиции? На это замечание последовал такой ответ: это же счастье, если еще сохранились столь ревностные верующие, добивающиеся неукоснительного соблюдения всех предписаний службы. В этом твердый залог того, что обычаи не забываются и вся вера сохраняется. Без таких людей религия быстро по мелочам разменялась бы и превратилась бы в наспех протекающую церемонию, лишенную непередаваемых прелестных тонкостей ритуала.

Однако, вернемся к *миньяну*. Когда после третьей трапезы начали читать Псалмы, посвященные по принятому здесь обычаю местному *цаддику*, все затянулось до одиннадцати часов. Стало ясно, что местный *фрумер ид** что-то не учел, ведь в других синагогах такого не наблюдалось. Чтение *Маарив* и затем *хавдала* затянулись чуть ли не до двенадцати часов ночи. Очевидно, что во всем должен сохраняться здравый смысл, но протестующих среди присутствующих прихожан не было.

* Фрумер ид (идиш) — религиозный еврей.

Любопытную историю рассказал мне один из них. Местного еврея, подавшего заявление о выезде в Израиль, посадили и обвинили в соучастии в похищении самолета и, запугав, добились от него подписи на бумаге. Эта бумага была опубликована в местной газете. В ней содержалась небывалая чушь о попытке группы лиц угнать самолет, ругань в адрес Израиль и бредни о шпионаже в его пользу. Потом он от всего этого отказался, и его выпустили на свободу. Прошло много лет, этот еврей стал уже солидным человеком, животный страх прошел, желание выехать в Израиль не покидает, но воля сломлена, и вряд ли он найдет в себе силы что-либо предпринять. Характерно, что он до сих пор не научился даже читать на иврите, потому что "нет учебника", хотя для чтения, при желании, достаточно любой книги. И синагогу он не посещает, ссылаясь на то, что не знает языка и не понимает молитв. Позже я с ним самим познакомился, он рассказал свою историю и обратился с просьбой о помощи в изучении языка. Однако на мой вопрос, обращался ли он к какому-нибудь местному знатоку иврита, ответил отрицательно. Мне стало ясно, что и моя помощь будет бесполезной, если он не хочет воспользоваться местными возможностями.

Это один из примеров людей с "перебитым хребтом".

Складывается впечатление от местной общины, что небольшая группа верующих евреев прилагает немало усилий для сохранения традиций и их ревностного соблюдения. Но общая беда и здесь чувствуется: нет молодежи, не учат *Блат-геморе*, *кашрут* соблюдается лишь немногими, кладбище смешанное, *микве* нет. Неудивительно, что на этом фоне евреи отходят от еврейства.

Май 1981 г.

”Хочу жить по советским законам”.

На улице слышна речь на идиш

(из Мозыря—Калинковичей)

Мозырь и Калинковичи расположены рядом. Это два бывших *клейн-штетл*, из которых Мозырь значительно опередил в развитии города своего соседа. Выросли огромные корпуса нового ”жилмассива”, где, по уверению таксиста, уже около восьмидесяти тысяч жителей. Автостанция расположена одинаково далеко как от старого, так и от нового города, и сообщение с ними довольно неудобное.

Очевидно, синагогу надо искать в старой части города, куда добираюсь городским транспортом. Отсюда начинаю расспросы. Вскоро мне указали на дом еврея-парикмахера, всем здесь известного старика, внук которого привел меня к одноэтажному домику, где происходит *миньян*. У юноши на шее больших размеров *Маген-Давид*, и это определило нашу беседу. Он окончил в этом году среднюю школу и мечтает о выезде, но до сих пор нет у него вызова. Недавно посетил, будучи в Ленинграде, *пуримшип*, который ему очень понравился. Есть у него самоучитель иврита, но серьезно языком еще не занялся. Синагогу посещает регулярно дедушка, а он только знает, где она находится, сам туда не ходит...

В доме, где собирается *миньян*, живет семья еврея-пенсионера. В одной из комнат, почти пустой, если не считать нескольких скамеек, стола и шкафа, по субботам собираются старики, не всегда даже полный *миньян*. Мой приход всполюшил хозяйку дома и старика — ее отца, на котором держится весь *миньян*. Хозяйка, только недавно вышедшая на пенсию, начала настойчиво расспрашивать меня: кто, откуда, зачем? Никак не могла поверить, что никто меня в ”командировку” не посылал, и я пришел лишь в надежде принять участие в вечерней молитве как

приезжий, соблюдающий религиозные обычаи. Затем она начала доказывать, что все молитвы ни к чему. Она желает жить только по советским законам. Этот *миньян* она терпит ради старика-отца, для которого и *кашер* соблюдает. В свою очередь, я стал ее уверять в том, что я отнюдь не сторонник нарушения советских законов. Сам всю жизнь живу по советским законам, и если бы призывал не соблюдать их, то она смело могла бы меня препроводить до первого миллионера. "Ради Бога, — я ей говорю, — живите по советским законам. Евреи обязаны соблюдать законы той страны, в которой проживают. Но почему мы должны забыть, что мы евреи, и почему ваш сын не должен знать язык своего народа, как знает родной язык любой ребенок другой национальности? Разве к этому призывают советские законы? Вы плохо знаете советские законы".

Последовала небольшая пауза. Затем женщина стала жаловаться на то, что ей на работе — а она работала в торговой сети — прямо заявили: "Вам теперь не доверяют, так как ваши люди уезжают".

— Вот из-за них, из-за тех, кто покидает свою родину, нам перестали доверять, — такой она сделала вывод.

— Значит, вы хотите, чтобы ради доверия к нам вашего начальства евреи отказались от желания выехать из Советского Союза? Попробуйте, может быть, вам удастся этого добиться. Хотя я в этом сильно сомневаюсь. Ведь уезжающие не призывают вас ехать с ними, почему же они должны отказаться от своего намерения ради вас? У каждого есть личные соображения, и никто не должен требовать жертв от другого во имя личного благополучия. А отказ в доверии начальства к вам продиктован совсем другими причинами, не связанными с выездом. Вам трудно это понять, потому что вы не знаете историю еврейского народа и позабыли о гонениях на евреев даже тогда, когда они не собирались никуда выезжать.

Невольно затронута была еще одна тема.

— У нас вся родня погибла, только я с отцом уцелела, он стал стар и немощен, а где же Бог, когда же мы будем жить по-настоящему, когда счастье придет в наш дом? Отец такой праведник, соблюдает все, а молитвы ему не помогают. Нет, Бога нет!

У нее слезы на глазах... Вспомнила близких, тяготы жизни... Да, с Богом сложнее, чем в торговле, и непонятней. В магазине заплатил рубль, получил товар, хоть и плохой, но товар. Богу принес молитву, но сколько за нее полагается добра и чудес? Ни в каком прейскуранте не написано, вот беда...

К беседе примкнул муж, ветеран войны, пенсионер. Он более спокойно поведал об их жизни. В маленьком городке проблема выезда осложняется большей уязвимостью жителей, нежели в большом городе, беспомощностью перед лицом местной власти, которая запросто может расправиться с ними. И этот страх парализует желание многих выехать для воссоединения со своими родными в Израиле. Странно, что разговор возник на тему о выезде, ведь видит Бог, я никогда не пытаюсь вести беседу на эту тему и, тем более, агитировать за выезд. Кто решил, тот решил, слова ни к чему. Агитация ничего не дает. Но, по видимому, эта тема волнует, и очень хотелось поговорить с незнакомым, приехавшим из "центра". Хотя и боязно: незнакомец может оказаться провокатором. Во время разговора присутствовал и сын, парень из старших классов, но он молчал.

Пытался что-то сказать отец женщины, но он настолько стар, что не мог понять, о чем говорят и, вероятно, для него русский язык менее доступен, чем идиш.

Распрощались мы спокойно, хотя и не сердечно. Я понял, что не все и не всегда благожелательно настроены к приезжим, опасаются чего-то и входить в контакт боятся. Настороженность и подозрительность — нередкие вещи в этих краях среди евреев.

На улице меня поджидал юноша, который и проводил к синагоге. С ним мы расстались по-дружке-

ски. Разные люди, разные настроения, сильно расколота еврейская община, да ее, по сути, и нет. Но все же есть еврейский народ, скрепленный не всеми осознанной единой верой...

В Калининвичах я быстро нашел жителя, к которому у меня имелась записка. Но его не оказалось дома, и синагогу вызвалась показать одна женщина, которая случайно зашла к хозяйке. Когда мы подошли к улице, где помещался молитвенный дом, меня поразила отчетливо слышимая, бойкая речь на идиш. Сначала это была беседа двух соседок об их нехитрых делах. Далее на улице стояло несколько человек и также разговаривали на идиш. Давно мне не приходилось слышать свободно льющуюся речь на втором родном языке еврейского народа. Этот разговорный язык, по-видимому, здесь привычен. Можно представить себе, какой была эта улица с одноэтажными маленькими домами в былое время. Сколько на ней было еврейской детворы и тружеников, если и сейчас живет здесь немало евреев!

Старое здание синагоги, однако, не сохранилось. Мы подошли к молитвенному дому — обыкновенной избе. Время было дневное, и хозяин избы предложил прийти под вечер. Регулярно утром и вечером происходят молитвы. Впрочем, бывают и срывы. Придя под вечер, я застал почти весь *миньян* в сборе в комнате, где кроме пары скамеек, шкафа, примитивного амвона и стола ничего не было. Один из молящихся вынул свиток Торы и положил его на стол, но потом убедившись, что я десятый, свиток снова положили в шкаф. Если недостает одного человека до полного *миньяна*, вместо десятого молящегося открывают *Орн-койдеш* или, как это здесь принято, вынимают свиток Торы и кладут его на стол рядом с молящимися.

Минхе и *Маарив* произносились, как обычно принято. Несколько человек говорили *Каддиш*. Почти сразу же после молитвы разошлись, задержался лишь *габбай*. Он расспрашивал меня про жизнь в Москве,

но душевного, дружеского разговора не получилось, какая-то сдержанность чувствовалась. Пройдя часть улицы и узнав, что я в эту же ночь уезжаю, он распрощался со мной и отправился домой.

Сравнивая с поездкой по Кавказу, я вижу, насколько здесь обстановка тяжелее для верующих, насколько люди здесь более сдержанны. Конечно, тут прошла когда-то война, и это, возможно, главная причина. Но есть еще что-то такое, что довлеет над людьми, угнетает верующих. Нигде не отмечается *иорцайт*, не говоря уже о том, что нет такой торжественности и пышности, как на Кавказе. Повсюду скромность в убранстве молитвенных домов, почти повсюду *миньяны* на полулегальном, бесправном положении.

Май 1981 г.

Письмо 22

Развалюха вместо синагоги (из Могилева)

Чтобы не искать ночлега в Калинковичах, я решил ехать ночным поездом до Могилева. Билет можно было достать только в общий вагон, который оказался почему-то переполненным до отказа. Всю ночь пришлось просидеть сдавленным со всех сторон и только под утро удалось растянуться на третьей полке под потолком. Такая тяжелая поездка случается, к счастью, довольно редко, и в отличие от поезда Бухара—Душанбе среди пассажиров не было пьяных и явных воров. В шикарной современной гостинице мне сначала предложили подождать, так как было еще раннее утро, но ждать пришлось недолго, и вскорости я оказался в хорошем номере.

Отдохнув и прочитав *Шахарис*, пошел искать синагогу. Центр города застроен высокими красивыми домами, немного напоминает Минск. Из одного мага-

зина выходит маленький сухонький старик, похожий на еврея. Спрашиваю на идиш еврей ли он, отвечает — да. "Где помещается синагога?" — "Синагоги в городе нет, но есть *миньян*, в котором молятся только по субботам и по праздникам".

Он сначала пытался объяснить, как найти *миньян*, а потом сказал: "Поехали вместе, и мне ехать в этом же направлении". По дороге мы познакомились, его зовут Давид, ему семьдесят шесть лет, но он еще работает уборщиком в каком-то учреждении, а всю жизнь проработал рассыльным. Не религиозен, но изредка посещает *миньян*. Сейчас *миньян* в плохом состоянии. Владелец домика умер, его наследники не живут в этом домике, и он приходит в ветхость. Есть в городе *шойхет*, который сейчас болен, он живет где-то в "овраге" — так называется часть старого города. Верующих людей осталось совсем мало. Попрощавшись с Давидом, я пошел по указанному направлению и быстро нашел этот домик.

То, что я увидел, произвело удручающее впечатление. За невысокой оградой обычный сруб, наклонившийся, предельно ветхий, настоящая развалюха. Калитка оказалась незапертой, и можно было войти во двор. На дверях висячие замки, окна закрыты ставнями, никаких признаков жизни, кругом запустение, жуть! Неужели здесь хранятся свитки? Дом на отшибе, с ним граничат такие же полуразвалины, хотя они и недалеко от центра. Мне приходилось видеть много разрушенных, опустевших или реставрированных синагог, в которых помещаются какие-нибудь светские учреждения, чаще всего спортивные клубы, кинотеатры. Всякий раз их вид невольно заставляет задуматься о трагической судьбе еврейской культуры. И это все рядом с центром, что особенно подчеркивает убогость, заброшенность, упадок... Найдутся ли у местных евреев силы, чтобы спасти свой *миньян*?

Решаю наугад проверить, как относится к синагоге рядовой житель. Навстречу идет коренастый мужчи-

на с наградными планками, по возрасту — ветеран войны. Обращаюсь с просьбой указать мне, приезжему, где находится синагога. Отвечает: "Насколько я знаю, у нас в городе синагоги нет". Я ему в ответ: "Не может быть, ведь в городе евреи живут". — "Да, евреи живут, но синагоги нет, была, конечно, прежде, возможно, есть *миньян*, но о нем я ничего не знаю".

В свою очередь, он обращается ко мне с просьбой прислать еврейский календарь. "Если дадите адрес, пришлю". — "Пожалуйста, запишите". Разговорились. У него сын в США, но дочь и второй сын в Ленинграде, не хотят ехать. Он сам бы поехал, но не решается оставить здесь детей и внуков. "Поживем увидим", — так заканчивает он рассказ.

Осенью, когда вышел в свет новый календарь — *луах*, я сдержал свое обещание и прислал ему календарь с просьбой стоимость его отдать в виде *цдаки* в пользу *миньяна*. В ответном письме он тепло благодарил меня за посылку и сообщил, что выполнил мою просьбу. В это время я прочитал имевшийся у меня израильский проспект на Международной книжной выставке, который раздавался всем ее посетителям. В нем сообщались сведения о еврейских праздниках и еще кое-какие данные о численности евреев в различных странах и другие "*кашерные*" сведения. Выслал ему. В ответ получил от него письмо, которое привожу дословно. "Гр. ... Наша случайная встреча не дает вам права присылать мне подобную литературу. Если я еще раз получу, то передам ее в органы. Забудьте мой адрес". Через год я снова послал ему календарь без всякой приписки, но ответного письма не получил. Каким страхом должен быть пронизан человек, чтобы так перепугаться!

Очень упорно искал я адрес *шойхета* в районе "оврага". По счастливой случайности нахожу его дом после расспроса многих людей. Встречает меня его жена и подводит к постели тяжелобольного старика с большой окладистой бородой. Глаза — почти безжизненные, тяжелый кашель. С помощью жены при-

поднялся, немного отдышался. К окружающим никакого интереса, не произносит ни слова. Зато старуха беспрерывно говорит. Еще недавно он регулярно ходил в *миньян*, на нем *миньян* держался, он был его душой. Она верит, что Бог ему поможет, он поправится, у него все есть, все лекарства, хороший уход. Она дает ему что-то выпить, он как будто засыпает. Прощаюсь, желаю скорого выздоровления. Так мне пришлось в один день видеть в тяжелом состоянии синагогу и ее главу...

С грустью думаю о будущем местной общины. Перспектива у нее далеко не радостная. В тяжелом раздумье иду по городу. В центре города набрел на фотовыставку — аллею Героев Советского Союза — местных жителей. Среди них немало евреев, имена которых мне известны, фотографирую некоторых из них. Вдруг позади меня кто-то спрашивает: "Вы всех подряд фотографируете?" Оглядываюсь — юноша. "Нет, — отвечаю, — не всех, только евреев". — "Почему?" Объясняю. Завязался разговор. Мы сели на скамейку. Он студент местного института. Сын кадрового военного, внук Героя Советского Союза. Совсем недавно он и его приятели-евреи заинтересовались "еврейским вопросом", который был для них совершенно не интересен еще несколько лет назад. Аллею Героев они называют "аллея Маневича", его фотография есть среди героев. Что-то смутное ему известно о еврействе, со слов бабушки. По всему видно, что он полностью ассимилированный. И что-то от еврейства зашевелилось в душе, как говорят, "а пинтеле ид"*. В робких вопросах это чувствуется. Все же любопытно знать, кто они такие, эти евреи, ведь о них, хотя и пишут много, но и многое умалчивают. Рассказываю о жалкой участи синагоги в этом городе, о погибшей еврейской культуре, о неравной борь-

* А пинтеле ид (идиш), буквально "точка еврейства" — сохранившееся в глубине души сознание причастности к еврейству.

бе маленького уникального народа. Беседа затягивается. Он просит разрешения вечером встретиться, познакомиться с приятелями. Их также интересуют и волнуют многие вопросы на эту тему.

Позже встреча состоялась, но была краткой. Мы обменялись рукопожатиями и представились. Встретились случайно в центре на улице и договорились встретиться вечером, но не вышло. Вероятно, страх повлиял, вероятно, его приятели меня испугались. Все же я для них незнакомый, кто его знает? Но неожиданная встреча с молодежью, пусть еще совсем далекой от еврейства, вселила, хотя и слабую, надежду на самоисцеляющие силы, которые таятся внутри евреев.

Я вспомнил моего друга, уроженца Могилева, отец которого ушел в начале войны на защиту города и погиб. С каким воодушевлением он говорит о проблемах еврейства, с каким упорством изучает иврит и пытается постичь некоторые талмудические истины. И хотя теперь он живет вдали от Могилева, в большом городе, мне казалось, что молодые жители города вместе с ним, как свежая поросль, произрастающая из праха и пепла, возродят разгромленную и поникшую синагогу.

Май 1981 г.

Письмо 23

Попытка ограбления синагоги (из Орши)

Из Могилева до Орши очень удобно добираться автобусом, хотя автостанция очень далеко от города, как и от железнодорожного вокзала.

О существовании синагоги в Орше мне говорили еще в Москве, но таксист не был уверен в адресе и, только переговорив с коллегой, согласился доставить

меня до места. Привез, правда, на соседнюю улицу, но дойти до синагоги оказалось совсем не трудно. Так называемая синагога — деревянный дом за высоким забором — закрыта по будним дням.

В домике напротив нашел еврейскую семью, которая пригласила меня к себе. Мы тепло поговорили о всяких еврейских делах. Хозяин дома — ветеран войны, страдает сердечными болезнями, пенсионер, жена — тоже пенсионерка. Дети живут отдельно, интересуются вопросами выезда, но как-то не очень конкретно. О синагоге мало что знают, но рассказали о недавней попытке кражи свитков. Сейчас свитки прячут в соседнем доме. Адрес *габбая* синагоги не знают, но указали дом, где мне дадут его адрес. В этом доме хозяин, бывший сапожник, пенсионер, не очень охотно рассказывал о синагоге. Объяснил, как найти *габбая*, и мне показалось, что я его понял. Однако вместо поликлиники имени Семашко я попал в больницу имени Семашко, которая находилась на противоположном конце улицы. Наконец, я попал к *габбаю* и застал его в кругу семьи — жены и дочери.

Он не был местным жителем и о прошлом общины мало что мог сказать. В настоящее время *миньян* функционирует только по субботам и праздникам. Раввина и *шойхета* в городе нет, посещают синагогу всего несколько стариков, у которых имеются *талесы*, *тфиллин* и *сиддурим*. Недавно была попытка обворовать синагогу, и поэтому свитки Торы держат в ближайшем доме, принося их в дни богослужения.

К разговору присоединилась дочь, по образованию филолог. По ее словам, в местном книжном магазине много еврейских книг, но их никто не покупает. Я говорю, что это результат общей беды: некогда один из самых грамотных народов мира оказался, вероятно, самым неграмотным. Женщина-филолог стала возражать, заявив, что этот народ и сейчас грамотный. Формально, по советским понятиям, может быть, и так. Однако по существу нетрудно доказать, что, когда речь идет о грамотности народа, о ней

следует судить по знанию своего (национального) языка. Если еврей не может ничего сказать, прочитать или написать на своем языке и, не воспользовавшись чужим языком, евреи друг друга не поймут, то о какой грамотности можно говорить? Примеров сколько угодно. Можете ли вы говорить с евреями, живущими в Грузии или во Франции, не зная грузинского или французского языка? Из-за этого захламилась и литература, ибо без общения с читателями литература не может развиваться. Без такого взаимодействия литература гибнет. Филолог, по-видимому, была не совсем согласна со мной. Но дискуссия не продолжилась.

Поскольку в разговоре был затронут национальный вопрос, речь зашла о выезде в Израиль. Кто-то из близких этой семьи выехал, но их самих эта проблема как будто мало интересовала. На этом наша беседа закончилась.

Для сравнения обращаю твое внимание на прием, который оказывают еврею здесь и, например, на Кавказе. Там широко принято оказывать внимание гостю, приглашать его к столу, угощать, я писал тебе об этом с Кавказа. Здесь далеко не так. В этот дом я пришел случайно, когда обед заканчивался каким-то десертом, мне не предложено было не только сесть за стол, но даже и выпить стакан чая. Я не нуждался в этом и не был голоден и, конечно, отказался бы от еды, но примечательна разница в приеме и встрече еврея с евреем. Сухость, сдержанность, натянутость, подозрительность заметны по многим признакам, они наложили отпечаток на взаимоотношения между евреями, они заморозили братские чувства. А что может быть страшнее для нас?..

Позже я зашел в книжный магазин и убедился, что действительно полки завалены еврейскими книгами на идиш. Книги самые разнообразные: романы и повести, поэмы и стихи, прекрасно изданные в Москве с иллюстрациями. Но явное "затоваривание". Зачем выпускают такое количество книг, если круг

читателей все более сужается? Еще один из многих вопросов! До войны в Белоруссии было много начальных и средних школ на идиш, существовал и еврейский факультет в университете в Минске, готовили преподавателей, идиш не только существовал, но и развивался. В то время иврит считался древнееврейским, мертвым языком. Сейчас, наоборот, иврит расцвел, развивается, а идиш превратился в мертвый язык, хотя и сейчас популярен среди евреев Белоруссии и Украины. Благодаря своей простоте, он более доступен как разговорный язык, но как всякий язык, требует усилий для чтения и письма. Без букваря и школ языком не овладеешь, а их нет.

Из беседы еще с несколькими местными евреями на кладбище у меня сложилось впечатление, что в этой общине, как и в других в Белоруссии, чувствуется угнетенность и придавленность духа, скованность. Тяжелые последствия войны полностью не развеялись...

Май 1981 г.

Письмо 24

Неудавшаяся кража со взломом (из Витебска)

Витебск меня давно интересовал. Ведь переселенцами в колонию Роскошную, где родился мой отец, были уроженцы Витебской губернии. "Литваки" — так их называли украинские евреи. В колониях детей в хедерах обычно обучали молодые мелаеды из "литваков", которые, получая кроме того пятнадцать рублей в месяц, жили поочередно в домах колонистов. Этим колонисты как-то старались сохранить свою приверженность к старой общине, а возможно, к хасидскому ребе из Любавича или к Элькомену, чья фотография висела на стенах многих домов ко-

лонистов. Хотелось поближе познакомиться с этими местами. Однако кто в наше время может что-либо рассказать о прошлом? Есть ли в городе синагога или *миньян*? Как его найти? Можно только надеяться на свои силы, чутье и, конечно, везение.

Поиски синагоги я начал, зайдя в одно из фотографических бюро вблизи вокзала. Там за столом приема заказов сидела ярко выраженная еврейка. Однако она подчеркнуто равнодушно, может быть, из-за присутствия русского мужчины-фотографа, которого я сразу не заметил, ответила, что ничего не знает о местной синагоге.

Затем на улице я спросил одну даму уже без свидетелей. Она сначала с усмешкой начала мяться и отнекиваться, но все же сообщила, что где-то синагога имеется. Но в конце беседы указала адрес, где смогут сказать точно о *миньяне*. Отправившись туда, я сначала попал в русскую семью, а затем в противоположной стороне старая еврейка сообщила о некоем Мойсее, которого все знают на улице, находящейся примерно на расстоянии трамвайной остановки. После дополнительных расспросов наконец попал к Мойсею, он принял меня, как говорят, с распростертыми объятиями.

Этот Мойсей, которому за восемьдесят лет, еще весьма энергичный подвижной человек. Он не коренной житель, а из Прибалтики, не то из Риги, не то из Даугавпилса. Когда-то был весьма зажиточным и за это отсидел в лагерях значительный срок. Но как иногда бывает (довольно редко), годы, проведенные в лагере, его не сломили и на плохое состояние здоровья он не мог жаловаться. Все же пребывание в лагере наложило отпечаток на его поведение, он суетлив, чрезмерно болтлив и слегка угодлив, впрочем, это, возможно, от одиночества и старости...

Как радушный хозяин, он уговорил меня остаться на ночлег, что меня очень устраивало, так как в гостинице в приюте мне отказали с первого раза, и надо было повторно хлопотать, что не очень-то приятно.

После *Маарив* он предложил чаю и за столом нашел в моем лице внимательного слушателя. Рассказывал о своих прежних богатствах, о горестях, связанных с пребыванием в лагерях, о трудностях устройства после реабилитации. Вот она, судьба еврея, во многом уже известная по другим примерам и вызывающая искреннее сочувствие. Сейчас старик живет один и прилепился к еврейской общине, сдавая ей часть своего дома для молитв. Беседа затянулась допоздна, и ничто не предвещало завтрашних неприятностей.

Уже почти рассвело, когда я услышал какие-то громкие голоса во дворе и лай собаки. Но потом все утихло. Утром я спустился в полуподвал, где помещался *миньян*, который почти весь был в сборе. В комнате размером двадцать восемь-тридцать квадратных метров находился шкаф со свитками, подобие алтаря, продолговатый стол и скамья. Около одной из стен находилась вешалка. На противоположной стороне было окно, которое оказалось без стекла. Собравшиеся между собой о чем-то говорили вполголоса, и на первых порах я не разобрал, о чем идет речь. Началась молитва *Шахарис*. В этот день — четверг — читалась Тора. Все собравшиеся были пенсионного возраста, но совсем не дряхлые старики. Как только закончилась молитва, разговор принял общий характер, и я наконец понял, о чем шла речь. В эту ночь, оказывается, была попытка проникнуть в полуподвал, кто-то выставил стекло. Что-то помешало взломщикам совершить кражу: то ли сильный лай собаки разбудил соседей, то ли еще что-то. Преступление, к счастью, не совершилось. Вблизи окна виднелись следы воров. Мой хозяин безапелляционно уверял, что это следы его соседа и попытка кражи — дело его рук, "пьяницы и хулигана". Но как можно с достоверностью утверждать, а вдруг это не он, а кто-то другой... Вором мог быть неожиданный пришелец, человек незнакомый. Подозрение может пасть и на меня. Невольно я почувствовал, что некоторые

могут подумать, а не связан ли я с этим вором?.. Ведь кто меня знает, в наше время всякое бывает.

Мне показалось, когда все разошлись, что хозяин стал следить за мной, прежнее дружелюбное отношение испарилось, он был явно взволнован событием, еще больше обычного суетлив. Мне надо было без скандала уходить. Что поделаешь... Кульминационным моментом нашего расставания был момент, связанный с фотографированием. Я по обыкновению на память фотографирую места, где ночевал или молился. И в тот момент, когда я спустился во двор, якобы по своим надобностям, и навел аппарат на домик, хозяин, по-видимому, следя за мной, выскочил и замахал руками, запрещая сделать снимок, увидев в этом подтверждение своему подозрению. Обычно люди любят, когда фотографируют их или их жилье. Мы расстались молча, даже не пожав друг другу руки. Он тут же помчался с какими-то вещественными доказательствами в милицию с жалобой на попытку ограбления.

Я уже писал, что хищение свитков Торы происходило во многих местах: в Москве, Минске, Борисове, Орше, Бобруйске. Похитителей обычно называют "грузинами", якобы они специализируются на этом поприще. Так ли это на самом деле — никто, конечно, не знает, потому что ни разу официально эти кражи не расследовались. Власти почему-то не спешат ликвидировать эту, видимо, хорошо организованную шайку, хотя свитки — государственная собственность. Невольно возникает подозрение в причастности к бандам каких-то влиятельных органов, прикрывающих преступников, так как никто не слышал о судебном процессе над такими ворами. Поэтому религиозные евреи живут в страхе и в подозрении. Рождается недоверие к любому незнакомому еврею. И мне было бы трудно убедить моего гостеприимного хозяина в своем алиби, хотя мне и не были предъявлены никакие обвинения.

Уйдя от Мойсея, я направился на розыски одного

из евреев, с которым познакомился во время *Шахарис*. Он был *шалиах-циббур*. О себе сказал только, что всю жизнь проработал парикмахером, сейчас на пенсии, живет в доме "Космоса". Его я хотел повидать, чтобы расспросить о возможно сохранившихся могилах *цаддигов*. Не без труда разыскал после расспросов его квартиру в большом многоквартирном доме. Встретил его во дворе. Он оказался очень вежливым и милым человеком, но, к сожалению, не местным жителем и не мог показать, где искать могилы. Однако подробно объяснил, как добраться до еврейского кладбища, где, возможно, что-то сохранилось.

Отдельное еврейское кладбище в городе находится в приличном состоянии, оно сравнительно "молодое". Самые старые даты захоронения относились к тридцатым годам. Из тех, кого я встретил на кладбище, никто не мог указать на могилы *цаддигов*, и мое желание не сбылось.

Утренний инцидент помешал поближе познакомиться с членами общины, однако, из виденного складывается впечатление, что особой активностью эта община не отличается. Но тот факт, что на молитвы собирается ежедневно утром и вечером *миньян*, все же отличает этот город от многих других городов Белоруссии.

Май 1981 г.

Письмо 25

"Умные уезжают — дураки остаются".

**Итоги поездки
(из Полоцка)**

В Витебске при прощании мой знакомый дал адрес религиозного еврея в Полоцке, но того не оказалось дома. Пришлось начинать искать синагогу

”с нуля”. Но во дворе этого же дома двое пожилых евреев, нисколько не удивившись моему вопросу, ответили, что в городе есть молельный дом, но его адреса они не знают и отослали к тому же самому еврею, которого я только что не застал дома. Тогда я обратился к молодой женщине, гуляющей с ребенком. Она отослала меня в свою квартиру к мужу, а тот привел к соседке по площадке.

У соседки я получил полную информацию, после того, как мы разговорились. Она пенсионерка, живет одна, изредка посещает *миньян*. Подробно объяснила, как его найти. Его посещают только старики и только по субботам и праздникам. Молодежь и слышать о нем не хочет.

Коснулись и темы выезда в Израиль. По ее словам, многие уехали, но еще больше осталось, они продолжают говорить о выезде, но вполголоса. В маленьком городе трудно собраться для выезда, еще более опасно об этом говорить заранее, нужна осторожность. В пример привела девушку-студентку, с которой я потом познакомился. Девушка мечтает о выезде, но пока что сдает экзамены в институте, и для выезда нет нужных условий.

Прощавшись, я отправился по полученному адресу. Вблизи автобусной остановки получил еще дополнительные указания и, наконец, нашел нужный мне дом. Это была обыкновенная хата среди таких же хат. Во дворе хозяин колот дрова, а хозяйка суетилась по домашним делам. Без особого удивления и расспросов они впустили меня в хату и провели в почти пустую комнату. Тут по субботам и праздникам происходят богослужения. В углу шкаф, стол, скамья. Попросив разрешения, я помолился и договорился, что завтра приду утром. Уходя, с хозяином обменялся несколькими фразами. Впервые от него услышал крылатое выражение, которое приходилось слышать и потом: ”Умные уезжают — глупые остаются”. Никаких подробностей он мне о себе не сообщил, но в этой фразе как бы подытожены плоды раздумий по

поводу выезда. На вид хозяину лет сорок пять, и нетрудно догадаться, что жизнь в хате, без удобств, на окраине небольшого города не может доставить ему большого удовлетворения, однако на эту тему разговора не было.

В гостинице мне предложили только койку-раскладушку в холле, где стоял и телевизор и междугородный телефон. До одиннадцати часов я не мог заснуть, так как был включен телевизор, а затем среди ночи разбудил телефон. Ночь прошла беспокойно.

После почти бессонной ночи я вновь посетил *миньян*, где, как и накануне, оказался в одиночестве. Помолвившись и оставив *цдаку*, пошел бродить по городу, который меньше Витебска, но, видимо, евреев здесь немало и, хотя *миньян* не функционирует ежедневно, как в Витебске, впечатление от местных евреев более отрадное, чем от оршанских, могилевских или мозырских. Вероятно, сказывается влияние прибалтийских общин, которые значительно дольше пребывали под влиянием "буржуазного" строя, чем белорусские.

Мой вояж по Белоруссии приближается к концу. Уместно подвести некоторые предварительные итоги поездки, сопоставляя увиденное с уже знакомыми общинами на Кавказе или в Средней Азии. Первое наблюдение: ни в одном из городов Белоруссии нет здания настоящей синагоги, в подлинном смысле этого слова. Хотя во многих городах старые здания синагог сохранились и не разрушены (в Минске, в Борисове), они используются не по своему назначению. Существующие, действующие синагоги, молельные дома или *миньяны* в буквальном смысле ютятся в простых хатах. Только в Минске молельный дом находится на первом этаже двухэтажного деревянного дома. Хотя требования к устройству синагог весьма скромные, но из истории известно, что даже в новые времена их постройка, их архитектура отличались от обычных зданий. Собственно, каждое общественное здание отличается от жилого. Если горсовет, например, в Борисове не имеет средств

для постройки синагоги и на этом основании отказывает верующим евреям иметь молельню, то у него найдутся средства для строительства Дома пионеров, который расположился в бывшей синагоге. Почему бы поэтому не вернуть синагогу верующим евреям?

Внутренний вид молитвенных очагов еще более удручающий, чем внешний. Хотя и к внутреннему убранству синагог не предъявляется чрезмерных требований, но всегда в синагогах до революции, да и сейчас на Кавказе можно наблюдать расшитые занавеси и скатерти, подсвечники и люстры, удобные скамейки и полированные шкафы. Ничего подобного нельзя обнаружить ни в одном из молитвенных домов Белоруссии. Все свидетельствует о полном пренебрежении к месту, где совершаются богослужения. И внешний вид, и внутренний не могут не внушать удручающей тоски.

Но самое удручающее впечатление оставляют многочисленные факты краж свитков Торы — поистине самого сокровенного и дорогого для религиозных евреев. Этим кражам власти потворствуют, не ведя с ними настоящей борьбы. Если бы это были обычные кражи ради наживы, то в какой-либо общине свитки находили бы сбыт. Но до сих пор известны лишь хищения свитков, а не их продажи. Нетрудно догадаться, что кражи носят антирелигиозный характер.

Я не касаюсь вопросов численности прихожан, почти повсюду едва набирается *миньян* для коллективной молитвы. Нигде я также не встречал детей, молодежь. Это говорит о крайней подавленности, убогости духовной жизни, и оставляет очень тяжелое впечатление после посещения еврейских общин в Белоруссии. Вместе с тем, тот факт, что по субботам и по праздникам все же несколько десятков евреев собираются, читают и слушают слова молитвы и Торы, пусть немногочисленные внуки верующих носят *Маген-Давид*, интересуются ивритом, вселяет надежду, что не все еще потеряно. С помощью Бога евреи вер-

нутя к вере их предков! Надо надеяться. Будем же надеяться!

Май 1981 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ

По Украине

(Письма из Харькова, Полтавы, Гадяча, Киева, Коростеня, Житомира, Бердичева, Шепетовки, Новоград-Волынского, Славуты, Хмельницкого, Меджибожа, Винницы, Калиновки, Бершади, Могилев-Подольского, Одессы)

Письмо 26

Возрождающаяся из-под обломков (из Харькова)

После того, как я побывал кое-где и кое-что посмотрел, поездка по Украине заинтересовала меня не только для сравнения с уже увиденными синагогами, но была связана с личными воспоминаниями. Ведь я родился на Украине, здесь прожил до юношеских лет и позже неоднократно приезжал. А еще и потому, что на Украине когда-то жила основная масса еврейского населения России, здесь зародился *хасидизм* и здесь свирепствовали зверские банды, безнаказанно истреблявшие беззащитных евреев... Начиная с прославляемого ныне Хмельницкого до гитлеровцев.

В Харькове наша большая семья очутилась, спасаясь от нужды и голода, прокатившегося по Украине. В большом городе, казалось, легче прокормиться; старшие братья, студенты, но по совместительству совслужащие, получали пайки, и отцу, обойщику мягкой мебели, удавалось подработать на частных заказах, чиня продырявленные матрасы и дру-

гую мебель, в чем ему иногда пособлял и я. В большом городе, тем более в украинской столице, голод не так остро ощущался, как в провинции, но кроме каши из перловой крупы ("шрапнели"), мне почему-то не запомнились другие яства.

Через два дома от нашего находилась маленькая синагога, которую отец, а вместе с ним и я регулярно посещали. Помню одноэтажный каменный дом, всего в две комнаты. В большой находился *Орн-койдеш* и амвон. *Бимы* не было. В центре стояла "буржуйка" — цилиндрическая железная печка. Вскоре по приезду я с несколькими ребятами начал учить *Хуммаш* с *меламедом* в синагоге. Занятия проходили вяло и скучно. Особенно так казалось мне по сравнению с предыдущим учителем (незабвенной памяти) р. Хаимом Дзенциольским, и с *хедером* в городе Мариуполе, где все занятия проходили на иврите и наряду с *Хуммашем* учили и арифметику и историю. О моем учителе я как-нибудь расскажу в другой раз. В этом же хедере *меламед*, еще молодой бородатый мужчина из знатной семьи, занимавшей места *ин мизрах зайт* (у восточной стены), требовал от нас только чтение, да и к нему выказывал безразличие, пребывая в полудреме вблизи теплой "буржуйки". Самым неприятным было непрерывное почесывание в паху, откуда вытаскивались на белый свет огромных размеров вши и с остервенением швырялись на раскаленную печь, вокруг которой мы смиренно сидели. В те прекрасные времена из-за отсутствия мыла, белья и горячей воды все завшивели, сыпной тиф свирепствовал всюду, и поведение учителя хотя и не удивляло, но не могло не вызывать отвращения...

Чтобы не привлекать внимание *меламеда*, увлеченного своим полезным занятием, нам следовало только монотонно читать. Впрочем, изредка он поправлял ученика и вызывал другого. Очевидно, такие занятия не могли не способствовать моему охлаждению к синагоге.

Второй эпизод, запомнившийся мне из тех времен,

припадок эпилепсии во время молитвы *Амида* на *Рош ха-Шана*. Эта молитва читается про себя, долго и стоя. Вдруг молящийся молодой человек в полувоенной форме и в пилотке, какие носили бывшие военнопленные австрийцы, чехи или румыны, к тому же хромавший, свалился в припадке эпилепсии и стал биться в судорогах. Тогда эпилепсия была довольно распространена. Очень часто можно было наблюдать, как люди, ей подверженные, падали навзничь и бились головой о землю, пуская кровавые пузыри изо рта. Вид такого "припадочного" и пугает, и вызывает желание как-нибудь помочь. Преодолевая отвращение и страх, я бросился к нему, пытаюсь удержать его голову от ударов о пол, оглядываясь на молящихся, ожидая от них помощи. Но все углубленно молились. Через некоторое время припадок прошел, больной встал с пола, бледный и усталый и что-то нелестное бормотал об окружающих, не оказавших никакой помощи. Меня случай навел на размышления: насколько формальная молитва имеет предпочтение перед реальной помощью и состраданием к несчастному? Я понял, что окружающие были неправы, не пытаюсь оказать даже примитивную помощь больному. Некоторые потом утверждали, что припадок был инсценирован, но лишь из желания оправдать свое безразличие. Я не знал в то время, как следует руководствоваться правилами *Шулхан Арух*, но и не мог принять такого равнодушия. Так была пробита брешь в моем беспрекословном восприятии *мицвот*, началась критическая оценка. Читая много позже об основах *хасидизма*, я узнал, что в этом учении многие *цаддики* стремились преодолеть барьер между формальным выполнением *мицвот* и истинной любовью к ближнему. Вспоминая теперь это происшествие, я нахожу в нем живую иллюстрацию *хасидского* толкования религиозных предписаний, неосознанно проявившегося тогда у мальчика.

В те годы в Харькове имелось несколько больших синагог. На Мордвиновской, на Мещанской, на Пуш-

кинской улицах. Последняя считалась наиболее известной, здание сохранилось и по сей день. Я помню, как ее закрыли в 1923 году и учредили клуб пионерской организации. Помню, как меня очень поразила перемена внутри. Дети бегали по лестнице, забирались в уголки, куда до этого не разрешалось заглядывать. Сейчас в здании находятся некоторые отделы горсовета.

В наши дни официально действующей синагоги в городе нет, хотя в нем, как говорят, проживают тысяч восемьдесят евреев. Имеется неофициальный молитвенный дом, о котором жителям мало что известно. Поэтому на мой вопрос к коренным харьковчанам, где у них синагога, я не получал ответа. Еще раз повторилась уже надоевшая ситуация, когда горожане не знают, где находится единственная синагога. Удалось разведать только название трамвайной остановки, вблизи которой находится "секретный" дом. Пришлось самому предпринять розыски накануне субботы. Изрядно поплутав и порасспросив свыше десятка прохожих, я, наконец, набрел на одноэтажное строение в глубине двора, за сплошным забором.

Из маленькой передней вы попадаете в первую комнату, где амвон, освещенный электрическими лампочками, шкаф, продолговатый узкий стол, две скамьи. При входе вешалка и рукомойник с полотенцем. Во второй комнате стол со скамейками по обе стороны, несгораемый шкаф — в нем *Орн-койдеш*. Существование этого дома, думаю, известно властям, но официального признания нет. Прихожане обращались в горсовет с просьбой оформить этот дом как официальную синагогу. Но им ответили, что помимо "двадцатки" необходимо для синагоги благоустроенное помещение, приблизительно мест на сто, отвечающее санитарным и противопожарным нормам. Для стариков выполнить такое требование оказалось не под силу. Поэтому уже несколько лет этот дом находится в полупризнанном состоянии.

В любой момент его могут прикрыть, но пока этого не делают, позволяя двум десяткам стариков молиться, в основном, по субботам.

Почти у всех имеются *талесы* и *тфиллин*, молитвенники. Среди прихожан несколько человек, хорошо знающих *Шулхан Арух* и требовательно соблюдающих предписания. Молодежь, как правило, не посещает этот дом, *Блат-геморе* не учат. Маццу не пекут, *шойхета* нет. В городе, говорят, есть еще *миньяны*, которые собираются только по субботам. Отдельного кладбища в Харькове нет. Раз нет *шойхета*, нет и *кашерного* мяса. При этом сообщении мне вспомнилось, как в начале нэпа на улице Короленко, против публичной библиотеки открылась колбасная лавка, где продавалась исключительно *кашерная* колбаса самых разнообразных форм и достоинств. На Бог весть какими путями доставшуюся мелочь, мы, мальчишки, покупали задешево обрезки колбасы, белый хлеб с изюмом и лакомились.

Бюджет дома весьма скромнен. В основном расходы на оплату помещения. Оставшиеся средства идут на помощь больным и на захоронения. Небольшое "чп" в мою бытность там было связано с поисками *талеса* заболевшего прихожанина. По его просьбе, ему на дом принесли *талес*, который оказался не его, начались поиски его *талеса*, который почему-то не находился. Поиски тревожили в общем внешне спокойную общину. После знакомства ко мне обратились с просьбой достать *Танах* с переводом и календари. Неофициальным синагогам приобретать религиозные атрибуты не так просто. Подобный молитвенный дом выполняет только одну функцию — синагоги, которая также именуется *бет-мидраш*. Утрата этой функции сказывается и на первой функции молитвенного дома — в таком большом городе с многотысячным еврейским населением едва набирается необходимый минимум для коллективной молитвы. Однако за последние годы появились признаки религиозного возрождения. Создается впечат-

ление, будто из-под развалин разрушенной синагоги начинают пробиваться отдельные зеленые ростки. Причем очевидной заслуги молитвенного дома в этом не видно. Процесс религиозного возрождения идет независимо и параллельно. Это впечатление сложилось от знакомства с несколькими молодыми людьми, которые, не знаю какими уж способами, овладели ивритом и исполняют религиозные обряды. Нетрудно представить себе, что это сопряжено с риском для них и для их близких, и поэтому они избегают, как говорят, рекламы. Вызывает удивление тот путь, по которому прошли эти потомки старинных еврейских семейств, вернувшиеся вновь в лоно еврейской религии. Нетрудно проследить при этом, что преемственность поколений явно нарушена. Есть примеры, когда не только одно поколение, но даже два начисто оторвались от корней иудаизма, прочно освоили окружающую культуру, язык и идеологию, а их дети и внуки, по непостижимым Божественным предначертаниям вновь возвращаются к ним. Разве это не чудо? В наши дни!

В возрождающемся религиозном порыве не играет роли синагога — я убедился при знакомстве с школьником старшего класса. Он производил впечатление, как говорят в народе, "чокнутого". Даже не знал о существовании синагоги в городе, но бредил Богом, не умея как следует выразить свои религиозные чувства. И это при неприкрытом сопротивлении родителей, преподавателей и воспитателей. Каким-то путем мальчик овладел языком и с явными искажениями выполнял целый ряд религиозных обычаев: мыл руки перед едой, произнося *Браху* — *Нетилат-ядаим* и затем *Браху* на хлеб: "Ха-мойце лехем мин ха-орец"* , читал *Шма* утром и вечером и так далее.

Много ли таких? Откуда мне знать? Пусть немного, но количество не имеет значения. Ведь все и начина-

* "Ха-мойце лехем мин ха-орец" (иврит в ашкеназском произношении; в сефардском — ха-моци лехем мин ха-арец).

ется с "активных", а их поначалу обычно немного, но растут по экспоненте.

Мне особенно было приятно наблюдать ростки религиозного возрождения именно в Харькове, прославившемся немногим более сотни лет назад халуцианским движением, отголоски которого я еще ощутил в двадцатые годы. Но об этом напишу как-нибудь в другой раз.

Ноябрь 1981 г.

Письмо 27

На могиле Алтер ребе
(из Полтавы—Гадяча)

Среди еврейских религиозных традиций значительное место занимает почитание светлой памяти тех, кто отличался глубоким знанием иудаизма и в особенности прославился праведной жизнью. Почитание выражается по-разному. Например, в дни поминовения (*Изкор*) в их память читается зауспокойная молитва. По традиции также принято следить за сохранностью могил знаменитых раввинов и *цаддигов* и посещать их. К сожалению, эти традиции за годы советской власти почти полностью утеряны, и многие из могил разорены. Редко кто сейчас знает, где покоятся останки видных деятелей иудаизма. Но кое-какие могилы выдающихся людей все же известны, несмотря на то, что над ними пронеслось пламя войны и они подверглись осквернению. Как чудо и Божественное провидение следует рассматривать сохранившиеся до сих пор некоторые захоронения, которые еврейским народом почитаются как святыни. Об одном из них я узнал, будучи в дороге. Речь идет о могиле знаменитого Алтер ребе, останки его покоятся в районном центре Гадяч недалеко от Полтавы.

Я не совсем уверен, что тебе известно, кто такой

Алтер ребе, и поэтому решаюсь ознакомить тебя с его краткой биографией. Алтер ребе (Старый ребе) — так любовно прозванный своими последователями — Шнеур Залман из Ляд, родившийся в 1745 году и умерший в 1813 году, основатель одного из течений в *хасидизме*, известного как *хабад*. Это название составлено из начальных букв ивритских слов: Х — *хохма* (мудрость), Б — *бина* (разум), Д — *даат* (познание). Свои первые познания о *хасидизме* он получил, посещая кружок учеников *цаддика* маггида из Межирича* в 1764 году. В 1770 году он решил упорядочить *Шулхан Арух* и написать новый. Над этим усердно работал много лет. Только часть труда вышла в свет после смерти автора — "Шулхан Арух для раввинов". Эта книга стала *Галахой* (Законом) для его последователей. Но свое особое учение Шнеур Залман сформулировал в философском труде "*Ликкутей Амарим*" ("Сборник сказаний") или *Танья*, который появился в 1797 году. В настоящее время книга переведена на многие языки. В ней выражено учение *хасидизма* в общих чертах и разъяснены некоторые вопросы *хасидизма* в связи с всемирным признанием этого направления в иудаизме. Труд лежит в основе возникшего нового самостоятельного направления в *хасидизме* — *хабад*. Для учения *хасидизма* характерно требование к самовоспитанию каждого еврея путем изучения Торы и выполнения *мицвот*, в этом видится надежный и верный путь для приближения к идеальному поведению всех людей. Шнеур Залман переместил центр тяжести в *хасидизме* на "среднего" человека, подчеркнув истинную сущность этого движения. Основное назначение *хасида* — постепенно продвигаться к полному самоусовершенствованию в повседневном поведении в течение всей жизни путем внутренней упорной борьбы с злыми искушениями.

* Маггид из Межирича — буквально "праведник из Межирича", название, под которым был известен Дов Бер из Межирича, преемник Баал-Шем-Това.

В 1774 году Шнеур Залман принял участие в дискуссии с целью примирения *хасидов* с *миснагедами* ("противники"). В конце восьмидесятых годов Алтер ребе был признан одним из ведущих руководителей движения *хасидизма*. Будучи оклеветан, он был арестован в 1798 году за якобы подкапывания под устои русского самодержавия, но после краткого допроса освобожден. День освобождения (19 *кислева*) с тех пор празднуется по сей день. В 1801 году он был вторично арестован и после освобождения поселился в Лядах. Когда Наполеон вторгся в Россию, Шнеур Залман вынужден был бежать с отступающей русской армией. В пути в 1813 году он скончался и был похоронен в Гадяче.

В Гадяч удобно ехать автобусом из Полтавы. Но раз я заехал в Полтаву, то стал, по обыкновению, искать и здесь синагогу. Несмотря на старательные расспросы, никаких следов ее или *миньяна* не находилось. Но со слов одного знакомого прихожанина я знал, что в Полтаве была когда-то большая синагога и даже *иешива*. Где же эти здания? Как их разыскать? Ведь старые здания синагоги интересны и представляют собой историческую ценность. Как правило, они создавались архитекторами, имевшими замысел выразить в строительных формах, оригинальных и неповторимых, дух еврейства. Интерес к древним сооружениям всегда понятен. Археология — наука, занимающаяся раскопками древних строений. Но как назвать науку, которая по сохранившемуся внешнему виду здания стремится отгадать былое внутреннее содержание? Известны случаи, когда художественные шедевры зарисовывались сверху аляповатыми рисунками и только историку-исследователю удавалось докопаться до подлинного произведения и реставрировать его. Но, откровенно говоря, я не слышал, чтобы в этих поисках и открытиях упоминались здания синагог, а ведь многие из них несомненно представляют архитектурные шедевры!

Бродя по Полтаве, я набрел на краеведческий

музей, но он, к сожалению, закрывался. Мне удалось только узнать, что своеобразное здание, украшенное мозаикой на темы украинского фольклора, было восстановлено бывшим земским управлением. Справку дала седая женщина, служительница музея, как говорят, "музейная крыса", по виду доброжелательная. От нее я узнал, что синагоги не сохранились, а на месте одной из них построен даже пивной бар. Последнее замечание было брошено явно со значением. Но я не понял: со злорадством или же с сожалением? Я переспросил: "Неужели так ничего и не осталось от зданий, и все они разрушены во время войны"? — "Да, да, ничего не осталось, все разрушены, там теперь пивной бар". Услышав ответ, я все же засомневался в его точности. Неужели могли пострадать здания всех синагог? Я обратил внимание, идя по городу, что сохранились многие здания очень старой архитектуры, не говоря уже о великолепном ансамбле в центре города, сохранившемся, по видимому, со времен Растрелли. Почему же ужас разрушения постиг только синагоги? Я тотчас направился по указанному адресу, нашел действительно пивной бар, но... в небольшом деревянном одноэтажном здании. Не могла быть синагога по размерам равной такому бару. Пройдя дальше по улице, я нашел Дом культуры и сразу же почувствовал — это бывшая синагога. Есть непередаваемое ощущение от увиденного, мне его трудно выразить словами. В сильной форме — это экстаз, экзальтация, а более слабой — это волнение, сопровождающееся учащенным дыханием, испариной. Я не помню в точности, как ощутил, что именно это бывшая синагога, но я готов был спорить с кем угодно, даже с "музейной крысой", что передо мной именно бывшая синагога.

Фасад строения украшают сводчатые окна. Дверь высотой в добрый этаж. Перед ней широкая площадка. Во дворе пристройки, вероятно, были в прошлом *микве*, *шхитой*. Следующее здание в этом же ряду, в том же стиле: одноэтажное, вероятно, *Талмуд-Тора*,

далее, теперешнее медучилище — бывшая больница или богодельня. Я вновь вернулся к главному дому. В это время дежурная девушка, приоткрыв входную дверь, беседовала с молодыми людьми, желавшими пройти на танцевальный вечер. Увидя меня, дежурная любезно спросила, не желаю ли и я пройти, я ответил, что лишь ненадолго, чтобы осмотреть здание внутри. Осмотрев интерьер и вернувшись в просторный вестибюль, я стал расспрашивать дежурную, что в этом здании было до Дома культуры. Она начала перечислять ряд учреждений. В этом здании когда-то располагалась совпартшкола, затем клуб кустарей, контрольная парткомиссия, что ли... Но я каждый раз говорил: "А еще раньше?" Наконец мы добрались "до революции". Сначала она на мгновение запнулась и как-то неуверенно сказала, что точно не знает, но затем тихо проговорила: "Это была синагога, еврейская..." На что я ей сказал, что и я так думаю, хотя в музее мне сказали, что синагога была на месте теперешнего пивного бара. Но девушка уже совершенно уверенно сказала: "Нет, нет, именно здесь находилась синагога". Так мне посчастливилось, не прибегая к раскопкам, обнаружить старую синагогу, чему я был очень рад, так как строение действительно достойно любования. Но почему поборница культуры — "музейная крыса" — пыталась меня обмануть: из-за своей некомпетентности или по установке сверху — о забвении всего еврейского прошлого? В действительности положение со старыми зданиями синагог далеко не благополучное, они становятся исторической редкостью, представляют собой часть еврейской культуры. Упоминания о некоторых из них сохранились в литературе. Имеются несколько изданий, где помещены снимки и рисунки с описанием синагог. Но в большинстве случаев история их постройки, имена архитекторов, строителей и людей, на чьи средства они строились, неизвестны. Чем это не тематика для лиц, интересующихся историей еврейских общин в России?

...Гадяч – районный центр на реке Псел, в нем проживают около семнадцати тысяч человек. Есть несколько еврейских семейств. Если судить по размерам старого еврейского кладбища, то тут некогда проживало значительно больше евреев. Уже подходя к кладбищу, можно увидеть кирпичное строение с полусферической крышей – склеп Алтер ребе. Некогда оно было оштукатурено, а сейчас имеет облезлый вид. Недавно удалось на общественные средства восстановить крышу, навесить двери и сделать кое-какой ремонт внутри. Сооружение уже под замком и даже с "секретом", так как обычный замок несколько раз кто-то взламывал. Ключ хранится у смотрителя кладбища, живущего невдалеке.

При входе вы попадаете в тамбур, из него в полутемное помещение метров двадцати пяти, где в центре находится могила, высотой около восьмидесяти сантиметров. Она зацементирована со всех сторон. Следы происходящего ремонта видны повсюду: под ногами кирпичи, камни, куски застывшего цемента. Благодаря одному незаделанному оконному проему, в склепе можно ориентироваться. У изголовья следы сгоревших свечей, спичек. В обычай посещающих входит зажигать свечи и произносить молитвы и псалмы. Имена лиц, за исцеление или в память которых произносятся молитвы и псалмы, заранее пишутся на бумажных листочках, обрывки которых затем скапливаются в смятом ведре, стоящем в углу. Пристроившись, я зажигаю принесенные с собой свечи и читаю молитву и положенные псалмы за исцеление матери моего знакомого, по его просьбе. Чтение занимает довольно много времени. В сыром помещении и в особенности в это время года можно довольно изрядно продрогнуть. Не без труда окочевшими руками закрываю "секретный" замок, и ключ передаю смотрителю. К сожалению, на осмотр кладбища не остается времени, да кроме того свежвыпавший снег мешает рассматривать надгробия. Спешу к вечернему автобусу, чтобы вернуться в

Полтаву, где устроился в гостинице.

Со временем, после окончания ремонта, могила Алтер ребе приобретет более пристойный вид. Но даже и в таком состоянии посещение ее не может не доставить удовлетворения, особенно последователям учения Алтер ребе. Духовная память знаменитой личности, трудами прославившей иудаизм и собственной жизнью приобретшей славу праведника-цаддика, впечатляет надолго.

Ноябрь 1981 г.

Письмо 28

Собиратель старины. О мере воздаяния (из Киева—Коростеня)

На мой вопрос у привокзальной кассы где синагога я получил довольно быстрый ответ от молодого человека. Это неплохой показатель для Киева. По выходе оттуда разговорился с женщиной средних лет. Она также охотно и живо объяснила, как пройти к синагоге. Оказалось, что нам по пути. От нее я услышал обычную историю. В синагоге она почти не бывала, хотя ее погибшие в Бабьем яру родители были религиозными. С детства она слышала еврейскую речь, разумеется, идиш, и сейчас понимает разговор. Но дети почти ничего не знают о еврействе. О кое-каких праздниках она помнит и изредка все же бывает в синагоге. Она согласна, что вместе с религиозными обычаями потеряна также и самобытность еврейства. Но ей невдомек, как сохранить ее, как вернуться к еврейскому образу жизни в современных условиях большого города.

В самой синагоге я застал *миньян* немного больше кворума (13 человек). День будний. Закончив молитву, часть людей ушла, а оставшиеся собрались вокруг стола, чтобы отметить *иорцайт* одного из прихожан.

На столе традиционные пол-литра и печенье. Пожелания: "алия", "рефуа", "ле-хаим"*. Хотя город и большой, но новый посетитель все же бросается в глаза. Обычные вопросы: откуда, куда, вежливая беседа с *габбаем*, у него самодовольный вид. Есть чем гордиться — синагога в приличном состоянии после ремонта. Много сохранившихся старых книг, которые — увы! — не читаются: и здесь только единицы преодолевают затруднения в постижении языка.

Бродя по городу, случайно наткнулся на поразившее объявление: "Разыскивается Каплан Игорь Аронович, 1959 года рождения. Злоупотребляет спиртными напитками, злостный тунеядец, уклоняется от общественно-полезного труда, от призыва в Советскую Армию, скрывается". Таких объявлений я раньше не встречал. К чему приводит злоупотребление спиртными напитками! Если действительно это первопричина его падения, то он в равной степени отдален и от синагоги, и от еврейского, и от советского образа жизни, он вдвойне несчастный юноша, достойный сожаления и молитвы... А если причина в другом — в желании выехать...

У меня не было намерений надолго задерживаться в городе, но все же я решил навестить одного старика, которого предполагал встретить в синагоге. Я только знал, что он большой любитель старины. В прошлом — участник войны, работал юристом и неплохо зарабатывал. Все свои средства использовал на скупку и собирание вещей, главным образом, книг, посвященных еврейству. Однако он не был знатоком иудаизма, и его интересовали книги, содержащие жизнеописания знаменитых деятелей еврейского происхождения в новой и новейшей истории, а также и современников. Кроме книг, его интересовали портреты знаменитых деятелей, гравюры и литографии, памятные медали, пластинки и проч. Все это я узнал, уже побывав у него. Условившись

* Репатриация, исцеление, долголетие.

о встрече, я прибыл к нему и в течение примерно часа беседовал, интересуясь, нет ли у него данных относительно старых синагог. К моему огорчению, он ответил, что ими не интересуется. У нас завязался разговор по этому поводу. Как можно, интересуясь еврейской историей, забыть о синагоге, хотя бы как части еврейской национальной культуры? Такой примерно я ему задал вопрос. Он ответил, что не верит в Бога и, следовательно, не сторонник религиозных отправления и безразличен к религиозным атрибутам. С большой охотой он показывал мне фотоальбом Героев Советского Союза – евреев, лауреатов Нобелевских и Ленинских премий, тоже, конечно, евреев. Однако я вновь старался вернуться к теме о синагоге, доказывая ошибочность представления, сложившегося у него не только о синагоге, но и о роли религии в жизни еврейского народа. В конце концов, он был вынужден признать мой аргумент, что только благодаря религии и вере в Бога еврейский народ прошел такой длительный, поражающий воображение исторический путь развития, приведший его к тем ценностям, которыми он искренно и неподдельно гордится и восторгается. Ведь все знаменитые личности еврейского происхождения разве не появились из той еврейской среды, где непосредственно воспитывались, разве они не наследники заложенной в их предках искры Божьей, тщательно сохранявшейся и оберегавшейся религиозным образом жизни? Для евреев, озабоченных судьбой своего народа, очевидно, что, отвергая Бога, отринув религию и специфический национальный образ жизни, мы неизбежно утратим свою роль среди других народов, наш выдающийся вклад в мировую культуру пойдет на убыль...

Мой оппонент своей коллекцией как раз и подтверждает этот вклад. Относительно большой процент выдающихся личностей появился не в ущерб другим народам, не "за их счет", а исключительно используя богатое наследие, дарованное Богом на-

роду на горе Синай в Письменной и Устной Горе, бережно и скрупулезно сохраняемое вплоть до наших дней.

Такова вера в исключительность еврейского народа, национальная гордость. Эта исключительность подобна цветку в букете разнообразных цветов выращенных искусным Садоводом, у Которого есть свой любимый избранный цветок!

Коростень Житомирской области — бывший *клейштетл* — находится приблизительно в трех часах езды от Киева. И сейчас в нем проживает относительно много евреев — тринадцать тысяч, а всего жителей — семьдесят пять тысяч. Синагога находится в центре, в одноэтажной хате, стоящей в глубине двора, которую сдает общине хозяин за сто пятьдесят рублей. Эту хату он получил в наследство от умерших родственников. В ней две комнаты. В передней слева от входа, над вешалкой, много ярко горящих поминальных лампочек. Под каждой лампочкой записки с именем усопшего, в память которого лампочка зажжена. В комнате несколько длинных столов со скамьями. Во второй комнате *Орн-койдеш* и амвон, на котором тоже горят электрические лампочки. Ежедневно утром и вечером бывает три-четыре *миньяна*, в каждом человек по тридцать. Такой посещаемости я не встречал даже в больших городах. *Каддиш* говорят почти все и по несколько раз. Община полуофициальная. Со слов прихожан узнал, что сейчас очень трудно зарегистрировать новую общину. Как сказал *шамес*: "Там, где есть — там есть, но новую не разрешают". Местные власти смотрят сквозь пальцы на верующих и не препятствуют им молиться. По праздникам собирается много людей, заполняют не только двор, но и улицу, но тем не менее оформить общину власти не желают. Ни одно из зданий старых синагог не сохранилось, а их было шесть.

В городе есть *шойхет*, и *кашерное* мясо относительно доступно, так же, как и *Брит-мила*. Кладбище

отдельное и в хорошем состоянии. *Микве* нет, *Благеморе* не учат, молодежи мало.

При мне общину раздирал страшный спор. Может быть, он обострился благодаря моему присутствию. Он чуть было не закончился дракой. Тема спора — выпечка маццы. Одни — предлагают выпекать маццу самим, вторые — закупать в Киеве. Местные власти за то, чтобы пекли в городе. Они обещают посодействовать ремонту печи и покупке муки. Противники этого высказывают мнение, что община с выпечкой не справится, несмотря на прибыли, которые обычно бывают при этом. У каждой из сторон свои доводы, и мне было бы трудно судить, кто из них прав. Приходилось уже быть свидетелем подобных споров, и я всякий раз поражаюсь, с какой страстью они ведутся. Наблюдая спорящих, я невольно начинаю подозревать существование еще и других мотивов, которые раздирают, казалось бы, единую общину. Но каковы эти мотивы, мне невдомек. Кому выгодны подобные споры и полезны ли они для общины? Вряд ли, но таковы факты.

Вблизи Коростеня расположены некоторые маленькие города, в которых нет *миньяна*. Их жители тяготеют к Коростеню и на праздники приезжают молиться в здешнюю синагогу, которая хорошо зарекомендовала себя соблюдением регулярных молитвенных служб. Несмотря на внутренние споры, в чем-то существует единство мнений, чем община и завоевала авторитет. Нетрудно догадаться, в чем существует единство мнений — в соблюдении ритуальной службы по *Шулхан Арух*, за чем следят местные "фруме идн". Такие, дай Бог им здоровья и долгих лет жизни, к счастью, пока еще имеются здесь.

Несмотря на существование в городе относительно крепкой религиозной общины, неумолимый процесс ассимиляции все же происходит. Примером может служить семья, с которой я познакомился. Хозяин дома — ветеран войны, занимавший в армии командирские посты выше среднего, а после вой-

ны — начальник крупных строительных объектов. Сейчас он на пенсии, здоров, живо интересуется текущими событиями и увлечен различными хобби. Такое увлечение идолами отнимает у него все время, так что для Бога ничего не остается. Никаких раздумий нет, и проблемных духовных вопросов жизнь перед ним не выдвигает. Если же все-таки кое-что не "стыкуется", то стоит ли ломать себе голову над этим, когда во всем другом все ясно и понятно: гарантированная пенсия, квартира с удобствами, ветеранский "паек" и прочее, включая рыбную ловлю. Хотя в прошлом, в пору своей активной деятельности, он получал несколько раз "подножки" из-за еврейского происхождения от соперников по службе, сейчас еврейский вопрос его мало беспокоит, ведь он унаследовал от своих родителей только паспортные данные, которые, кстати, не передал даже единственному чаду, о чем поведаю ниже. Живя бок о бок с еврейской религиозной общиной, не интересуется ни субботой, ни еврейскими праздниками, целиком и полностью поглощен советским образом жизни.

Более сложно протекал отрыв от еврейства у его жены. Родилась она в религиозной семье еврейского колониста. Ее мать рано умерла, и вся многодетная семья очень бедствовала. Отец долгое время был *баал-тфила* в хабадской синагоге, и теперь, вспоминая, дочь рассказывает, что никак не могла понять, почему она и маленькие братья и сестры, хотя их отец, такой хороший и честный, ежедневно от себя и от лица всех молящихся обращался к Всевышнему с просьбой о помощи, все же продолжали терпеть нужду. На эти первые, волнующие девушку вопросы наслаивались другие, на которые ответы не были получены. Надвигалась жизнь, в которой для религиозных раздумий не было времени. Во время войны, когда муж был в действующей армии, а она, имея на руках ребенка, при каких-то обстоятельствах не могла устроиться на работу, один добροжелатель "исправил"

”пятый пункт” в ее паспорте, после чего, став русской, она беспрепятственно занимала ”хлебные” места. Спустя несколько лет, после того, как подрос сын, он соответственно стал по паспорту русским. И ни за время учебы, ни в последующие годы не почувствовал никаких национальных ограничений. Получив гуманитарное образование, стал преподавателем марксизма-ленинизма в совпартшколе. Думается мне, что она скрыла от сына свое происхождение, дабы не ”травмировать” его. Между тем, она сама чувствует себя не очень уютно в окружении многих еврейских семейств. С одной стороны, воспоминания детства и молодости в ортодоксальной еврейской семье, с другой стороны, невольный страх перед возможностью раскрытия ее тайны — смены национальности. Беспокойные мысли тревожат в преддверии старости, когда начинают, увы, одолевать недуги. Возникает желание оглядеть жизненный путь. Но в беседах со мной женщина придерживалась официальной точки зрения. Во-первых, убеждена, что верить в Бога и соблюдать традиции могут только невежественные люди. Она говорит: ”Я удивляюсь, как могут верить в Бога грамотные люди? Ведь в старое время только темные люди верили в Бога, потому что это было выгодно богачам, которые их эксплуатировали”. И это говорит человек, который, по существу, сам является малограмотным. Едва ли она имеет среднее образование и что-либо читала об иудаизме, не говоря уж о Торе. Во-вторых, она предъявила к Всевышнему неоплаченный счет как доказательство его банкротства! ”За что мы, дети, должны были голодать и потерять рано мать, а она была преданна Богу, почему мой отец, будучи набожным человеком, умирая, мучился, почему старики и дети, в том числе и моя сестра, погибли от фашизма и, вообще, почему Бог не спасает от страданий невинных людей”. И в заключение: ”Я в Бога не верю, ни праздников, ни молитвы не признаю. Он много зла сделал нашей семье...”

Подобные высказывания приходилось и раньше слышать как результат примитивного представления о Боге, о Его организующей и сдерживающей силе. Греховность и мера возмездия — понятия, недоступные обычному человеку. Кто знает о тайных поступках других, кто может судить их? Только Высшая сила на это способна. В представлении детей родители — сплошная невинность, но возмездие за грехи предков достигает последующих поколений. Ведь предрекал Мойше Рабейну, что за отступление от союза с Богом еврейский народ будет строго наказан. Какую компенсацию требует эта женщина, которая не только не помышляет о покаянии, о возврате к обязанностям перед Богом, но вообще оторвалась от народа, этим самым усугубив его и свои страдания. Невозможность религиозного воспитания, упорная атеистическая пропаганда сплошь и рядом рождает извращенные представления о сущности еврейской религии, приводящие к отрыву евреев от своего народа, к ассимиляции.

Письмо 29

Приношение дара (из Житомира)

Устроившись в гостинице, пошел искать синагогу по имевшемуся адресу. Однако она оказалась в другом месте, к счастью, недалеко, в одноэтажном особняке за сплошным деревянным забором. В недалеком прошлом особняк принадлежал местному врачу, который при выезде оформил его в пользу общины. В прежних синагогах, а их, говорят, было чуть ли не восемьдесят, размещены учреждения, в одной находится дом культпросвета, нечто вроде клуба, в котором идет ремонт. Такое количество синагог соответствовало числу евреев. Общее число их было около девяноста тысяч. Сейчас проживает двести сорок

тысяч человек, а евреев — двенадцать тысяч. Синагога — единственная, молитвы совершаются регулярно лишь по пятницам и субботам, реже в остальные дни. Раввина нет, нет и *шойхета*. Периодически город посещает приезжий резник, и *кашерное* мясо изредка бывает. Конечно, нет *микве*, не учат *Благ-геморе*, молодежь синагогу не посещает, но кладбище отдельное еще сохранилось.

В центре зала синагоги — а в нем около ста мест — *бима*, амвон, *Орн-койдеш*.

В субботу собралось примерно тридцать мужчин и несколько женщин. Для них при входе отведена полутемная ниша. Среди прихожан несколько "фруме идн" — знатоков *Шулхан Арух*. У всех есть *талесы* и молитвенники. *Нуссах* молитв сефардский. При чтении Торы приезжий удостоивается вызова, а до этого у него осведомляются, не *кохен* ли он или *леви*.

В перерыве между молитвами — церемония передачи свитка Торы общине. До сих пор я неоднократно слышал сетование беззащитных прихожан на массовое хищение свитков в разных городах. Здесь мне впервые пришлось быть свидетелем возвращения свитка Торы общине безвозмездно. Этот дарственный акт сделал один из жителей, человек лет сорока, в его семье после смерти отца остался свиток. При церемонии прочитали молитву и Псалмы. Многие с благодарностью пожимали руку дарующему.

Во второй половине дня состоялась скромная третья *сеуда*, а субботний день закончился вечерней молитвой и *хавдалой*. Во время *сеуды* разговор шел, естественно, о событии дня — подарке свитка Торы. Вспоминали добрым словом бывшего обладателя свитка, который с риском для жизни сумел бережно сохранить его в течение долгих лет. Приводили другие примеры того, как евреи пытались уберечь свитки во время разгрома синагог. Мне вспомнилась былая времен войны, изложенная писателем, желавшим представить глупого и жадного бородатого еврея, тащившего на себе с риском для жизни тяжелый

мешок со своим скарбом. Однако он умолчал о том, что, как потом выяснилось, тащил еврей свиток Торы, спасая святыню из горящей синагоги. И в это нетрудно поверить всякому, кто видит, с каким благоговением обращаются со свитками. К сожалению, во многих музеях в атеистических отделах экспонируются или же находятся в подвалах подлинны свитки из разгромленных синагог, факт этот не может не ущемлять чувства верующего.

Во время *сеуды* разговор коснулся еврейского кладбища. Там много поваленных памятников — печальные следы бесчестия хулиганов. На это сообщение председатель общины бросил реплику: "Но ведь и на других, русских кладбищах творится то же самое. Это просто хулиганство". После этого замечания разговор на эту тему не продолжался, ведь, в самом деле, трудно сравнивать размер хулиганства. Поди докажи, что еврейское кладбище более сильно повреждено, чем общее...

Возвращаясь после *хавдалы* из синагоги, я получил приглашение посетить завтра одного прихожанина. Он жил недалеко от синагоги и довольно часто ее посещал, в особенности, когда не хватало человека для полного *миньяна*. В этой семье старшее поколение говорило на идиш, а младшее, хотя и понимало его, но предпочитало объясняться по-русски. До выхода на пенсию мой знакомый занимался лесным делом. В разное время он ведал рубкой леса, сплавом, торговлей. Былой, дореволюционный образ жизни евреев он не помнит, но многое слышал от родителей и от их родителей. Его мать родом из Фастова, чудом спаслась от гибели во время погрома в 1919 году. В минуты воспоминаний рассказывала об ужасах, которые пережило население. О погроме известно и из книги Гусева-Оренбургского, заимствовавшего сведения из газеты "Киевское эхо" тех времен. "В течение всей прошлой недели в Фастове происходили кровавые события. По своим необычайным размерам и исключительному зверству события эти явля-

ются небывалыми в истории еврейских погромов... Врывались толпами в еврейские дома, грабя, убивая, насилюя женщин и подростков... Убитых насчитывается около двух тысяч. Они валяются на улице небранными, ибо убрать их некому. Среди пострадавших есть и тяжелораненые, корчащиеся в предсмертных конвульсиях... Убитых и раненых грызут на улицах собаки и свиньи. Насилие творилось большей частью над подростками-детьми на глазах родителей. На ночь погром прекращался, с восходом солнца начинался вновь. Все жестокости и насилия совершались днем, при ярком свете солнца. Особенно кошмарны были события на синагогальном дворе, где несчастные пытались укрыться. Ведь двор усеян трупами — лежат старики, женщины, дети, подростки. Многие сошли с ума. Во дворе церкви укрылись человек шестьдесят — громилы их всех убили. Погром закончился поджогами — сгорело свыше двухсот домов" (стр. 137).

Можно ли это забыть? Нет, это незабываемо! Через поколения исподволь горечь трагедии просачивается в сознание. Такое не может быть забыто. Но если об этом погроме случайно в этой семье помнят, то о другом, происшедшем в самом Житомире, никто не напоминает. Вот что записано в словаре Павленкова о нем: "Житомирский погром — 24 апреля 1905 года, самый крупный из серии еврейских погромов, устроенных в разных городах на Пасху в 1905 году. Кроме разгрома квартир и грабежа имущества, убито более сорока человек евреев и заступившихся за них русских". Неужели подобные злодеяния должны быть преданы забвению?

Не о подобных ли событиях взываем мы по средам в Псалме: "Эль некомос ха-Шем, Эль некомос, хофия!"*

* "Эль некомос ха-Шем, Эль некомос хофия!" (иврит в ашкеназском произношении) — "Бог мести, Господь, Бог мести, явись!"

Возвращаюсь к беседе в гостях. Хозяин научился читать молитвы от своего деда, но детям и внукам знания не передал. Однако его племянник, живущий в столичном городе, каким-то образом приобщился к еврейству, изучил иврит, знает историю еврейского народа и при встречах во время отпуска показывает личный пример возврата к еврейству. Рассказывая об этом, хозяин дома добавляет, что он надеется, может, этот пример повлияет и на его детей и, дай Бог, и они останутся евреями. О чем может мечтать еврей, когда он отрешается от непосредственных забот о "парносе"*.

Чтобы его дети и их дети остались евреями, либо здесь, но лучше там, в Эрец.

Бродя по городу, встретил гуляющего подслеповатого старика. Разговорились. Оказалось, что мы земляки. Старик теряет зрение из-за глаукомы, ему грозит полная слепота. Он предался воспоминаниям о былой жизни. В молодости — лихой комсомолец, громил старый строй, в том числе "раввинов и попов". Многие годы провел на советской работе в исполкоме. Растерял все, что когда-то усвоил в хедере. Сейчас представилась возможность обдумать прошлую деятельность и, как он заявил под конец беседы, "Я понял, что-то делал не так". Синагогу он не посещает, хотя его подмывает пойти и послушать кантора или хотя бы еврейскую речь. Внезапно, как бы про себя, он произнес подспудно сохранившееся "Шма, Исраэль!"

Слушая его, я вспомнил многодетную еврейскую семью сапожника, которая жила напротив дома в полуподвале, несомненно, они были "кабцоним"**. Как только установилась в городе советская власть, эти ребята нацепили наганы и маузеры, чуть ли не волочащиеся по земле из-за маленького роста владельцев. Став "власть имущими", они принялись бороться с буржуазией, их начали бояться.

* Парносе (идиш; иврит парнаса) — заработок, пропитание.

** Кабцоним (идиш; иврит 'кабцаним') — нищие.

Досталось и нашей семье, хотя отец всю свою жизнь сам работал, но временами при удачных заказах и спешке приглашал подмастерьев и, следовательно, применял наемную силу и поэтому был причислен к эксплуататорам. Может быть, мой случайный знакомый — один из ребят этой семьи, я не стал уточнять, тем более, был далек от мысли сводить счеты за прошлые "классовые противоречия". В конце концов, жизнь показала, что между нами больше общего, чем различного. Прожив жизнь, мы остались евреями в преддверии неуютной старости.

Ноябрь 1981 г.

Письмо 30

В старом здании (из Бердичева)

В городе новая многоэтажная роскошная гостиница, где без труда можно найти уют.

Синагога — в центре, в сохранившемся старом здании. Редкий случай в здешних местах, синагога будто бы не тронута временем — на первый взгляд. Конечно, здание нуждается в ремонте, и его нелегко сделать. Недавно община внесла в "фонд мира" сначала шестьсот рублей, а затем еще триста рублей. Частые "добровольные" взносы, не считая налогов, серьезно подрывают финансовые дела, на надлежащий ремонт не оказывается средств, а за него нужно платить не по твердым государственным расценкам, а по рыночным, которые непомерно высоки. Сокращаются из-за поборов и средства для помощи нуждающимся и старым и больным прихожанам... Такая конфискация добровольных пожертвований, как я уже отмечал и раньше, очень угнетает деятельность синагоги.

Служба в синагоге происходит ежедневно утром и вечером, но посещает ее сравнительно мало моля-

щихся, немногим больше кворума. По субботам, конечно, многолюднее. Только в праздники главный зал синагоги заполняется полностью. В будние дни пользуются полуподвальным этажом.

После вечерней молитвы меня пригласил к себе один прихожанин. Он инвалид войны и прожил почти всю свою жизнь в столичном городе. После того как овдовел, решил вернуться в город, где родился и провел детские годы. Здесь он "прилепился" к женщине, возникла новая семья. Их дети повыходили замуж или поженились и живут отдельно. Но внуки не забывают бабушку и дедушку, хватает обоим им забот. Меня приняли хорошо. Я узнал: в городе раввина нет, но *шойхет* имеется. Как и всюду, в синагоге проводятся только молитвы, *Блат-геморе* не учат, молодежь ее почти не посещает, *микве* не работает, кладбище отдельное все же сохранилось. Недавно на нем восстановили могилу знаменитого *хасида*, *цаддика* р. Леви-Ицхака. Он родился в 1740 году в Галиции, в местечке Займанешт. Один из лидеров *хасидизма*, ученик маггида из Межирича, унаследовавший учение Бешта. В 1785 году обосновался в Бердичеве, где пробыл хасидским раввином до своей смерти 5 октября 1809 года. Он много сделал для распространения учения *хасидизма* на Украине и в Литве, где встречал многих раввинов, противников (*миснагдим*) влияния *хасидизма*.

Среди украинских евреев им был организован порядок моления в синагогах, в котором воплощались принципы *хасидизма* — проникновение в суть молитв, подчеркивающих веру в милость Создателя, назначение и судьбу еврейского народа, в поведение отдельного человека.

Известна и его роль в общественной жизни еврейского народа. Он организовал съезд раввинов для осуждения декрета царского правительства, запрещающего евреям жить в деревнях.

Вот некоторые данные, почерпнутые из местных источников. Первые сведения о еврейской общине

в Бердичеве относятся к 1721 году. В последнюю четверть XVIII века Бердичев стал одним из центров *хасидизма*, а с начала XIX века — одним из центров книгопечатания в России. В еврейском фольклоре и во многих литературных произведениях Менделе Мохер Сфарима, Шалом Алейхема и других Бердичев символизирует типичное еврейское местечко.

До революции в нем было восемьдесят восемь синагог, а по иным слухам, даже сто сорок. Это был подлинно религиозный центр на Украине.

После революции религиозная жизнь начала замирать, вплоть до тридцатых годов, но светская жизнь на идиш была еще достаточно активна. Существовала сеть школ на идиш. Выходила газета "Дер Арбетер". В 1924 году был создан первый на Украине государственный суд с делопроизводством на идиш. Наряду с украинским и русским языками идиш признавали официальным языком в ряде государственных учреждений.

В середине тридцатых годов появились ограничения в пользовании идиш. Закрылись школы, газета "Дер Арбетер", а к началу Отечественной войны еврейская культурная деятельность в городе прекратилась.

Уже в июле 1941 года нацисты ввели в Бердичев истребительный отряд, начавший уничтожать евреев; сначала их загнали в гетто, которое просуществовало до 5 октября 1941 года, до дня, когда всех его обитателей убили...

В 1970 году еврейское население составляло примерно пятнадцать тысяч человек, или четверть всех жителей. (В 1926 году проживало тридцать тысяч евреев, или 55,6 процентов.)

В один из дней моего пребывания в синагоге среди прихожан оказался некий человек, который, с его слов, не часто ее посещает. На этот раз он пришел по просьбе тещи, чтобы отметить *иорцайт* своего тестя. Он участник войны, бывший политработник, работает бухгалтером, в скором времени достигнет пенси-

онного рубежа. Он вызвался показать мне некоторые памятные места в городе, малоизвестные теперешним горожанам. Швейная фабрика в центре занимает здание бывшей хоральной синагоги. Сохранился и дом, где почитали еврейскую религиозную литературу, а также бывший клуб еврейских рабочих и редакция и типография еврейской газеты.

Во время прогулки при разговоре выяснилось, что мой гид большой знаток идиш, знает язык с детства. Он регулярно читает журнал "Советиш геймланд", хранит подшивки за многие годы. Живо реагирует на события, касающиеся жизни евреев. Отлично знает подвиги Героев Советского Союза еврейской национальности. Вместе с тем иврита не знает и, видимо, не желает знать, отождествляя его с религиозными обрядами. И вся литература, относящаяся к *Танаху*, Талмуду, к *хасидизму*, ему чужда.

Хотя он сознает, что происходит упадок еврейской национальной жизни, и это его задевает, но пугает очевидный факт, что эта жизнь возродилась в современном Израиле, о чем можно судить хотя бы по стендам московской международной книжной ярмарки, где немало литературы также и на идиш. Вызывает удивление нелогичность подобных людей. С одной стороны, они сознают, что каждая пядь русской земли пропитана еврейской кровью, что здесь ограничивается развитие еврейской культуры в повседневной жизни. С другой стороны, мозг упрямо отрицает мысль о возрождении еврейского народа на земле праотцев наших, как это записано в Книге Книг. В лучшем случае, он готов довольствоваться Биробиджаном при решении еврейского вопроса, но никак не Израилем. Идея сионизма ему глубоко чужда. Он напоминает перелетную птицу, у которой подрезаны крылья, она может ими только взмахивать, но не способна взлететь. Про себя я решил, что такая нелогичность и окаменелость взглядов, вероятно, присуща читателям журнала "Советиш геймланд", из которых, кстати, вербуются и кадры "анти-

сионистских” писак. Следует отдать должное редакции в умении создавать изощренные доказательства лучезарного процветания в наши дни национальной еврейской культуры в СССР.

Декабрь 1981 г.

Письмо 31

**Неуютное помещение.
Миньян продолжает существовать
(из Шепетовки)**

Этот небольшой город когда-то был заселен евреями и, конечно, имелось несколько синагог. Сейчас на мой вопрос где помещается синагога, парикмахер на вокзале ответил, что таковой в городе нет. Ее закрыли якобы из-за того, что евреи между собой перессорились при дележе пожертвований, а власти воспользовались предлогом и отобрали здание. Такая версия не более чем клевета на религиозных евреев. Вернее всего, что непомерные налоги задушили общину. Ведь одна электроэнергия по повышенному тарифу может сожрать все пожертвования, если к тому же число прихожан, к сожалению, с годами убывает. Все это особенно остро ощущается, когда здание такое громадное, какой была синагога. Сейчас здесь спортивный клуб.

Но прежде чем я добрался до бывшей синагоги, пришлось изрядно побродить в ее поисках. Население абсолютно позабыло, или вовсе не знало, где когда-то была синагога, а парикмахер на вокзале сообщил лишь название автобусной остановки, вблизи которой надо искать. Наконец мне посчастливилось, и я набрел на еврея-старожила, охотно объяснившего, как найти спортивный клуб. Его толковые пояснения побудили меня задать ему вопрос: нет ли в городе действующей синагоги? После небольшой паузы,

внимательно осмотрев меня, он так же толково объяснил, как найти действующий молитвенный дом. Весьма довольный этим сообщением, я помчался в указанном направлении.

За невысоким штакетником три одноэтажных деревянных домика запущенного вида. Жилец одного из них, мужчина лет сорока пяти-пятидесяти, портной местной швейной фабрики, снимал домик у хозяина, а тот проживает в доме рядом. В третьем — молельня. Хозяин — инвалид войны — на своей машине куда-то уехал и вот-вот должен вернуться. В ожидании его мы, стоя у калитки, разговорились с квартирантом. Он почти не посещает *миньян*, читать молитвы не умеет, учиться негде, да и поздно уже. Зарботки низкие, на жизнь не хватает, квартира плохая, крыша протекает, зимой холодно, без удобств. Куда-нибудь податься? Но куда? В Израиль? Но ведь там капитализм, там и этого может не быть, кто его знает. К нам подошел молодой еврей, заказчик, с просьбой сшить модные брюки. Портной и его жена в свободное время занимаются частными заказами. Молодой человек работает мастером на заводе, вид у него спортивный, как говорится, пышет здоровьем. По праздникам посещает *миньян*, кое-какие еврейские традиции соблюдает, но читать молитвы не может. Учиться? Но когда? Они с женой заняты по горло уходом за младенцем. Обрезание ребенку сделали, нашелся *шойхет*. Конечно, надо стать настоящим евреем, научиться читать молитвы, но потом, потом... сейчас некогда... Когда-нибудь в будущем.

Вскорости подъехал и хозяин дома, он же и *габбай* и резник. Фамилия у него, как и имя и отчество, типично русские, как-то так получилось, но настоящие его фамилия и имя типично еврейские. В прошлом кадровый офицер, на фронте потерял ногу, машина поэтому с ручным управлением. Недавно овдовел и целиком занят *миньяном*, который собирает по субботам и праздникам, а также зарезом кур. В городе есть еще один *миньян*, но оба неофициаль-

ные и оформить их власти не соглашаются. Он пригласил меня в помещение, где происходят молитвы. Ничего лишнего — амвон со свечами, *Ори-койдеш*, стол и несколько скамеек. По праздникам народ не вмещается, и тогда второй *миньян* у него в доме, а кроме того, натягивают тент между домами.

Рассказал о преследованиях со стороны властей, происшедших на Рош ха-Шана. Едва собрался народ, как пришла милиция и потребовала разойтись. Но ему как-то удалось буквально прогнать милиционера. Он упирал на то, что молящихся у церкви не трогают, а евреев почему гонят? Неизвестно почему милиция не проявила настойчивости, ушла, и пока инцидент остался без последствий, но надолго ли? Во всяком случае, власти осведомлены о существовании этого *миньяна*, но не трогают. А в городе около двух с половиной тысяч евреев, при общем населении около пятидесяти тысяч. Имеет ли это значение? Или все определяется настойчивостью прихожан?

Судя по всему, в полусыром и неуютном помещении чтением *Блат-геморе* не занимаются и молодежь его не посещает, но до тех пор, пока старики сойдут "в таинственную сень", они могут выполнять свои заповедные обязанности. На прощание *габбай* просил меня содействовать в получении календаря, который тут не получают, так как официально, повторяю, их синагога как бы и не существует.

Май 1982 г.

* * *

Новоград-Волынский

Пишу из небольшого города с претенциозным названием, добраться сюда оказалось нелегко. Из-за опоздания на последний автобус на пересадочной

станции пришлось ожидать ночного поезда долгих десять часов, а ехать-то всего пару часов. Но что поделаешь — в дороге всякое случается. Пошатываясь от бессонной ночи, с трудом тащился довольно далеко от вокзала до автобусной остановки, где не без нажима устроился в гостинице для шоферов в шесть часов утра. Подремав и немного отдохнув, пошел искать синагогу. О ней в пути мне говорили по-разному. Мол, ее нет, *миньян* распался, а другие — что он все же существует. Противоречивые мнения неудивительны, так как общины живут изолированно и, как правило, между собой не общаются. Существование синагоги всецело зависит от инициативы местных прихожан. Им редко приходится прибегать к помощи соседей и от центра мало что перепадает. Общины — практически острова...

Первый попавшийся человек с еврейским обликом оказался действительно евреем и, более того, — осведомленным. Он сообщил, что в городе есть молитвенный дом, и вызвался проводить. Раньше было много синагог, в одной из них сейчас хлебозавод, другие все исчезли. Теперешний молитвенный дом нашел приют в жилище одного из прихожан. Это неофициальная синагога, его уже штрафовали, но в последнее время молящихся не тревожат, хотя и разрешение на обрядовые молитвы не выдают.

Спутник ошарашивает меня вопросом: "Еврейская автономная область будто бы ликвидирована, правда ли это?" Для меня это новость, я высказываю сомнения в достоверности "новости", но он уверяет: у них так все говорят. Может быть, кто-то слух и пустил, еврейское население встревожено. Говорят, что слыхали об этом по какому-то "голосу". Будь такое решение, оно свидетельствовало бы о недобрых помыслах руководства, хотя нет непосредственной связи между автономной областью и местными евреями, но ведь можно при желании и увязать их. Я старался рассеять страхи нового знакомого, но большой уверенности, что в принципе подобная мера

невозможна, у меня не было. Подведя меня к молитвенному дому, спутник удалился.

Одноэтажное строение, в одной из комнат собирается ежедневно *миньян* утром и вечером. Утренняя служба закончилась, и я никого не застал. Но в этом же дворе находилась *шхита*, в которой был *шойхет*. Он занялся *шхитой* недавно, переняв все хозяйство от предшественника, недавно умершего. Тот был настоящий *шойхет* и пользовался большим уважением в общине. Теперешний *шойхет* режет только кур, резать скот он не обучен, поэтому *кашерного* мяса в городе нет. "Неплохо было бы отведавать говядины", — задумчиво произнес он. Однако, по первому впечатлению, куры весьма доступны. При мне много женщин приходили с курами, и *шойхет* ловко с ними справлялся. В городе около ста пятидесяти еврейских семейств, всего жителей порядка двадцати тысяч. Из разговора с *шойхетом* следовало, что в *миньяне* имеются какие-то разногласия, живут не очень дружно. К сожалению, это уже не первый случай, когда общину раздирают всякие внутренние дразги. Возможно, в этом повинен жестоковыйный еврейский характер, но скорей всего это результат отсутствия авторитетного раввина. Если бы во главе общины находился знающий *Галаху* раввин, разве ее терзали бы склоки?

Кур к *шойхету* приносили не только женщины, но и мужчины. С одним я разговорился. Он пенсионер, участник войны, гвардии лейтенант в отставке. В прошлом работал в торговой сети. В настоящее время — отказник. Причина отказа — "недостаточность родства". Собрался ехать к своему сыну от первого брака. Нужно хлопотать, нужно ехать в область, а может быть, и в центральный ОВиР. Трудно сказать, выпустят ли его к сыну, пока же он хлопочет о получении площади для своей семьи. Регулярно посещает *миньян* и производит впечатление богобоязненного еврея.

Кладбище у местных евреев пока отдельное. Как и повсюду, молодежь *миньян* не посещает и *Блат-*

геморе не учат. *Талесы, тфиллин, сиддурим* у них имеются. Единственная просьба: прислать календарь.

Несмотря на то, что община недавно потеряла одного из самых знающих *Галаху* людей — старого *шойхета*, у которого была *смиха* и который был неоспоримым авторитетом, *миньян* продолжает жить по-прежнему. Это говорит о наличии некоторых резервов в религиозной общине. Однако надолго ли хватит резервов, если молодежь не посещает *миньян* и не учит язык?

Май 1982 г.

Письмо 32

Настоящий ребе (из Славуты)

Будучи в Бердичеве, я узнал, что в городе Славуте ныне живет и здравствует настоящий раввин, единственный на Украине. Я решил его навестить. Роль раввина в еврейской общине трудно переоценить. Кроме синагоги как центра религиозной еврейской жизни, важнейшая роль в общине принадлежала в былые времена раввину. Когда будут писать историю разгрома синагоги, то будут приводить и данные о гибели проводников религиозной жизни — раввинов. Их исчезновение — это почти крах всей общины. Нынешние раввины ни по количеству, ни по достоинствам не идут в сравнение с былыми, да и число нынешних очень мало... Но кроме желания познакомиться с ребе, меня интересовало в Славуте также состояние братской могилы, о ней расскажу ниже.

В город прибыл в полдень и, как меня учили, направился на рынок, вблизи которого и проживал ребе. Рынок к этому времени уже почти обезлюдел, и не сразу нашлась подходящая личность для расспросов о "еврейском священнике". Наконец, в одном

хлебном ларьке продавщица-еврейка указала на жилье ребе. У входа мужчина колот дрова. Одноэтажный деревянный домик без удобств в глубине двора. Мужчина тотчас провел меня через кухню, уставленную керосинками, в комнату ребе.

В центре комнаты, заставленной мебелью, за столом сидели несколько стариков, перед ними — знакомые, больших размеров, закрытые фолианты *Гемары*, видимо, только что закончили чтение. Во главе стола сидел ребе, старик с бородой, лет восьмидесяти, но с живыми глазами, подвижной. Я представился приезжим, интересующимся синагогой и вызвал любопытство. Ребе с ходу стал рассказывать историю здешней синагоги. Сыпал множеством дат и имен, связанных с нею. Она насчитывает сто шестьдесят лет! До синагоги в этом доме размещалась еврейская типография. Дом принадлежал братьям Шапиро, основателям первой типографии в России. За отказ печатать и русские книги братья Шапиро по указу Николая I были приговорены к розгам и к вечной каторжке. Типографию закрыли. После смерти Николая I, при воцелении на престол Александра II, братья были помилованы по амнистии. Один вернулся в Слауту и здесь умер, а второй поселился под Винницей. (Затем типография была основана в Житомире, позже ее перевели в Вильно. Типография работала и в Бердичеве, здание ее и сейчас сохранилось.) После типографии тут жил раввин Эпштейн. Семья, которой он завещал дом для общины под синагогу, выстроила себе новый дом. Эта семья в дальнейшем разбогатела и владела в Мариуполе небольшим чугунно-литейным заводом. (Я вспомнил, что на некоторых улицах в Мариуполе в асфальт вдавлены чугунные таблички с рекламой завода Эпштейна.)

Когда я, воспользовавшись паузой, сказал, что до сих пор думал, что впервые типография в России была основана в Бердичеве, ребе, видимо, усмотрел в этом замечании недоверие к его словам и, желая подтвердить свою правоту, сказал, что даже свою

первую книгу Таня Алтер ребе передал для печати в Славуту, в маленький и по тем временам городок, но который славился многими *хахамами*. Чтобы рассеять мои сомнения, хотя, видит Бог, я не требовал никаких доказательств, ребе бодро вскочил со стула и направился в соседнюю комнату, чтобы принести книги с датой, подтверждающей приоритет Славуты.

Во время его продолжительного отсутствия я вел беседу с оставшимися за столом седобородыми стариками. Разговор зашел об изучении Талмуда. Я поинтересовался, регулярно ли изучают *Блат-геморе*, они подтвердили, что да, регулярно. Это, пожалуй, редкое место, где учат *Гемару*. Один из стариков изрек: "У океана есть дно, а у Торы нет его". Повидимому, желая подчеркнуть необходимость постоянного изучения *Гемары*.

Тем временем возвратился ребе, в руках у него были какие-то книги, он казался усталым от поиска. Он извинился, что не нашел нужной книги, но если я еще не уезжаю и смогу к нему прийти, то он постарается ее найти. Ребе поинтересовался, куда я намерен поехать после Славуты. Когда же услышал, что в Хмельницкий и в Меджибож, то стал живо рассказывать, что в Меджибоже похоронен не только Баал-Шем-Тов, но и другие знаменитые *цаддики*, и начал их перечислять. К моему стыду, эти имена были мне неизвестны. Я слушал с большим вниманием, желая их запомнить. Ребе говорил красочно, но все же стала сказываться усталость. Старики начали подниматься из-за стола. Я понял, что и мне пора прощаться, и попросил показать синагогу.

При расставании ребе сообщил, что, насколько ему известно, сохранилось очень мало синагог, но в двух городах они существуют, и назвал эти города. Оба не были прежде мне известны. Мы разговаривали по-русски, и я его хорошо понимал, хотя он говорил с большим акцентом, и названия городов произнес весьма неточно. Потом я долго расшифровывал их, прежде чем нашел на карте: Бершадь и Бельцы. Я обе-

шал ребе, что обязательно навещу их. При прощании я пожелал ребе здоровья и жизни до будущего года. (Зайт гезунт, дерлебт ибер айор*), а он мне — счастливой дороги.

Старая синагога представляла собой ничем внешне не примечательное строение, оштукатуренное, побеленное. Ежедневно утром и вечером проводятся молитвы в нижнем полуподвальном помещении — *хедер-шени*. Только по субботам и праздникам заполняется верхний зал синагоги, где около двухсот мест. Когда я пришел, в полуподвальном помещении находился мужчина, коловший дрова у ребе. Здесь он топил печку и вместе с женщиной оклеивал оконные рамы бумагой, готовясь к зимним холодам. К вечеру начали прибывать прихожане, вскоре собрался *миньян*. Обычный трудовой день, люди одеты по-будничному, одежда далеко не модная, возраст собравшихся отнюдь не пенсионный. Ребе и старики, сидевшие у него, на этот раз в молитве не участвовали. Как только собрался *миньян*, сразу же приступили к *Минхе* и вскорости к *Маарив*. Не было мучительного ожидания десятого, как это нередко бывает в других синагогах. Чувствовалась спаянность людей и несомненное влияние настоящего ребе.

Вторая цель моего приезда в Славуту — ее я намеренно не затронул в разговоре с ребе — узнать состояние братской могилы евреев — жертв фашистских палачей. Вряд ли ребе осведомлен в деталях о ней. Но, идя со стариками к синагоге, я узнал некоторые подробности. Дело заключается в следующем. Перед отъездом я узнал от одного богобоязненного, исполняющего традиции молодого человека и его матери, что вблизи города Славуты, где похоронены жертвы фашизма, происходят оползни песчаного грунта и на поверхности появляются кости!.. Местные жители периодически обходят эту могилу, собирают кости

* Зайт гезунт, дерлебт ибер айор (идиш) — пребывай в добром здравии, доживи (до сего дня) будущего года.

и закапывают их на еврейском кладбище. Братская могила и постамент над ней с соответствующей надписью сооружена на месте расстрелов на бывших заброшенных карьерах. В последние годы понадобилось много песка. Эти карьеры вновь разрабатываются, правда, не в близком соседстве с братской могилой. Однако оползни, произошедшие вследствие разработок, затронули все же и ее. Из почвы появились кости погибших. Как всегда в таких случаях, все понимают, что допустить такого нельзя, но не все могут сделать что-то реальное! Может только горсовет, но и у него нет достаточных средств для таких работ. Вероятно, требуется зацементировать большую площадь, оградить забором и временно запретить пользоваться карьером. По этому поводу начались переписки и отписки. Вот несколько писем.

"В редакцию газеты "Известия Советов народных депутатов СССР".

Уважаемая редакция!

Этим летом, совершая поездку по городам Украины, я побывала в городе Славута. В окрестностях города имеется место, где во время войны было расстреляно фашистами около восьми тысяч человек — стариков, женщин и детей, советских граждан еврейской национальности, жителей города Славута и соседних с ним городков и поселков. Состояние захоронения вызывает ужас, хотя оно и отмечено небольшим памятником с надписью на русском и еврейском языках, поставленном в 1946 году. Впрочем, надпись на русском языке сделана на переносной дощечке, обитой жостью, и буквально нацарапана так, что ее нельзя прочитать.

Место расстрела представляет собой песчаный карьер. Хотя там и стоит памятник уже с 1946 года, но долгие годы после этого из карьера брали для строительства песок вместе с человеческими костями. Лишь несколько лет назад это было запрещено. Но и до сих пор склоны карьера покрыты сыпучим песком. В нем и на его поверхности лежат останки

погибших здесь людей. В течение трех-пяти минут я собрала ту грудку, которую вы видите на фотографии.

Место это не огорожено. Сюда прибегают дети, роются в песке, играют человеческими костями. Я считаю, что все описанное мною является кощунством по отношению к памяти жертв фашизма.

Прошу вашего вмешательства, чтобы обязать горсовет города Славута в ближайшее время принять необходимые меры для исправления такого положения. Место расстрела надо огородить и зацементировать.

Не откажите в любезности сообщить мне о принятых вами мерах по адресу:" (приводится адрес, служебное положение и подпись).

Ответ исполкома города Славута:

"Ваше письмо об упорядочении могилы советских граждан, которые погибли в годы Великой Отечественной войны, направленное вами в Хмельницкий облисполком, рассмотрено в горисполкоме города Славута.

В годы Великой Отечественной войны на окраине города находился фашистский лагерь военнопленных "Грослазарет", в котором погибло за годы войны от ран, холода и голода около ста пятидесяти тысяч граждан Советского Союза всех национальностей.

Фашисты захоронения погибших советских граждан проводили на территории лагеря военнопленных и за его пределами.

Территория захоронения занимает большую площадь, в несколько километров, и точно ее границы не определены.

Также на этой территории фашисты проводили расстрел и захоронение мирных жителей города и района всех национальностей, в том числе граждан еврейской национальности. Всего расстреляно по имеющимся данным около трех тысяч человек.

В послевоенный период советским гражданам всех национальностей, ставшим жертвами фашизма в годы Великой Отечественной войны и захороненным на этой территории, установлен обелиск, и террито-

рия более двух гектаров засажена деревьями, и установлено ограждение.

Захоронения находятся за городом, и для своевременной уборки и наведения надлежащего порядка около обелиска закреплена воинская часть и городская школа, а также ежегодно комбинатом коммунальных предприятий проводится высадка цветов, подрезка кустарника и деревьев, ремонт обелиска и небольшого памятника, установленного для граждан еврейской национальности.

Захороненные останки погибших советских граждан в некоторых местах находятся неглубоко от поверхности, и при дождливой погоде песчаные грунты иногда размываются, и человеческие останки появляются на поверхности. При их появлении силами комбината коммунальных предприятий и воинов местного гарнизона проводится планировка территории и захоронение выявленных останков. Такие работы комбинатом коммунальных предприятий проводились во втором и третьем кварталах текущего года.

Горисполком постоянно уделяет надлежащее влияние вопросу по упорядочению и наведению надлежащего порядка на месте захоронения и в дальнейшем будет проводить необходимые работы”.

(Письмо заканчивается подписью ответственного лица).

Декабрь 1981 г.

Письмо 33

Названия вызывают к памяти.

Схватка с ангелом?

(из Хмельницкого—Меджибожа)

Последним рейсовым автобусом прибыл поздно ночью в Хмельницкий, а от автобусной станции до шикарной гостиницы "подбрoсил" меня лихой так-

сист. К счастью, "только до утра", нашелся отдельный номер. С этим городом у евреев связано много печальных воспоминаний. В прошлом он назывался Проскуров. В упоминавшейся выше книге "Погромы на Украине в 1919 году" кровавые оргии описываются на нескольких страницах. Здешний погром по своим масштабам немного уступает фастовскому. Но если об этом погроме напоминает небольшой обелиск, а о жертвах нацистов — братские могилы, то о жертвах, понесенных евреями в славные дни воссоединения двух великих народов, ничто не скажет. Это обратная сторона медали. Страшные события случились не столь давно, чтобы напрочь исчезнуть из памяти. Это всего только XVII век и, тем не менее, по жестокости и масштабам злодеяния почти сравнимы с фашистскими. Вот несколько слов о подвигах гайдамаков, лихо расправлявшихся с беззащитным еврейским населением.

"...казацким повстанцам удалось под предводительством Богдана Хмельницкого, прозванного евреями "Хмель-злодей", прогнать в 1648—1649 годах поляков из большей части украинской территории. Во всех селениях, захваченных казаками и восставшими крестьянами, бесчеловечно истреблялись евреи, отказывавшиеся принять православную веру, а их имущество беспощадно разграблялось. Десятки тысяч евреев отдали жизнь за свою веру. Многие общины героически сопротивлялись. Результатом катастрофы был разгром цветущих еврейских общин в Белоруссии и на Украине"*.

Далее на следующей странице сообщается, что союзники Хмельницкого — татары — увели в плен тысячи евреев и продали их в рабство, а московские войска, выступившие в 1654 году на стороне казаков, беспощадно убивали евреев. Вот что сопутство-

* Очерк истории еврейского народа. Под редакцией профессора Ш. Эттингера. Часть IV, Х. Г. Бен-Сассон. Средние века. 348 стр. "Библиотека-Алия".

вало дружбе народов, о которой напоминает довольно многочисленная наглядная агитация в честь трехсотлетия ее.

Однако напрасно искать упоминание обо всем этом в средствах пропаганды и агитации.

Памятником более близкой к нам жизни еврейской общины может служить здание бывшей синагоги в центре города, величественное, с колоннами, оно свидетельствовало о расцвете в какой-то период еврейской жизни. Сейчас в нем спортивный клуб. О сегодняшнем же состоянии общины может сказать обыкновенная изба, как-то сохранившаяся в центральной части города. Здесь по субботам и праздникам собираются для молитвы религиозные евреи, в основном старики. К ним изредка забегают молодые люди, у которых пробуждается интерес к еврейским традициям, однако, по словам молодежи, они не находят должного внимания со стороны стариков. Такая отчужденность встречается и в других местах и кажется непонятной. Ведь, с одной стороны, старикам бы радоваться, что на смену им припадают к стопам Бога молодые, но недоверие и страх перед возможными каверзами пугают их. Им мерещатся недобрые последствия, которые могут привести к тому, что даже такой скромный очаг для молитвы могут отнять. Единственное ли это объяснение, либо имеются еще какие-либо причины, но пока из-за холодного приема со стороны стариков ребята встречаются в другом месте, на дому, что сопряжено с реальной опасностью со стороны властей. И, кроме того, религиозные традиции искажаются, забываются многие из них и привносятся некоторые чуждые элементы в ритуальные обряды. Возможно, что с течением времени, если у молодежи влечение к Богу будет усиливаться, то наладится и взаимопонимание между людьми разных поколений. А это ведь очень важно.

В Меджибож из Хмельницкого регулярно отходит рейсовый автобус. Ехать немногим больше часа. Од-

нако из-за отмены некоторых рейсов пришлось стоять в долгой очереди сдавленных со всех сторон молчаливых пассажиров, покорно ожидавших автобуса. Объяснения задержки не было дано, да, видно, это тут не редкость. Наконец переполненный автобус двинулся, и я прибыл уже после полудня в небольшой поселок, где никак нельзя было предположить наличие трех еврейских кладбищ. Об этом я узнал, спросив у местного жителя, как добраться до еврейского кладбища, предполагая найти могилу прославленного Баал-Шем-Това. Когда же в ответ услышал: "А какое вам кладбище?", то я готов был вспылить, усмотрев скрытую насмешку.

— Разве у вас несколько еврейских кладбищ?

Со мной доброжелательно разговаривал рабочий, обслуживающий какой-то агрегат вблизи автобусной станции.

— Какие же это кладбища?

— Одно кладбище старое, заброшенное, второе — действующее, а третье совсем в другом конце поселка — захоронения расстрелянных евреев во время прихода немцев.

Забегая вперед, скажу, что, как я убедился, третье кладбище официально именуется местом погребения не евреев, а "узников меджибожского гетто". Простой люд прекрасно знает, что узники были евреями. Поблагодарив за сведения, я направился мимо польского, а затем действующего еврейского кладбища к старому еврейскому, находящемуся на расстоянии двух-трех километров от автобусной станции. От этого кладбища сохранился небольшой участок, огороженный со стороны дороги невысоким сложенным из камней забором. Недалеко от входа табличка: "Старое еврейское кладбище. Выпас скота строго запрещается. За нарушение штраф". В этом объявлении нет фразы, обычно присутствующей в достопримечательных местах: "Охраняется государством". Отсюда следует, что кладбище это не признано исторической ценностью. И это очень жаль.

Теперь самая пора рассказать кое-что об Израэле Баал-Шем-Тове, или кратко о Беште, что в буквальном переводе с иврита означает Владелец Доброго Имени. Он родился около 1700 года в местечке Окуп на Украине и умер в 1760 году в местечке Меджибож. Он известен как основоположник и вдохновитель учения *хасидизма*, которое быстро распространилось по Украине, Подолии и Восточной Галиции после страшных для евреев событий XVII века (гайдаматына и др.) и последовавшим за этим лжемессеианским движением Саббатая Цви. В своих проповедях Бешт и его последователи подчеркивали значение не формальной стороны молитвы и религиозных обрядов, которую ревностно призывали соблюдать раввины, а существа их содержания. На фоне чреватой опасностями жизни еврейских общин религиозная жизнь для большей части евреев приобрела схоластический характер. Проникновение в суть иудаизма стало доступным лишь наиболее продвинутому и одаренным, уделявшим много времени углубленному изучению традиции.

Баал-Шем-Тов призывал в соблюдении религиозных предписаний сосредоточить внимание на конкретной любви к людям, на оказании материальной и духовной поддержки детям, женщинам и старикам, а также на восхвалениях деяний Бога и на радостном служении Ему. Учение включает элементы экзальтации и мистического взлета, веселья и благодарности за блага жизни и глубокой неподдельной грусти о пребывании в галуте. В то же время *хасидизм* несомненно является защитником всех традиционных ценностей иудаизма — Писаной и Устной Торы и Закона (*Галахи*).

С течением времени, пройдя через период непризнания и гонений (о некоторых из них я упоминал в связи с Алтер ребе), учение приобрело многих сторонников, известных как *хасиды*. Они вместе с *миснагдим* составляют сейчас единую массу европейских и американских евреев, верных принципам иудаизма. Практически нововведения у *хасидов* коснулись не-

значительных изменений в молитвах и ритуальных обрядах. Вместе с тем, у части *хасидов* сложились своеобразные нормы поведения, практикующиеся в узких кастовых группировках, в которых *цаддик*-ребе пользуется неоспоримым и безусловным авторитетом и почитанием.

После этой краткой справки всякий поймет, откуда происходят благоговенные любовь и уважение, какие и поныне питает к имени Баал-Шем-Това и к его прославленным последователям большая часть евреев. Хотелось, чтобы отношение к нему отразилось хотя бы в надлежащем уходе за могилой. Конечно, старое кладбище, которому свыше двухсот лет, не может не быть запущенным, если даже действующее бывает неухоженным. Отрадным фактом является, что этот клочок почитаемой земли оказался нетронутым, несмотря на лихие годы. При входе издали видно возвышающееся над плитами цементное перекрытие на четырех столбиках, высотой метра два. Вблизи него белого цвета надгробие в виде вертикальной плиты, высотой около метра с надписью на иврите "*Исраэль Баал-Шем-Тов*" и год смерти. Это надгробие установлено недавно по частной инициативе на средства, собранные за границей, согласно договоренности с соответствующими высшими организациями. Оно омолодило старое кладбище. Но зато в контрасте с ним как жутко выглядят другие надгробия! Черные от времени, поваленные, вдавленные в грунт — на них невозможно разобрать ни одного имени. Потребуется немалые усилия, чтобы хоть частично восстановить эти надгробия. Найдутся ли средства для этого? Между прочим, кроме последователей Баал-Шем-Това, на этом кладбище покоятся также останки Гершеле Острополера, ставшего героем народного эпоса. О его остроумии и веселых приключениях сложено немало сказаний. Под этим названием еврейский музыкальный театр показывает водевиль на идиш. О знаменитых земляках из Меджибожа вскользь идет речь и в современном романе

(в переводе с идиш на русский) автора Полянкера Г. И. Кроме могилы Бешта и нескольких могил вокруг, окруженных невысокими деревцами, старое кладбище не сохранилось. Стал накрапывать дождь, а мне предстояло еще посетить два кладбища, поэтому, прочитав *"Эль мале рахамим"*, я его покинул, запечатлев на пленке могилу Бешта.

Действующее кладбище показалось мне ничем не примечательным, и я поспешил в противоположный конец поселка к месту захоронения жертв фашизма. От границы поселка следовало еще пройти не менее километра. Сначала за поселком шла протоптанная дорога, а дальше лежало свежеспаханное поле. Грязь облепила ботинки, идти трудно. Издали захоронения не видно, и я боялся сбиться с пути, надвигался вечер. Наконец за небольшим перелеском показался обелиск. Он установлен на квадратном постаменте в виде усеченной пирамиды с вензелем на вершине. На одной из сторон обелиска надпись: "Здесь в этих оврагах 22.IX.1942 года немецко-фашистские варвары зверски расстреляли более трех тысяч стариков, женщин и детей, узников меджибожского гетто. Вечная память нашим дорогим землякам. 22.IX.1967 года". В нескольких метрах от обелиска в разных направлениях находились зацементированные вровень с землей братские могилы в бывших оврагах. Сюда тащились несчастные жертвы, обманутые слабой надеждой на избавление. Ужас перед преступлением охватил меня...

Возвращаюсь уже в сумерках. При входе в поселок снова повстречался тот же рабочий, который давал мне справки о кладбищах. Он живет недалеко. Мы разговорились. Он оказался верующим христианином. Я еще раз поблагодарил за оказанную услугу. В поселке проживают всего лишь три еврейских семьи. Одна еврейка-учительница. В старые времена здесь было десять еврейских синагог. На действующем кладбище хоронят евреев из окрестных мест.

Мне следовало торопиться, чтобы успеть на послед-

ний рейс автобуса, и мы попрощались. Придя на автобусную станцию, я с огорчением узнал, что сегодня рейса автобуса больше не будет. Надо искать гостиницу. В потемках нахожу ее — дом приезжих. Встречает администратор, она же и сторожиха. Мне предоставляется единственная в доме комната с шестью кроватями и большой русской печью с лежанкой. Холодно и неудобно, но женщина обещает протопить печь. Мне предстоит находиться одному в "номере" и во всем доме. Сторожиха запрет дом на всю ночь. Гостиница без всяких удобств. Общественный туалет находится через дорогу, на окраине пустыря. Для мытья имеется рукомойник и ведро-параша. Для питья — вода в графине. Я со всеми условиями согласен и всем доволен, конечно.

Пока сторожиха растапливает печь, я привожу в порядок себя, умываюсь и przygotowляюсь к вечерней молитве. Помолившись, приступаю к ужину. Достая кипятильник и кипячу воду для супа из таблеток, для кофе. Угощаю сторожиху. Она рассказывает о своей беде. Ее сын недавно вернулся из мест заключения и женился. Но ей кажется, что этот брак непрочен, и она волнуется о его будущей жизни, как она сложится с молодой женой. "Вы верующий, — она обращается ко мне, — помолитесь за их счастье. Мы знаем, — продолжает она, — что вы, евреи, народ избранный Богом". Впервые пришлось услышать такое от простой женщины, причем это было сказано с полным достоинством и с большим уважением. В этих местах много верующих христиан. Может быть, это потомки тех громил, которые когда-то истребляли еврейское население и сейчас испытывают чувство раскаяния за содеянное? От нее я узнал, что в доме приезжих останавливались люди, строившие памятник Баал-Шем-Тову, она называла их по именам. Она же сообщила, что обелиск устанавливали по проекту бакинского архитектора, который также приезжал в поселок.

Закончив ужин и сказав *Биркат ха-мазон*, я полу-

чил инструкцию от сторожихи, как закрывать вьюшку. Женщина ушла, заперев меня снаружи. Предварительно внесла ведро с углем, им топят печь. Печь стала прогреваться, но комната оставалась сырой. Однако после кофе мне показалось, что стало теплей, и я решил раздеться, намереваясь выспаться получше. Загрузил печку углем, улегся, укрывшись двумя одеялами, но вскорости со мной произошло нечто, о чем мне хочется рассказать подробно. Не знаю, хватит ли в моей палитре красок, чтобы описать то, что я испытал в ту ночь.

Вскорости после того, как я улегся на влажную и не первой свежести простыню, я почувствовал, что к икре правой ноги подбирается судорога. Это болезненная схватка мышцы, которая, вероятно, всем знакома, у меня иной раз случается при охлаждении или сырости. Обычно удается предотвратить судорогу энергичным массажем икры, растиранием и реже — прыжками. Если же судорогу не удастся предотвратить, то крайне болезненное состояние длится несколько минут, и все проходит без последствий. На этот раз все получилось по-иному. Судорога охватила икру и, несмотря на энергичный массаж, не только не исчезла, но впервые схватила и мышцы бедра, а там и плеча, предплечья и лопатки. Никогда до этого не ощущал я ничего подобного. В панике подумал, что боль перенесется и на левое плечо и захватит мышцы сердца, этим все и закончится...

Никакой массаж и прыжки не помогли. Меня ломало и корчило, я извивался и стонал от боли. Казалось, что какая-то сила хочет скрутить меня. Тщетно прислонился к теплой стенке печки, кутаясь в одеяло. Наконец, боль начала понемногу стихать, я напялил на себя всю одежду и снова укрывшись под одеялом, стараясь согреться. Не будучи мистиком, я все же подумал, засыпая, не была ли это схватка с ангелом, подобная той, какой была у нашего праотца Иакова-Исраэля. Ведь бывали у меня в прошлом не раз "холодные" ночевки: на скальных склонах, в лесу. Вспом-

нил одну из них, когда, выходя из окружения чащобами Карелии, от усталости свалились спать на мягкий мох, а наутро оказались в лужице воды, подернутой льдом. Но, несмотря на это, ничего подобного со мной ни тогда, ни потом не случилось. Вот почему я уделил так много внимания этому происшествию.

Декабрь 1981 г.

Письмо 34

**Женщина в синагоге.
Ненайденное надгробие
(из Винницы—Калиновки)**

Как бы в награду за ужасно проведенную ночь в Меджибоже администратор в Виннице пообещал мне место в отличной, современной гостинице. Придя в точно назначенное время, я был узан администраторшей в толпе у окошка и получил заветную бумажку. Не обошлось, правда, без некоторого курьеза. В номере, куда меня направили, уже жили две девушки. Но "неточность" тут же была исправлена, и я оказался в обществе двух мужчин, с которыми быстро сошелся.

Найти местную синагогу оказалось совсем просто. Швейцар в вестибюле подробно объяснил, как ее найти. Она вблизи рынка, в центральной части города. Несмотря на то, что в городе сохранилось несколько зданий бывших синагог, занятых разными учреждениями (в одной — филармония, в другой — городской суд), действующая синагога занимает квартиру в одноэтажном доме, снаружи ничем не примечательном. Лишь одностворчатая дверь между окнами соседних квартир позволяет войти в синагогу. Через эту дверь без всякого холла и даже тамбура вы попадете в узкое и продолговатое помещение. Слева от входа рукомойник, рядом с ним вешалка. Справа

скамейки, на спинках которых откидные полочки для молитвенников. В глубине *Орн-койдеш*, завешенный бархатной занавеской, и перед ним на небольшом возвышении алтарь с подсвечниками, рядом с ним стол. Справа дверь в соседнее помещение. В конце прохода, который идет по левой стороне, дверь во двор. Нет окон, не считая единственного рядом с входной дверью. Во второй небольшой комнате, где хранится какой-то инвентарь, стол для трапез. Это более чем скромная синагога вместо былой, например, в здании нынешней филармонии, в самом центре города, в котором по местным сведениям приблизительно двадцать пять тысяч евреев, при общем количестве населения около трехсот двадцати тысяч. Именно в этом городе, как передают, лектор в местном лектории имел полное основание заявить, что с еврейской религией расправились почти окончательно.

Был канун субботы. Вечером собрался *миньян* в количестве немногим больше кворума. Мое присутствие сразу же стало заметным. Некоторые не удержались от любопытства, подходили и спрашивали, откуда, и после ответа задавали следующий вопрос: зачем, к кому и т. д. В общем, состоялось обычное знакомство с вновь появившимся прихожанином, любопытство было удовлетворено. А как же иначе? Можно ли быть равнодушным к своему маленькому *миньяну*, в котором каждый прихожанин тебе близок, и ты знаешь чуть ли не всю его родословную.

Началась субботняя вечерняя молитва. К сожалению, кантор не пел, молился *баал-тфила* с большой теплотой и грамотно. После окончания молитвы со мной рядом оказался прихожанин, по-видимому, один из руководителей *миньяна*. Он поведал некоторые подробности об их общине. Ни раввина, ни *шойхета* у них нет, молодежь почти не посещает. В 1980 году из синагоги были похищены два свитка Торы. Маццу в основном завозят из Могилев-Подольского. В небольших количествах пекут сами кустарным

способом. Есть участок еврейского кладбища. *Благеморе* не читают — нет знаков, но молитвы происходят почти ежедневно.

Назавтра собралось прихожан больше, чем накануне. Порядок молитв обычный. При чтении Торы гости приглашают к Торе, как это принято.

Неприятный инцидент произошел с одной женщиной, по виду явной еврейкой. Вела она себя шумно и даже нагло. Протиснулась к амвону во время молитвы и, держа в руках деньги, обратилась к *шамесу*, чтобы отметили *иорцайт*. Когда недовольные прихожане пытались ее урезонить, чтобы она вела себя тише и скромней, она, нисколько не смущаясь, с дерзкой усмешкой продолжала говорить, не понижая голоса. Непочтительность и неуважение не могли не задеть чувства молящихся. В довершение всего, женщина стала совать деньги *шамесу* и в ответ на замечание, что стоило бы ей прийти в будни, с нагловатой ухмылкой удалилась.

Сам по себе инцидент не заслуживал внимания — мало ли какие бывают хулиганы или нахалы. Однако он заставил задуматься о роли женщин в религиозной жизни еврейской общины. Я вынужден признаться, что этому почти не уделял внимания в своих поездках. В письмах к тебе я отмечал разнообразные аспекты еврейской общины: состояние кладбищ, изучение *Гемары*, посещение молодежью и др., но об участии женщин в религиозной жизни почти не писал. Нужно ли доказывать, сколь важно знать степень участия женщин в отправлении религиозных традиций: в соблюдении субботы, *кашрута*, в религиозном воспитании детей и проч. Поведение этой женщины заставило меня понять, что на фоне общего упадка религиозной жизни участие женщин представляется крайне малым. Мне припоминаются считанные города, в которых наблюдал нескольких молящихся женщин только по субботам, например, в Гомеле или Житомире. На Кавказе и в Средней Азии участие женщин в соблюдении еврейских тради-

ций более заметно. Оно проявляется, главным образом, в соблюдении *кашрута*. Отсутствие *микве* для ритуальных омовений является серьезным препятствием в приобщении женщин к религиозным традициям. Среди женщин также гораздо меньше грамотных, читающих в подлиннике молитвы на иврите. Неудивительно поэтому, что поведение этой женщины отражает отрешенность еврейской женщины от религии.

Еще один любопытный факт мне пришлось наблюдать в этот день. К концу молитвы в синагогу вошли две скромно одетые женщины явно русские или украинки. Они, в противоположность той еврейской женщине, держались тихо и ненадолго удалились в соседнюю комнату. Как мне объявил один из прихожан, это не единственный случай посещения гойками синагоги с просьбой о молитве. Какую молитву для них читают — не знаю. Но примечательно само поведение еврейской и русских женщин примерно одинаковых средних лет. В одном случае грубо-нахальное, в другом — почтительно-смирненное. Это посещение ни о чем еще не говорит, но в истории еврейского народа наблюдались иногда факты прозелитства, правда, как явление из ряда вон выходящее и без какого-либо активного воздействия со стороны евреев.

После дневной молитвы прихожане разошлись и вновь собрались во второй половине дня для совершения третьей *сеуды*. Трапеза была скромной с безалкогольным напитком. Разговор велся на местные темы, интересовались новостями. К сожалению, как это бывало раньше, *Блат-геморе* не учили, если и есть еще в городе знатоки — *хахамим*, то их несомненная старость не позволяет посещать синагогу. А откуда возьмутся молодые *хахамим*, где эти *иешивы* и *бет-мидраши*, в которых воспитывались талмудисты? Появятся ли они когда-нибудь вновь в этих краях? Вряд ли. Это можно предсказать по тому, что в синагоге почти не встречается молодежь.

Впрочем, несколько молодых людей все же присутствовало во время молитвы. С одним из них я разговаривал. Он, оказывается, отказник, уже несколько лет добивается разрешения на выезд в Израиль к своей матери. У него двое детей, по профессии инженер. Работал в какой-то организации и поэтому при отъезде родителей не получил разрешения. Сейчас срок его секретности закончился, как ему заявили, и он может рассчитывать на получение разрешения на выезд. Когда он получит разрешение, он не знает, но старается пока время не терять и приобщается к Богу. Однако он сетовал на то, что со стороны прихожан ощущается отчужденность, и поэтому синагогу он редко посещает. Но при помощи самообразования много преуспел и, наверное, мог бы стать со временем *хахамом*, если, конечно, не уедет. Как сложится его жизнь — неизвестно, но для еврейской общины, в принципе, есть некоторые перспективы для появления своего ребе, если к этому приложится и воля Всевышнего. Может быть, мрачные предсказания и не оправдаются.

* * *

Калиновка — это "поселок городского типа, район-центр". В нем несколько заводов, железнодорожный узел. В прошлом *клейн-штетл*, в котором проживало много евреев. Об этом можно судить по двум обелискам, отстоящим недалеко друг от друга над братскими могилами жертв фашизма. Они установлены вблизи еврейского кладбища, еще сохранившегося.

В настоящее время в Калиновке проживает несколько еврейских семейств. Как сказал один из евреев: "Даже при желании *миньян* не собрать". Это желание изредка возникает, когда необходимо хоронить усопших стариков. В этом случае извещают людей в близлежащих селениях, и *миньян* собирается. В других случаях желание, по-видимому, не по-

является. Все увлечены своей работой, которая поглощает все помыслы.

Материально живут хорошо. У всех престижные профессии: инженеры, врачи. По просьбе одного медика едем на его машине на кладбище, чтобы прочитать молитву "*Эль мале рахамим*" на могиле родителей. К нам присоединяется еще одна дама.

Кладбище в хорошем состоянии, много памятников, но почти все без шестиконечной звезды, надписи по-русски. Выполняю просьбу и читаю молитву. Прошу их показать мне памятник, установленный евреями на могиле погибших от рук фашистов. На памятнике еврейская надпись. Фотографию надгробия я видел в вестибюле хоральной синагоги в Москве среди нескольких других. Но мои знакомые не смогли показать. На двух братских могилах, как я писал выше, установлены стандартные обелиски с русским текстом. Остается предположить, что либо надгробие, установленное евреями, заменено на более солидный обелиск, либо под фотографией указан ошибочно этот город. Надгробия с надписью на еврейском языке мы не могли найти.

Возвращаемся, и меня приглашают в дом, хозяйка которого славится приготовлением еврейских блюд. Слава ее настолько велика, что ее приглашают даже в Винницу для сервировки и приготовления еврейских блюд в торжественных случаях бракосочетания. В прошлом, когда был жив муж, верующий еврей, она соблюдала *кашрут*. Сейчас сохранились только "*кашерные*" названия еврейских блюд, в том числе фаршированная рыба, *чолнт*, *штрудл*, и проч. Вкусовые ощущения связывают этих людей с еврейством... Во всем другом прочные сети ассимиляции их опутали. Весь досуг уделяется телевизору, почти повальное увлечение футболом, хоккеем. Немало умственных усилий уходит на угадывание очередного победителя матча и его места в таблице соревнований. Разочарование в результатах доводило до сердечных приступов, случались чуть ли не инфаркты.

А сколько времени уходит на приобретение модных вещей? Как же можно отстать от столичной жизни, для этого имеются благоприятные условия — рядом большой город.

Здесь и пришлось мне столкнуться с тем, как оторвалась еврейская женщина от религиозной жизни. Зашла в дом соседка, узнала, что приезжий — религиозный еврей, рассказала: ее мать была верующей и соблюдала традиции, похоронили ее "по обряду". "А вы сами?" — "Да что вы? Зачем? — она презрительно поджимает губы. — Что это дает нам?" И, не ожидая ответа, продолжает: "Ну, что есть в ваших молитвах, что?" Она не ждет ответа, у нее нет вопросов по существу. На любой ответ готова реплика вроде: "Все это чепуха, опиум для народа". Сын ее по паспорту украинец, женат на русской, дослужился уже до должности "зам. начальника". Так сходят на нет еврейские общины в маленьких городах, в бывших *клейн-штетл*. До поры до времени памятниками этим общинам служат только сохранившиеся еврейские кладбища.

Декабрь 1981 г.

Письмо 35

**Благословение молодого месяца.
Похищение свитков**
(из Бершади—Могилев-Подольского)

Бершадь — это тоже в прошлом *клейн-штетл*, который остался таким же и теперь. Но в отличие от предыдущего (Калиновки) в нем куда живей протекает еврейская религиозная жизнь. Может быть, потому, что он расположен далеко от областного центра. Туда не ведет железная дорога и добираться можно автобусом или самолетом. О существовании синагоги мне сообщил ребе в Славуте, и ее найти не составляло

труда. При выходе из автобуса первый же встреченный молодой человек вызвался проводить меня.

День склонялся к вечеру, но еще было достаточно светло. Издали можно было заметить, что у одного из домов, на площади, стояла большая группа людей. Завидя их, мой провожатый сказал: "Вот эти люди стоят у синагоги". Дом по своим размерам отличался от окружающих одноэтажных домов. Стоявшие у синагоги одеты далеко не нарядно: в телогрейках, ватниках, спецовках, в сапогах, в поношенных пальто, многие с бородами. В руках — молитвенники. Это прихожане, после вечерней молитвы вышедшие для совершения обряда, посвященного молодому месяцу, он чуть-чуть виднелся в лучах заходящего солнца. Вся эта колоритная группа напомнила мне почти в точности картину художника Лионела Реуса "Благословение молодого месяца", репродукцию которой я видел в книге типа энциклопедического словаря по иудаизму, изданной в Нью-Йорке в 1964 году. Молитва заканчивается приветствием друг другу: "*Шолом алейхем*" и "*Алейхем шолом*".

После того как все разошлись, я вошел в синагогу, в *хедер-шени*, на первом и низком этаже. Большой зал (*хедер-ришон*) находится на втором этаже. Представившись *шамесу*, бородатому мужчине средних лет, и разговорившись с ним, я получил разрешение прочесть вечернюю молитву. Между прочим, на мое замечание, не слишком ли рано они заканчивают *Маарив*, он ответил, что у них установился обычай проводить вечернюю молитву с наступлением сумерек, чтобы не расходиться по домам, да и вообще небезопасно ходить в темноте. Для стариков это имеет большое значение. Хотя с другой стороны, утреннюю молитву они начинают очень рано, когда тоже темно, но в этом нуждаются те, кому надо поспеть рано на работу, то есть молодые. Вскорости вошел прихожанин — высокий старик — и поинтересовался, почему *шамес* задержался и не закрывает синагогу на ночь. Это был *габбай* синагоги. Увидя

меня, *габбай* стал расспрашивать *шамеса*, кто я такой, а меня подозрительно рассматривать. *Шамес*, видимо, был не очень доволен, что *габбай* пришел его проверять, и ответил: "Разве вы не видите, что приезжий еврей изъявил желание помолиться, как можно ему в этом отказать?!" Но сомнения у *габбая* не исчезли. Он уселся напротив меня и почти в упор следил за мной, а затем к нему присоединился и *шамес*. Через какое-то время, поняв по губам и жестам, что я действительно произношу молитвы, они успокоились. Окончив молитву и опустив в кружку *цдаку*, я вместе с *габбаем* пошел в гостиницу. Получил там место, и *габбай* убедился, что я не какой-нибудь "беспачпортный" бродяга, и окончательно оставил сомнения.

По дороге к гостинице *габбай* кое-что поведал о себе и о синагоге. Ему перевалило уже за девяносто, но он все еще выглядел бодрым, хотя говорил тихо и не очень внятно. Назавтра обещал зайти за мной рано утром. Утром, не ожидая *габбая*, я пришел в синагогу, когда было еще совсем темно, и там уже застал несколько прихожан. Вскоро пришел и *габбай*, который заходил за мной в гостиницу. *Миньян* собрался в количестве, значительно превышающем обычный *миньян*. Молитва прошла в обычном темпе, многие говорят *Каддиш*. Затем почти все разошлись по своим "рабочим точкам". *Шамес* пригласил меня наверх и показал большой зал синагоги. Он не отличался особыми украшениями, довольно скромный, но в хорошем состоянии. В общине есть свой *шойхет*, тут сами пекут маццу. В городе отдельное кладбище. Но *микве* нет, и молодежь редко посещает синагогу.

С жизнью этой общины я не смог детально познакомиться, но, по сложившемуся впечатлению, время не очень задело самобытную жизнь, как это и следовало ожидать в глубокой провинции. Стоит, пожалуй, вернуться сюда как-нибудь еще раз и пожить подольше, чтобы познакомиться с некоторыми обы-

чаями и преданиями, которые могли сохраниться в подобных относительно глухих местах.

Декабрь 1981 г.

* * *

Могилев-Подольский

Выйдя из автовокзала, наткнулся на супружескую пару, явно еврейского вида, да и разговаривали на идиш. С ходу решил осведомиться, где синагога. После небольшой заминки и придиричливого осмотра получил исчерпывающий ответ от прихожанина, с которым потом встречался в синагоге.

Два сюрприза ожидали меня в этом городе. Первый: категорический отказ в ночлеге во всех трех гостиницах. Их немало для такого города. Но на этот раз случилось просто какое-то нашествие иностранцев. То ли были состязания спортсменов, то ли какая-то конференция. "Можете жаловаться хоть в горком партии", — заявила ретивая администраторша. Ведь по указанию горкома на все места наложена бронь. В дороге всякое случается. Я не впал в отчаяние, из любого затруднения следует искать выход. Вспомнился, к счастью, номер телефона местного жителя. Обычно я избегаю докучать и затруднять просьбой о ночлеге. Ведь, как правило, люди живут довольно тесно, а кроме того, помню житейскую мудрость: "Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали". Но при критических обстоятельствах почему бы не попытаться?

Меня добросердечно встретил у себя дома человек преклонных лет с большой седой бородой. Он недавно потерял свою жену и свободное время отдает синагоге. Вместе с ним проживает дочь с мужем. Ночлегом и кашерной пищей я был обеспечен.

Второй сюрприз: сообщение хозяина квартиры

о недавней краже семи (!) свитков Торы. Ограбление синагоги произошло за неделю до моего приезда. Посему событие еще служило предметом обсуждения. Вот некоторые подробности.

Недели за две до кражи в синагогу повадился приезжий, по виду "черный" — грузин (опять грузин!). Он стал регулярно посещать моления утром и вечером. При знакомстве сообщил, что прибыл на несколько дней, желая повидаться с сыном, отбывающим воинскую службу в местном гарнизоне. Остановился на частной квартире. За это время гостя, как положено, вызывали к Торе, и он грамотно прочитывал вслух Браху как по-сефардски, так и по-ашкеназски, чем завоевал доверие. Но в один прекрасный день незнакомец исчез, и вместе с ним пропали семь свитков из десяти. Оставшиеся — хуже сохранившиеся. Случайное ли совпадение или же "грузин" в самом деле соучастник кражи — никто сказать с уверенностью не может.

Кража совершена из синагоги следующим образом. Синагога помещается в бывшем жилом одноэтажном доме, выходящем фасадом на улицу. В нем два выхода. Один на улицу, которым не пользовались, второй во двор. Дверь во двор запиралась на висячий замок, а дверь на улицу засовом изнутри. Злоумышленники вошли со двора, вероятно, ночью или под утро, сорвав замок, а свитки вынесли на улицу в ожидавшую машину. В это время улица безлюдна. Такова версия. Никто из похитителей не был задержан, и свитки исчезли. Растерянные прихожане обращались в милицию, которая приходила, осматривала, но пока все безрезультатно.

Ко мне у прихожан была просьба составить официальное заявление, изложить их версию и просьбу проинформировать поимку похитителей. Однако подать это заявление в мою бытность они не решились. Почему? Все потому же. "Это не поможет, и поэтому стоит ли беспокоить власти". Ведь синагога на полуполюгальном положении. Ее могут и вовсе закрыть. Надо

смириться с бедой, надо молиться. В успехе поиска похищенных свитков я и сам не был уверен, но все же считал, что, кроме устного заявления, официальное письменное заявление не помешает, может быть, и в два-три адреса. Но такое решение должна принять сама община.

Горестный эпизод напомнил ранее известные хищения свитков и ограбление синагог в различных городах, виновники которых не были найдены. О некоторых из них я писал. Хищения происходили в Москве, в Малаховке (под Москвой), в Белоруссии (Минске, Борисове, Бобруйске), в Виннице. Попытка была в Орше, в Витебске. По слухам, похищены свитки еще в нескольких городах. При известии о подобных кражах постоянно возникают недоуменные вопросы: неужели преступники столь неуловимы? Или их не слишком усердно ищут?

У общины есть некоторые основания не прибегать к услугам милиции и не искать защиты от воров. В свое время, лет тринадцать тому назад, в один прекрасный день, во время богослужения в квартиру нагрянула милиция, и штатские забрали свитки и наложили штраф на нескольких прихожан за соблюдение религиозных обрядов. Оштрафованные евреи бросились жаловаться по всяким инстанциям. В результате свитки вернули и штрафы отменили. С тех пор *миньян* функционировал и прихожане соблюдали свои молитвенные обязанности. Более того, им удалось переселиться и занять полдома умершего прихожанина, во второй половине которого жил наследник, душевно больной человек, его община взяла на свое попечение. За счет своих средств она поддерживает одноэтажный домик с подопечным. Вот уже около десяти лет регулярно собирается *миньян* ежедневно утром и вечером в количестве десяти-пятнадцати человек, а по субботам — двадцать пять-тридцать пять человек. В общине есть свой *шойхет*, *баал-криа*, *баал-тфила*. Регулярно отмечают *иорцайт*. По утрам, до *Шахарис* читают *Техиллим*

(Псалмы). Такой обычай строго соблюдается в Самарканде, в Бухаре. Но там их читают поочередно. Здесь же все присутствующие читают положенные на этот день псалмы. Еще одна особенность в этом миньяне. *Баал-криа* начинается у амвона *Шахарис* с пятнадцатой *Брахи* и далее. Такой обычай я наблюдал в Дербенте. Обычно начинают с "*Раввинистского Каддиша*", предшествующего *Хойду*. Перед началом молитвы по заведенному порядку на тарелку бросалась *цдака*.

После *Шахарис* на столе оказались две бутылки вина и пачка печенья, которое аккуратно разделили между присутствовавшими. Отмечался *иорцайт* у одного из прихожан. Некоторые подходили и здоровались со мной. Подошел и тот еврей, который первый указал мне адрес синагоги. Он признался, что был весьма удивлен проявленным интересом к синагоге и даже засомневался, следует ли что-либо сообщать. Ведь мой приезд почти совпал с кражей свитков. Сейчас они сознают, что их беспечность способствовала краже, которая не потребовала особых усилий от воров. Можно ли быть такими наивными в наше время, когда о кражах свитков уже так много говорят? Теперь приняли кое-какие меры и установили более солидные запоры. Впрочем, для воров не существует замков, как известно. Тем более, в наш технический век.

В этом молитвенном доме молодежи и женщин я не встречал. Но один из прихожан просил меня помочь ему приобрести учебник иврита для своего сына. По этой просьбе можно судить, что, если бы такие учебники были доступны, то нашлись бы и ученики. Можно ли в этом сомневаться?

Декабрь 1981 г.

Как утес одинокий...
(из Одессы)

Синагогу нашел довольно легко рано утром. Это здание старой синагоги на окраине значительно уступает по красоте и размерам бывшим синагогам в центре, например, на углу улиц Бабея и Ленина, в которой находится спортклуб, или на углу улицы Жуковского и Пушкина ("Бродского"), где размещился архив. Но все же это здание большое и вместительное, если судить по тому, как собирался *миньян* во время моего посещения.

Когда я пришел, то застал только двух прихожан в *хедер-шени*. Еще несколько человек постепенно приходили, но до полного *миньяна* никак не хватало. Один из первыми пришедших прихожан, еще не очень старый человек, не дождавшись, начал молиться. Это был один из тех, на ком держится *миньян*. Таких людей я встречал повсеместно, например, в Гомеле, в Омске. Все же *миньян* собрался, включая меня, и мы приступили к общей молитве. *Баал-гфила* молился с большой *кавваной*, с усердием.

Едва успели закончить молитву, появился весьма представительный тучный мужчина, средних лет. Его первый вопрос был: состоялся ли *миньян*? Ему ответили, что только благодаря приезжему, но пришедший на это не отреагировал. Меня не удостоил вниманием, но и сам меня нисколько не заинтересовал. Походил на кавказского еврея – грузинского или горского. Но не этот облик отталкивал. В нем нетрудно распознать среднего масштаба начальника, который всем своим видом хочет подчеркнуть, что религия его интересует постольку, поскольку он к ней приставлен для руководства. Нечто подобное рассказывают об одном из "приставленных" председателей крупной общины, который в припадке откровенности признался ревизовавшей финансовые

расходы комиссии, что он — атеист. При этом несколько не смутился после реплики ревизора, почему же в таком случае он избрал поприще в синагоге...

Может быть, я и ошибался, но мне почудилось в его манерах и поведении что-то "не кашерное".

Явное пренебрежение к приезжему не ускользнуло от внимания других, они поняли, что я не какое-то официальное лицо и не "уполномоченный". Но я никогда и не выдавал себя за представителя какой-то общины и не присваивал себе "руководящие функции". Между прочим, в таком руководстве провинциальные синагоги, естественно, нуждаются. Однако создается впечатление, что столичная синагога либо не уполномочена руководить ими, либо избегает этого. Зависимость провинциальной синагоги от столичной существует не в отношении чисто ритуальных и обрядно-религиозных вопросов. Для этого в провинции могут быть найдены люди не менее компетентные, чем в центре. Связь с центром главным образом требуется для снабжения предметами культа, в которых нуждаются многие синагоги: *талесы*, *тфиллин*, *мезузы* и др. Поступающие из-за границы, как правило, оседают в центре и плохо продвигаются на периферию.

После молитвы возвращаюсь вместе с одним прихожанином в город. По дороге к трамвайной остановке услышал много печальных слов. Во-первых, он сетовал на то, что в таком большом городе, где проживает свыше ста тысяч евреев, едва собирается один *миньян*, и то не всегда. Затем он сообщил, что в последнее время в связи с отсутствием действующего еврейского кладбища и наличия смешанного многие семьи стараются похоронить близких на старом кладбище, а не на смешанном, где, бывает, хоронят в могилы, где обнаруживаются останки, еще не истлевшие... Выкопанные кости не могут не приводить в содрогание верующих евреев, это акт кощунства и надругательства над усопшими предками. Таков результат разрушения веками сложившегося обычая

раздельного захоронения евреев от других народов. Между прочим, обычаем признавали все правительства даже в самые мрачные годы преследований нашего народа.

Мой спутник сокрушенно вздыхает и готов говорить еще очень много о гибели местной общины. Сам он напоминает утес, в одиночестве возвышающийся в море. Чужестранные моряки утес обходят стороной, ибо он может стоять на огромной глыбе достаточно крепкой породы, долгое время сопротивляющейся разрушающему натиску враждебных волн. По "одиноким утесам" можно судить о жизненности еврейства. Есть примеры, когда геологические изменения под воздействием подземных сил приводят к отступлению моря, и на поверхности оказывается несокрушимая крепкая порода. А нестойкие пласты размываются, уносятся и растворяются бесследно в пучине морской...

В большом городе, славном именами Пинскера, Ахад-Гаама и других, было бы удивительно не встретить и сейчас пусть одиночек, но сохранивших былые традиции. С одной такой семьей мне посчастливилось познакомиться. Сложными путями они вернулись к Богу и начали исповедовать заветы отцов. Однако их религиозная жизнь совсем не связана с местной синагогой. И здесь, как и в других местах, приходится констатировать, что официальная синагога не является центром религиозной жизни города. И в большом городе, и в маленьком едва удается собрать *миньян*. А между тем, имя Его все больше и больше привлекает людей, которые тянутся к Нему в поисках Истины и Справедливости.

В заключение привожу стихотворение одессита, которого потянуло в синагогу. Судя по всему, он не верующий, не соблюдающий традиции и посещение синагоги, кроме испуга и безрадостных эмоций, не возбудило в нем иных чувств, но напомнило о Боге.

Декабрь 1981 г.

ОДЕССКАЯ СИНАГОГА

Обшарпанные стены,
Угрюмый, грязный вход.
На верхотуре где-то
Над Скинией Завета
Мяучит кот.

Раввин каштаноглазый —
Как хитрое дитя.
Он в сюртуке потертом,
И может спорить с чертом
Полушутя.

Сегодня праздник Торы,
Но мало прихожан.
Их лица — как скрижали
Корысти и печали...
И здесь обман.

И здесь бояться надо
Унылых стукачей?
Шум, разговор банальный,
Трепещет поминальный
Огонь свечей.

Целует отрешенно,
И плача, и смеясь,
Не золотые слитки,
А Заповедей свитки,
Суть, смысл и связь.

Ты видишь их, о Боже,
Свершающих круги?
Я только лишь прохожий,
Но помоги мне, Боже,
О, помоги!

1969 г.

В ИТОГЕ

И этот вояж приблизился к концу. Я проехал по местам, где каждый клочок земли может служить памятником тяжелой участи еврейского народа. По земле, где он не раз испытывал горечь и разочарование, встречал недоверие и подозрение. По земле, где он чувствовал себя пасынком, изгоем, хотя честно трудился и наравне с другими орошал ее потом. Тем не менее, народ жил, развивался, сохранял национальные ценности, соблюдал предначертанные Всевышним обязанности. Дополнил и обогатил незыблемое Учение идеями *хасидизма*. На трудовые средства воздвиг монументальные здания синагог, которые свидетельствовали о периодическом процветании общин. Но это в прошлом.

Каково же положение синагог сейчас? После поездки по Украине есть возможность сравнить с другими местами. Мы знакомы с относительно процветающей синагогой в Грузии и с синагогой, находящейся на грани полного упадка – в Белоруссии и в Сибири. Первое впечатление от поездки по Украине таково: несмотря на общий мрачный и бесперспективный фон, характерный для большинства синагог, здесь чувствуются надежды на самоисцеляющие силы, слабые ростки возврата к традиции в отличие, например, от Сибири. Но по сравнению с грузинской общиной, состояние синагог здесь намного хуже. Об общей плохой участи синагог свидетельствует следующее:

– во многих из посещенных городов, в которых раньше существовали общины, синагоги исчезли, и нет никаких общин (Полтава, Гадяч, Калиновка, Меджибож);

— в городах, имеющих еврейские религиозные общины, синагоги лишены официального статуса, подвергаются спорадическим налетам и гонениям по произволу местных властей и в любой момент могут быть закрыты (Харьков, Коростень, Шепетовка, Могилев-Подольский и др.);

— в некоторых городах случались кражи свитков, и нет уверенности, что специализирующаяся на преступлениях шайка будет обезврежена. Периодически отнимают деньги из добровольных пожертвований, что значительно подрывает возможности общин для поддержания синагоги и обслуживающего персонала;

— везде нельзя совершать ритуальные омовения;

— во многих городах закрыты отдельные кладбища, что сильно угнетает религиозные чувства верующих;

— почти во всех синагогах число посещающих молитвенные обряды находится на предельном минимуме;

— число сведущих в религиозных обрядах людей снижается;

— очень редко приходилось наблюдать на богослужениях женщин и молодежь, что свидетельствует об их отчужденности от религиозной жизни общины;

— почти повсюду отсутствует учеба как начальная (язык), так и последующая (*Блат-геморе*);

— не пришлось наблюдать обрядовые венчания и обрезания, что создает впечатление о потере национальных религиозных ценностей.

Как результат всего приходится констатировать, что синагога потеряла свою притягательную силу, а община — самобытность; процесс ассимиляции прогрессирует.

И все же... В нескольких городах действуют синагоги в сохранившихся старых зданиях (Киев, Одесса, Бердичев, Славута, Бершадь).

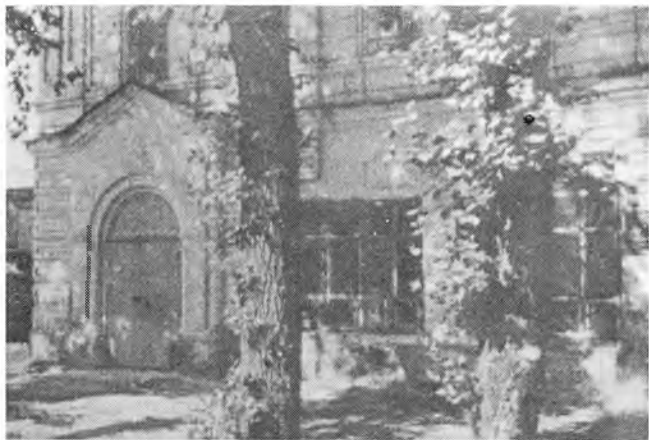
На смену уходящим знакам традиций выдвигаются новые, *миньяны* продолжают существовать.

Несмотря на непомерные налоги, верующие без-

возмездно ведут богослужения и в свободное время ремонтируют здания.

Повсеместно сохранился обряд поминовения усопших.

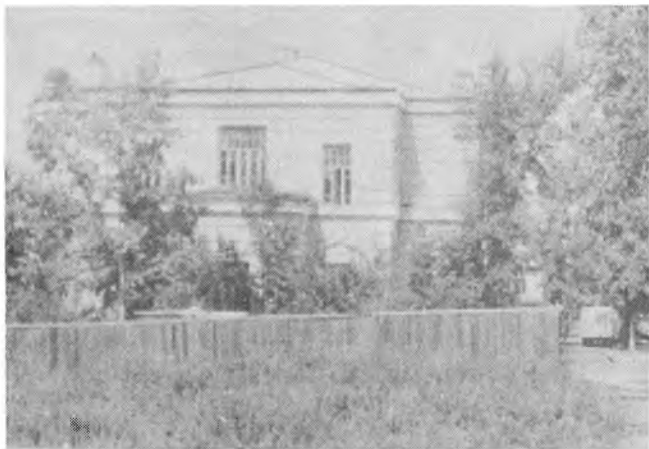
Помимо влияния синагоги, благодаря тому, что значительная часть еврейского населения в своем сердце чтит Бога и тяготеет к религии, происходит рост религиозного сознания. Это дает надежду, что тяжелые времена синагоги уйдут в прошлое и имя Бога, олицетворяющее Разум и Справедливость, восторжествует.

Действующая синагога в г. Иркутск, Сибирь. Июнь 1981 г.

Мемориал на еврейском кладбище в г. Иркутск

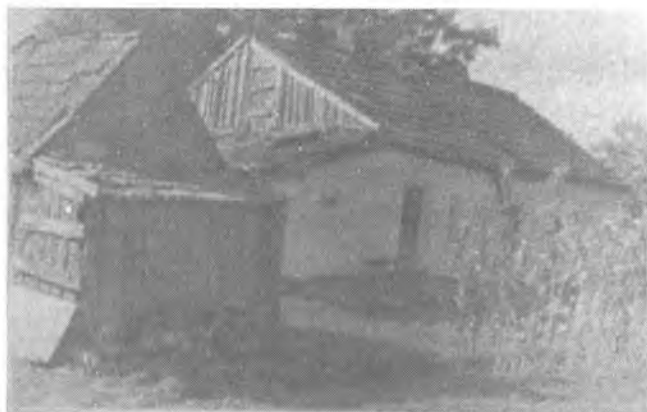
Здание бывшей синагоги в г. Чита, Сибирь. Июль 1981 г.

Здание бывшей синагоги в г. Казань. Ныне – Дом учителя

Здание бывшей синагоги в еврейской колонии Красноселовка, Украина, где ныне проживают три еврейские семьи

Дом пенсионера-колхозника Зелика Минца в бывшей еврейской колонии Ново-Златополь, Украина

Бывший колонист Ново-Златополя Вениамин Лев у памятника воинам, погибшим в боях с фашизмом

Единственная еврейская семья в бывшей еврейской колонии Златополье, Украина

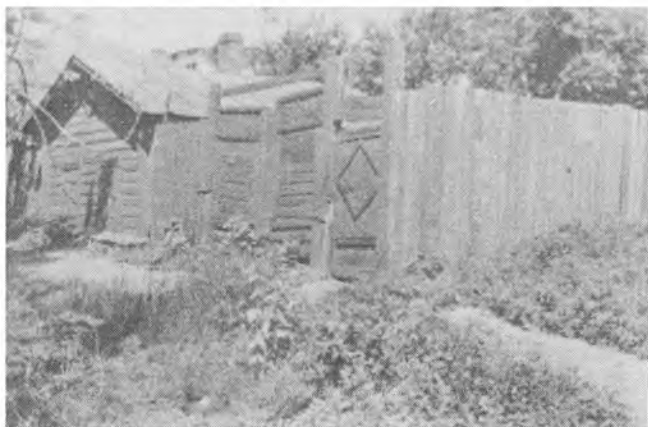
Действующая синагога в г. Ростов-на-Дону. 1971 г.

Действующая синагога в г. Биробиджане

Мемориальная плита на могиле р. Каценеленбогена в г. Ростове-на-Дону

Здание в г. Омск, Сибирь, где по субботам собирается миньян. Действовавшая синагога сгорела в 1978 г.

Здание бывшей синагоги в г. Омск. Ныне – Дом санитарного просвещения

*Действующая ашкеназская синагога в г. Ташкент,
Узбекистан. Декабрь 1983 г.*

*Построенная недавно синагога бухарских евреев в
г. Ташкент*

Указатель незнакомых слов и понятий

- Аггада* (ивр.), здесь — сказание, повествование.
- Алейну* (ивр.), название заключительной части трех ежедневных молитв.
- Алеф-бет* (ивр.), две начальные буквы еврейского алфавита; азбука.
- Алия* (ивр.), буквально "восхождение"; приглашение на *биму* выслушать чтение отрывка из Торы.
- Амида* (ивр.), основная часть каждой из трех ежедневных обязательных молитв.
- Ам Исраэль* (ивр.), народ Израиля.
- Баал-криа* (ивр.), чтец свитков Торы.
- Баал-тфила* (ивр.), *хаззан*, кантор; при публичном богослужении читает молитву вслух, стоя у амвона.
- Бар-мицва* (арам.), празднование достижения мальчиком тринадцатилетнего возраста, с которого он считается взрослым, то есть правомочным и обязанным исполнять религиозные заповеди.
- Бет-мидраш* (ивр.), буквально "дом ученья"; место изучения Закона, в особенности Мишны, Талмуда и послеталмудической литературы.
- Бет-дин* (ивр.), раввинский суд.
- Бима* (ивр.), огороженное возвышение в центре синагоги, на котором читаются еженедельные отрывки из свитков Торы, произносятся некоторые молитвы и объявления.
- Биркат ха-мазон* (ивр.), молитва после еды, включающей хлеб.
- Блат-геморе* (идиш), страница, отрывок из *Гемары* (Талмуда), который штудировается ежедневно.
- Браха* (ивр.), термин, означающий благословение, бенедикцию, счастье, удачу, подарок, преподношение.

- Брит-мила* (ивр.), обрезание младенцев на восьмой день, согласно заповеди.
- Брохес ха-бокер* (идиш; ивр. *Биркат ха-шахар*), ряд бенедикций, читаемых перед утренней молитвой.
- Габбай* (ивр.), должностное лицо в еврейской общине или синагоге, ведающее организационными и денежными делами. Ныне председатель правления общины.
- Галаха* (точнее *Халаха*; иврит арам. происхождения), нормативная часть иудаизма; также совокупность еврейских правовых и социальных законов.
- Галут* (ивр.), буквально "изгнание"; вынужденное пребывание еврейского народа вне его родной страны Эрец-Исраэль.
- Гемара* (арам.), свод дискуссий и анализов текстов Мишны, проводившихся законоучителями Талмуда с III по V век.
- Гой* (идиш, ивр.), нееврей.
- Иешива* (ивр.), высшая школа для изучения Закона, в частности Талмуда.
- Иорцайт* (идиш), ежегодное поминовение умерших родителей и близких родственников.
- Изкор* (ивр.), буквально "Да вспомнит (Бог)", начальные слова и название одной из заупокойных молитв.
- Ин мизрах зайт* (идиш), "у восточной стены", почетные места в синагоге, где сидят раввин, *габбай*, глава общины и другие знатные лица.
- Каввана* (ивр., идиш *кавоне*), сосредоточенность во время молитвы.
- Каддиш* (ивр.), славословие, в основном читаемое несколько раз в ходе ежедневных молитв. Один из вариантов *Каддиша* посвящен памяти умерших родственников.
- Кашер* (ивр.), в основном — ритуально пригодная к употреблению пища.
- Кашрут* (ивр.), состояние пригодности пищи (а также предметов культа) употреблению согласно *Галахе*.

Киддуш (ивр.), благословение, произносимое обычно над вином в знак наступления субботы или праздника.

Кипа (арам.), ермолка, которую носят религиозные евреи.

Кислев (ивр.), название месяца, обычно соответствующего ноябрю-декабрю.

Клейн-штетл (идиш), местечко.

Кохен (ивр.), представитель священнического рода Ааронидов (потомков Аарона), в обязанности которых входит и совершение обряда благословения молящихся. Звание наследственное.

Ктубба (ивр.), брачный договор.

Леви (ивр.), представитель колена Леви, ныне обслуживающий *кохена* при совершении им обряда благословения молящихся. Звание наследственное.

Ликкутей Амарим, Танья (ивр.), два названия основного произведения Шнеур Залмана из Ляд, известного как "дер Алтер ребе".

Лашон-койдеш (идиш; ивр. *лашон-кодеш*), буквально "священный язык"; иврит.

Луах (ивр.), календарь.

Маарив (ивр.), ежедневная вечерняя молитва.

Маген-Давид (ивр.), щит (царя) Давида, шестиконечная звезда, эмблема еврейского народа.

Мегиллат-Эстер (ивр.), свиток Эсфири, одна из книг Библии, в которой описаны события, связанные с праздником Пурим.

Медресе (араб.), мусульманская религиозная школа.

Мезуза (ивр.), пергаментный свиток с отрывками из Второзакония, который в еврейских жилищах прикрепляется к косякам дверей.

Меламед (ивр.), учитель в традиционной начальной школе — *хедере*.

Мидраш (ивр.), буквально "изучение"; здесь — место изучения Торы и раввинистической литературы.

Микве (ивр.), бассейн для ритуального омовения.

Минха (ивр., идиш *Минхе*), послеполуденная или

- предвечерняя молитва (примерно от двух часов дня до сумерек).
- Миньян* (ивр.), кворум — десять взрослых мужчин, — необходимый для совершения публичного богослужения и ряда религиозных церемоний.
- Миснагдим, миснагеды* (идиш, ивр. *митнагдим*), ортодоксальные евреи, не принявшие учение *хасидизма*.
- Мохел* (ивр.), лицо, совершающее обряд обрезания.
- Нетилат-ядаим* (ивр.), ритуальное омовение рук перед едой, после сна и после отправления естественных нужд.
- Нуссах* (ивр.), состав и порядок литургии, а также вариант молитвы.
- Омейн* (идиш, ивр. *амен*), слово, произносимое присутствующими при чтении бенедикции или определенной части молитвы.
- Орн-койдеш* (идиш, ивр. *Арон-кодеш*), шкаф ("Ковчег") у восточной стены синагоги, за амвоном, для хранения свитков Торы.
- Параша* (ивр.), недельный отрывок Пятикнижия.
- Пуримшпил* (идиш), шуточный спектакль в праздник Пурим.
- Раввинистский Каддиш*, особая форма *Каддиша*, которую читают после изучения отрывка из Мишны, *Гемары* и другой раввинистической литературы.
- Рош ха-Шана* (ивр.), Новый год по еврейскому календарю.
- Сеуда* (ивр.), трапеза.
- Сиддур* (ивр.), молитвенник.
- Смиха* (ивр., в русской духовной лексике "рукоположение"), присвоение звания раввина, а также удостоверение об этом; здесь — свидетельство о праве исполнять обязанности *шойхета*.
- Талес* (идиш, ивр. *таллит*), белое покрывало (обычно с черными полосами по двум краям), в которое облачаются мужчины во время утренней молитвы.
- Талмид-хахам* (ивр.), знаток Закона, обычаев; ученый.
- Талмуд-Тора* (ивр.), традиционная еврейская религиозная школа.

- Танах* (ивр.), Библия; аббревиатура названия ее трех разделов — Тора, Невим, Ктувим.
- Тахрихим* (ивр.), саван.
- Техиллим* (ивр.), название первой книги в разделе *Ктувим*; также отдельные ее главы.
- Тише б'ов* (идиш, ивр. *Тиша бе-ав*), традиционный день траура и поста в память о разрушении Первого и Второго храмов в Иерусалиме.
- Тфиллин* (арам.), филактерии; кожаные коробочки с отрывками из книг Исход и Второзаконие, которые накладываются совершеннолетними евреями на левую руку и на лоб во время утренней молитвы в будни.
- Хавдала* (ивр., идиш *Хавдоле*), буквально "разделение"; обряд, разделяющий окончание субботы (или праздника) и приход будних дней.
- Хаззан* (ивр.), в современной лексике — кантор, а также лицо, ведущее синагогальное богослужение.
- Хасидим, хасиды* (ивр.), в обиходной речи — приверженцы *хасидизма*, религиозно-мистического учения, которое основал на Украине Баал-Шем-Тов.
- Хахам* (ивр.), буквально "мудрый"; почитаемый еврей, отличающийся в еврейской общине знанием традиций и их соблюдением.
- Хедер* (ивр.), традиционная начальная еврейская школа.
- Хедер-шени* (ивр.), буквально "вторая комната"; второе помещение (кроме основного зала), в котором происходит богослужение (обычно в будние дни) для небольшого числа прихожан.
- Хойду* (идиш, ивр. *Ходу*), начальная часть утренней молитвы.
- Хоменташ* (идиш), треугольные пирожки с маком, пекутся на Пурим.
- Хуммаш* (ивр.), Пятикнижие, Тора.
- Хуппа* (ивр.), свадебный балдахин; обиходно — обряд бракосочетания.
- Цаддик* (ивр.), праведник, а также духовный вождь хасидской общины.

Цдака (ивр., идиш *цдоке*), пожертвования, которые обязан делать верующий в пользу синагоги и нуждающихся.

Чолнт (идиш, ивр. *Хаммин*), горячая пища, которую помещают в печь в канун субботы и подают к столу в субботний обед.

Шалеш-суде (идиш, ивр. *сеуда-шлишит*), третья ритуальная трапеза в субботу (первая накануне, в пятницу, вторая — днем).

"Шалом-aleyхем" (ивр.), "Привет вам (ангелы-служители)" — поэтическое обращение к двум ангелам, согласно агадическим представлениям, сопровождающим в канун субботы еврея, идущего из синагоги.

Шалиах-циббур (ивр.), кантор, *хаззан*.

Шамес (идиш, ивр. *шаммаш*), синагогальный служка.

Шахарис (идиш, ивр. *Шахарит*), утренняя служба.

Шма (ивр.), название библейской формулы провозглашения единственности Бога, начальное слово стиха Второзакония 6:4; здесь название молитвы, читаемой дважды в день, а у религиозных евреев — также перед сном.

Шмоне эсре (ивр.), буквально "восемнадцать"; сокращенное название цикла бенедикций, читаемых три раза в день, обратившись лицом к Иерусалиму.

Шмура (ивр.), *мацца*, изготавливаемая при тщательном соблюдении ритуальных требований, связанных не только с выпечкой, но и с выращиванием и хранением зерна и муки.

Шойхет (идиш, ивр. *шохет*), резник, совершающий убой скота и птицы согласно ритуалу; в небольших общинах исполняющий обязанности *мохела*.

Шолем алейхем — *Алейхем шолем*, идишская форма ивритского взаимного приветствия *Шалом алейхем* — *Алейхем шалом*, буквально "Мир вам (тебе) вам (тебе) мир".

Штрудл (идиш), сладкий пирог.

Шулахан Арух (ивр.), свод установлений и предписаний религиозного Закона (*Халаха*).

Шхина (ивр.), присутствие Бога; Божественная эманация.

Шхита (ивр.), ритуальный убой скота и птицы. Здесь и далее — место для резки птицы и скота.

Эль мале рахамим (ивр.), "Боже любвеобильный" — начальные слова и название одной из заупокойных молитв.

Эстер-тонес (идиш, ивр. *Таанит Эстер*), пост накануне праздника Пурим в память о посте еврейских жителей столицы Персидской империи по просьбе царицы Эсфирь.

Эшет хаил (ивр.), отрывок из книги Притч Соломоновых (31:10—31), восхваляющий достоинства хозяйки дома.